

Общероссийская общественная организация
«Ассоциация преподавателей русского языка
и литературы высшей школы»

Федеральное государственное бюджетное образовательное учреждение
высшего образования «Вятский государственный университет»

Детская литература в контексте XXI века: сохранение традиций и тенденции развития

Сборник статей

Киров
2020

УДК 821.161.1

ББК 83.8

Д386

Д386 Детская литература в контексте XXI века: сохранение традиций и тенденции развития : сборник статей / [под науч. ред. Е. О. Галицких, В. В. Двоеглазова]. – Киров : ООО «Издательство «Радуга ПРЕСС», 2020. – 188 с.

ISBN 978-5-6043862-5-5

В сборнике рассматриваются вопросы традиций и проблемы развития детской литературы, детского чтения, их педагогического сопровождения, обобщается и транслируется опыт по сохранению самостоятельного библиотечного, семейного чтения как важнейших факторов сохранения читательской культуры детей и взрослых.

Материалы сборника адресованы преподавателям вузов, научным работникам, педагогам, библиотекарям, работникам сферы культуры и просвещения, а также молодым ученым, аспирантам, магистрантам и бакалаврам.

УДК 821.161.1

ББК 83.8

ISBN 978-5-6043862-5-5

© Общероссийская общественная организация «Ассоциация преподавателей русского языка и литературы высшей школы», 2020

© «Вятский государственный университет» (ВятГУ), 2020

© Коллектив авторов, 2020

© ООО «Издательство «Радуга-ПРЕСС», макет, 2020

Содержание

ГЛАВА 1. МОТИВЫ ДЕТСТВА В ХУДОЖЕСТВЕННОЙ ЛИТЕРАТУРЕ: ЛИТЕРАТУРОВЕДЧЕСКИЙ И ЛИНГВИСТИЧЕСКИЙ АСПЕКТЫ

<i>Маслова А. Г., Шаньгина А. С.</i> Образы детей в романе Ф. М. Достоевского «Идиот»	6
<i>Полякова О. А., Поляков О. Ю.</i> «Страшно за детей»: детские образы в «Губернских очерках» М. Е. Салтыкова-Щедрина.....	13
<i>Калинина Л. В.</i> Бабочки Юрия Коваля	21
<i>Наумова Н. Г.</i> От слова к нравственности (на материале рассказа Ф. Искандера «Запретный плод»).....	27
<i>Галицких Е. О.</i> Развитие темы детства в творчестве Альберта Лиханова.....	33
<i>Злыгостева Н. И.</i> Детство – ключевой мотив в лирике Анатолия Гребнева.....	52
<i>Галицких Е. О., Пешкина Ю. А.</i> «Вятское детство» в творчестве В. Н. Крупина	58
<i>Галицких Е. О.</i> Время взросления в лирике Анны Титовой.....	68
<i>Федяева Т. А., Галицких Е. О.</i> Мир детства в прозе Ирины Краевой.....	76

ГЛАВА 2. БИОГРАФИЧЕСКОЕ: ЖИВОЕ ДЕТСКОЕ ВОСПОМИНАНИЕ

<i>Поздеев В. А.</i> Автобиографическое как репрезентация жизненных поисков и смыслов (Н. Перминова, Е. Наумова, Г. Кустенко)	90
<i>Звонарева Л. У., Кудрявцева Л. С.</i> Детство Александра Алексеева: из Константинополя в Гатчину	100
<i>Русова Н. Ю.</i> Мои первые книжки	118
<i>Баженова Н. А.</i> Главы о детстве из книги Н. А. Баженовой «Без корней деревья не растут...»	128

ГЛАВА 3. МЕТОДИЧЕСКИЕ ОТКРЫТИЯ ДЕТСКОЙ ЛИТЕРАТУРЫ

Семькина Е. Н.

Народная педагогика в книгах В. Н. Крупина 139

Галицких Е. О.

Три методических «открытия» детской литературы: в театре,
в книге, в жизни..... 145

Вылегжанина С. Ю.

Из скверного ученика в замечательные учителя: размышления
о книге Д. Пеннака «Школьные страдания» 155

Терентьева Н. П.

Приглашение к чтению: отцы vs дети (заметки на полях школьных
сочинений)..... 161

Грудинина (Кокурина) О. Т.

Опыт книговедческой подготовки библиотекарей
детских библиотек..... 170

Кожевникова Е. А.

Занятия по истории книги как средство приобщения юных читателей
к книжной культуре 175

Лицарева К. С.

Испытание жанром: некоторые тенденции отечественной детской
литературы XXI века..... 182

Уважаемые читатели! Дорогие друзья!

Вы открываете новую книгу о детской литературе. Ее главным предметом внимания является концепт «детство», который собирает вокруг себя литературоведческие исследования, методические открытия, авторские воспоминания. Таким образом создается библиопространство детства: от педагогического изложения теоретических и практических особенностей книг для юных читателей, интерпретации текстов детства и о детстве до бережного словесного воплощения самих детских воспоминаний, первых, сокровенных, благодарных.

Несомненно, всем памятен и всем дорог в этом отношении опыт Л. Н. Толстого. Его чудесная выведенная формула дивной поры человеческого существования («свежесть, беззаботность, потребность любви и сила веры», «невинная веселость и беспредельная потребность любви») отдельными гранями, узорами и в полноте своей творчески преломляется в содержании сборника. Вопреки физическим законам благодарный материал «мягкой ткани» возвращает читателя в «невозвратимую пору» мемуарными воспоминаниями, чуткими методическими наблюдениями, научными статьями – таким разным опытом, конечно, личного характера, но всегда сохраняющим бесценный облик своего творца. Показательны взволнованность, динамичность, выверенность, опытность, стремление мысли к творческой энергии добра. Все говорит о детстве – неизменном и важном в жизни всякого человека, без исключения.

Для неискушенных полезным окажется каждый материал, следующий (в основном) в хронологическом порядке: от наблюдений за тревожным и внимательным художественным воплощением форм «детского» в творчестве Достоевского, Салтыкова-Щедрина до характеристики нередко пограничного («детско-взрослого») творчества современных авторов.

Искушенному читателю будут интересны воспоминания Н. А. Русовой, Н. А. Баженовой, студентки А. Черепановой, поэтические строки А. Гребнева, поэтический ритм А. Титовой.

Однако каждый читатель найдет то, что, надеемся, вернет его в «счастливую, счастливую невозвратимую пору», ибо «воспоминания эти освежают, возвышают <...> душу и служат <...> источником лучших наслаждений».

Е. О. Галицких, В. В. Двоглазов

ГЛАВА 1. МОТИВЫ ДЕТСТВА В ХУДОЖЕСТВЕННОЙ ЛИТЕРАТУРЕ: ЛИТЕРАТУРОВЕДЧЕСКИЙ И ЛИНГВИСТИЧЕСКИЙ АСПЕКТЫ

УДК 821.161.1

А. Г. Маслова,

доктор филологических наук, профессор кафедры русской
и зарубежной литературы и методики обучения,
Вятский государственный университет, г. Киров
e-mail: ag.maslova@mail.ru

А. С. Шаньгина,

студентка III курса факультета филологии и медиакоммуникаций,
Вятский государственный университет, г. Киров

ОБРАЗЫ ДЕТЕЙ В РОМАНЕ Ф. М. ДОСТОЕВСКОГО «ИДИОТ»

IMAGES OF CHILDREN IN F. M. DOSTOEVSKY'S NOVEL «THE IDIOT»

Аннотация. В статье анализируется эпизод из романа «Идиот» – рассказ князя Мышкина о своем пребывании в Швейцарии и общении с детьми. Дети в произведениях Ф. М. Достоевского могут быть одновременно злы и добры, жестоки и милосердны. В истории с Мари большую роль играет детская восприимчивость мира. В раннем детстве дети копируют поведение взрослых, поэтому важно, чтобы в момент становления их личности рядом был человек, который направит их по пути человечности и добра. Именно этому учит история о Мари.

Ключевые слова: тема детства в литературе, образ Мышкина, нравственное воспитание детей.

Abstract. The article analyzes the story of Prince Myshkin about his stay in Switzerland and communication with children. Children in the works of F. M. Dostoevsky can be both evil and kind, cruel and merciful. In the story of Marie, the childlike sensitivity of the world plays a big role. In early childhood, children copy the behavior of adults, so it is important that at the moment of becoming their personality, there is a person who will guide them along the path of humanity and goodness. This is what the story of Marie teaches.

Keywords: the theme of childhood in literature, the image of Myshkin, moral education of children.

Известно, что в произведениях Ф. М. Достоевского огромное место занимает тема детства. Б. Н. Тарасов, рассматривавший проблему изображения детства в творчестве Ф. М. Достоевского, отмечает, что для писателя характерна тенденция «овзрослять» детские персонажи, присваивать им черты взрослого сознания и тем самым делать детей полноправными участниками «диалогических романов» [3, с. 21]. Именно «взрослые» дети, сознающие «прозу» и «факт» действительности, становятся активными участниками сюжетных конфликтов его произведений. «Задумывающиеся» дети, осознающие стадию детства и начинающие рассуждать о добре и зле, любви и ненависти, – таковы детские персонажи в произведениях писателя.

«Дети у Достоевского отнюдь не всегда благостны и добры» [2, с. 27] – так отмечал В. А. Михнюкевич в своей работе. «Ребёнок у Достоевского – и традиционный христианский символ святости, и существо демоническое, готовое попать все христианские святыни. В нем абсолютнее, чем во взрослом, выражены полюса человеческой нравственности – божественное и сатанинское» [4, с. 247]. Такие сложные, антиномические характеристики детских образов в творчестве Ф. М. Достоевского обуславливают непрекращающийся интерес исследователей к проблеме, обозначенной в данной статье, и определяют актуальность названной темы.

Мы обращаемся к анализу одного из эпизодов романа «Идиот», в котором писатель касается темы детей и детства.

В черновом варианте произведения большое количество сюжетных линий было связано у Ф. М. Достоевского с детьми, но в итоге дети фигурируют только в воспоминаниях Мышкина. Тем не менее детская линия в романе выражена ясно: князя Мышкина Достоевский наделяет детскими чертами, любовью и привязанностью к детям. Для Мышкина дети – это маленькие взрослые, которые все понимают, а иногда и намного больше взрослых. «Ребёнку можно говорить – всё; от детей ничего не надо утаивать под предлогом, что они маленькие и что им рано знать. Какая грустная и несчастная мысль!.. Большие не знают, что ребёнок даже в самом трудном деле может дать чрезвычайно важный совет», – замечал князь Мышкин [1, с. 70].

Впервые князь Мышкин упоминает о детях в гостях у семьи Епанчиных. Он начинает с рассказа о его пребывании в Швейцарии, и затем разговор заходит о счастье. Лев Николаевич утверждает, что причиной его счастья были дети, и только с ними он смог испытать это чувство. Дети помогли ему справиться с одиночеством, они открыли ему радость в этом чужом и непонятном мире и тем самым стали главными действующими лицами в жизни Мышкина.

Образ ребенка в произведении отражает и собственную натуру князя Мышкина. Окружающие его люди каждый раз говорили о том, что он наделён какой-то особенной проницательностью, и это несмотря на то, что он такой «идиот». Князь сообщает нам, что ему 26 лет, и 24 из них он был болен, следовательно, последние два года он был в здравом уме и в здравой памяти, и мы можем смело предполагать, что именно дети помогли ему в этом чудесном исцелении. Ведь Лев Николаевич сам говорил: «Через детей душа лечится» [1, с. 70]. И именно дети помогли познать, что такое счастье, не только князю, но и несчастной Мари.

Мышкин утверждал, что дети могут быть жестоки и милосердны; они могут ненависть, злобу, презрение сменить на чувство привязанности, любви или дружбы. Дети искренне поверили «Леону», его

сердечность пробудила в них ответные теплые чувства, они доверились ему. Их ненависть по отношению к бедной больной девочке сменилась затем заботой и любовью.

В описанной истории с Мари большую роль играет детская восприимчивость мира. Так как в раннем детстве они лишены собственного мировоззрения, понятий и взглядов, важно, чтобы в момент становления их личности рядом был человек, который смог бы заложить хорошее и правильное «основание».

Дети в произведениях Ф. М. Достоевского могут быть одновременно злы и добры, жестоки и милосердны. Это подтверждается рассказанной Мышкиным историей, где с самого начала дети ненавидели эту несчастную девочку и презирали даже самого «Леона», особенно когда он поцеловал Мари. И главная причина их поведения крылась в окружающих людях, дети просто копировали поведение взрослых, которые так относились к Мари, и сами того не понимали. Но у Льва Николаевича был другой взгляд, он не боялся этого ошибочного мнения людей и все равно относился к ней с состраданием и любовью. Дети не были против его новых взглядов, они принимали их, потому что в глубине души они добрые и отзывчивые. Им нужен был всего лишь небольшой толчок, чтобы принять «новый образ» Мари и сменить презрение на любовь и сострадание. Этим импульсом был князь Мышкин, который изменил их представления. Так, постепенно дети начали ухаживать за Мари, отдавать частичку своей любви и заботы ей. В свою очередь Мари благодаря им узнала, что такое истинное счастье: «Через них она забыла свою черную беду, как бы прощение от них приняла, потому что до самого конца считала себя великою преступницею» [1, с. 76]. И в этой ситуации примечательно, что именно через детей и взрослые стали относиться к ней лучше: «Когда в деревне прослышали, что Мари уже, в самом деле, умирает, то к ней стали ходить из деревни старухи, сидеть и дежурить. В деревне, кажется, стали жалеть Мари» [1, с. 76].

Ни школьному учителю, ни профессору Шнейдеру не нравилось такое большое влияние Мышкина на детей, они высказывались о вре-

де его так называемой «системы». Но никакой системы и не было, Лев Николаевич просто давал детям то, что им нужно с самого раннего детства: забота, понимание и принятие. Он воспринимал их как равных, а дети отвечали ему взаимностью, и даже когда родители стали запрещать детям общаться с Мышкиным, они «все-таки виделись, издали объяснялись знаками», присылали «Леону» свои маленькие записочки [1, с. 77].

Скорее всего, родители швейцарских детей не давали им достаточно внимания, и они стали получать его от Мышкина: «Расходясь на ночь, они стали крепко и горячо обнимать меня, чего не было прежде. Иные забегали ко мне потихоньку от всех, по одному, для того только, чтоб обнять и поцеловать меня наедине, не при всех. Когда я уже отправлялся на дорогу, все, всю гурьбой, провожали меня до станции...» [1, с. 78]. Взрослые обязаны дарить эти эмоции детям и каждый раз подтверждать свою любовь. Они должны общаться с детьми, узнавать их и ни в коем случае не ставить их ниже себя. От этого будет зависеть будущее каждого ребенка, то, кем они станут и смогут ли также горячо любить и заботиться о ком-то. Характер ребенка складывается на основе его окружения, в условиях, в которых он живет.

Дети и их отношение к князю могут раскрыть нам «секрет» характера самого Льва Николаевича. От того, что дети так тянутся к нему, можно сделать вывод, что он сам воплощение любви, ее источник. Получая любовь, дети делились ею с Мари. Раньше они не были на это способны: «Дети ей проходу не стали давать, дразнили пуще прежнего, грязью кидались; гонят ее, она бежит от них со своею слабостью грудью, задохнется, они за ней, кричат, бранятся...» [1, с. 73]. И вот какие перемены произошли в детях по прошествии недолгого времени: «Потом все узнали, что дети любят Мари, и ужасно перепугались; но Мари уже была счастлива. Детям запретили даже и встречаться с нею, но они бегали потихоньку к ней... носили ей гостинцев, а иные просто прибегали для того, чтоб обнять ее, поцеловать, сказать: “Je vous aime, Marie!” [«Я вас люблю, Мари!» (франц.)] – и по-

том стремглав бежать назад» [1, с. 74]. Все это благодаря рассказам Льва Николаевича: «Я им рассказал, какая Мари несчастная; скоро они перестали разговаривать, я от них ничего не тайл; я им всё рассказал. Они очень любопытно слушали и скоро стали жалеть Мари» [1, с. 73–74]. Дети часто просили его рассказать какую-нибудь историю, задавали ему много вопросов. Он даже стал больше читать, чтобы было о чем им поведать. Мышкин вместе с ними забывал свою тоску и одиночество, а когда он уезжал, самое тяжелое для него было расставание с этими детишками.

С детьми князю Мышкину было свободно и комфортно, с ними он мог разговаривать о чем угодно, а со взрослыми не знал как себя вести. В дальнейшем, по приезде его в Россию, чтобы приспособиться к обществу, он в каждом человеке угадывал ребенка, так ему было проще, ведь детей он знал и понимал. «О, какой же вы маленький ребенок, Лизавета Прокофьевна!» [1, с. 323], – говорил Мышкин генеральше Епанчиной, та и не отрицала и начинала терзать его своими материнскими заботами. Ее дочь Аглая – вздорная, балованная, капризная девушка, в душе она тоже останется маленькой. Только взрослый уже все равно не будет таким искренним и простым ребенком, с течением жизни разные обстоятельства наложат на его характер свой отпечаток.

Тема детей присутствует во многих произведениях Ф. М. Достоевского, так как писатель видит детей не только в детях, но и во взрослых людях, которые в некоторой степени не «от мира сего». И в каждом взрослом живет ребенок как проявление духовности и нравственности человека. Это светлое начало, заложенное еще с детства, помогает в некоторых случаях не поддаться искушениям, оставаться благодушным и человечным. Образы швейцарских детей из воспоминаний Мышкина – прямое тому доказательство. На складывание их характеров повлияло многое: нехватка любви в семье, презрительное отношение окружающих к чужим несчастьям. Все это могло бы породить ужасные последствия, но рядом с ними оказался человек, способный заполнить пустоту в их сердцах добрыми чувст-

вами. Ребёнок не должен отвечать своей жизнью за социальное зло. Он не знает норм и правил поведения в обществе, не может понять, как его поступки отзываются на окружающих людях. Именно поэтому рядом с ним должен быть взрослый, умеющий объяснить это. Дети невинны по своей природе, но их необходимо вовремя направить по нужному пути человечности и добра.

Список литературы

1. Достоевский Ф. М. Идиот // Достоевский Ф. М. Собрание соч. : в 15 т. Т. 6. Л. : Наука, Ленингр. отд-ние, 1989. 671 с.
2. Михнюкевич В. А. Поэтика детских образов Ф. М. Достоевского в контексте «народного христианства» // Вестник Челябинского университета. Сер. 2. Филология. 1994. № 1. С. 21–29.
3. Тарасов Б. Н. Детство в творческом сознании русских писателей // Литература в школе. 1995. № 4. С. 19–23.
4. Эпштейн М., Юкина Е. Образы детства // Новый мир. 1979. № 12. С. 242–257.

О. А. Полякова,
кандидат филологических наук,
доцент кафедры русской и зарубежной литературы
и методики обучения,
Вятский государственный университет, г. Киров
e-mail: polyakova-ro@yandex.ru

О. Ю. Поляков,
доктор филологических наук,
профессор кафедры русской и зарубежной литературы
и методики обучения,
Вятский государственный университет, г. Киров
e-mail: polyakoov@yandex.ru

**«СТРАШНО ЗА ДЕТЕЙ»:
ДЕТСКИЕ ОБРАЗЫ В «ГУБЕРНСКИХ ОЧЕРКАХ»
М. Е. САЛТЫКОВА-ЩЕДРИНА**

**“IN FEAR FOR THE CHILDREN”: THE IMAGE
SOFCCHILDREN IN M.E. SALTUKOV-SHCHEDRIN’S
“PROVINCIAL SKETCHES”**

Аннотация. В статье рассматриваются принципы и приёмы создания детских образов в «Губернских очерках» М. Е. Салтыкова-Щедрина, в частности показано, как писатель, представляя образы детей на фоне российской действительности середины XIX в., использует художественные возможности социальной типизации, сатиры, пародии, трансформации известного сюжета, а также театрализации как средства социально-психологической характеристики. В изображении сатириком детских образов проявляются как общая социально-критическая направленность очеркового цикла, так и социально-аналитическое начало и гуманизм автора, сострадающего детям, ставшим жертвами несправедливых общественных и семейных отношений.

Ключевые слова: М. Е. Салтыков-Щедрин, «Губернские очерки», детские образы, сатира, типическое, театрализация, рождественский сюжет.

Abstract. The paper is concerned with the principles and means of representation of children's images in M. E. Saltykov-Shchedrin's "Provincial Sketches". In particular, it is shown how the author, exposing the images of children in the context of Russian mid-19th century life, employs social typification, parody, transformation of a well-known plot, as well as theatricalization which serves as a vehicle of socio-psychological characterization. Portraying of children in "Provincial Sketches" reveals the general socio-critical tendency of the cycle combined with a deep social analysis and the author's humane concern for children who became victims of unjust social and familial relations.

Keywords: M. E. Saltykov-Shchedrin, "Provincial Sketches", children's images, satire, the typical, theatricalization, Christmas plot.

В творчестве М. Е. Салтыкова-Щедрина, который прославился прежде всего как мастер политической сатиры, детский вопрос занимает одно из центральных мест. Писатель стремился рассмотреть его с разных позиций: как психолог, он прослеживает процесс формирования личности героев в детские и юношеские годы; как социальный критик, изображает ребёнка как жертву несправедливого общественного устройства; как гуманист, сострадает детям, загубленным системой общественного и семейного воспитания; как мыслитель, обращается к проблеме отцов и детей, связывая её решение с перспективами развития страны.

По замечанию И. Б. Павловой, М. Е. Салтыков-Щедрин «придавал раннему периоду в жизни человека важнейшее значение, считая, что первоначальные впечатления оказывают определяющее влияние на натуру, формируют судьбу личности, через родителей ребёнок приобщается к социальным отношениям, институтам» [Павлова, с. 129]. Сам писатель признавался: «Мне жаль детей не ради каких-нибудь со-

циологических обобщений, а ради их самих» [Салтыков-Щедрин: 1970, т. XVII, с. 72].

Галерея детских образов Салтыкова-Щедрина берёт начало в «Губернских очерках», первом произведении, написанном после «вятского плена». На страницах произведения изображены дети из разных сословий: и благополучные, нарядные генеральские сынки, которых принимают скорее «за хорошие конфетки, нежели за мальчиков», и «предобрая» шестилетняя племянница купчихи-благотворительницы, раздающая калачики богомольцам, и юный лицемер, сын сельского пономаря-пьяницы, который с детства учится людям «пакостить».

В характеристике детских образов, в которой преобладает социальный аспект, проявляется общая критическая направленность очеркового цикла. Писатель-сатирик в большинстве случаев прямолинейно, в традициях просветительского морализаторства, связывает поведение детей с их сословной принадлежностью и уровнем семейной нравственности.

Авторскую позицию можно обнаружить в словах Корепанова, героя одноимённого очерка: «дети – это [...] неистощимая сокровищница для наблюдений за родителями». Герой-повествователь, которому адресована эта фраза, поначалу оценивает присутствующих на детском празднике в доме княжны Анны Львовны маленьких гостей как обыватель – по их поведению и уровню воспитания: одни, «чумадые и слюнявые», веселящиеся довольно шумно и дерущиеся между собой, восприняв княжеский зал за скотный двор, «предались всей необузданности своих побуждений»; другие – «душки», составляющие гордость и утеху родителей, вели себя смирно, «грациозно расшаркивались сперва одною ножкой, потом другою, и даже весьма удовлетворительно лепетали французские фразы». Для Корепанова, играющего роль губернского Мефистофеля, дети становятся объектом своеобразного воспитательного эксперимента. Он много беседует с ними как со взрослыми, обращаясь к ним по имени-отчеству, чтобы выведать их семейные тайны. Так, сын статского советника Фурначева, «мальчик лет пяти, весь завитой, в бархатной зелёной курточке и таковых же

панталонах», рассказывает ему, как «папка вынул много денег – и всё считал», а на вопрос, откуда папка взял деньги, уверенно отвечает: «Украл». Корепанов утверждает, что его откровенные беседы с представителями молодого поколения вырабатывают в них отвращение «к тем мерзостям, в которых закоренели их милые родители». И хотя образ этого героя раскрывается в пародийном ключе, его «воспитательные диалоги» с детьми помогают понять нравы крутогорского общества, его закулисы.

Образы детей, играющие важную роль в характеристике семейных отношений и общественной среды, представлены в очерке «Приютное семейство». В приятном семействе, иронично замечает герой-повествователь, все члены, от мала до велика, наделены какими-нибудь талантами: «старшая дочь играет на фортепьяно, вторая дочь приятно поёт романсы, третья танцует характерные танцы, четвёртая пишет, как Севинье, пятая просто умна. Даже маленькие члены семейства и те имеют каждый свою специальность: Маша декламирует басню Крылова, Люба поёт «По улице мостовой», Ваня оденется ямщиком и пропляшет русскую».

Писатель-сатирик с большим мастерством показывает, что домашние концерты стали частью театрального представления, которым по сути является светская жизнь крутогорского бомонда: театрализация как образ существования проявляется в виде социальных ролей, которые чётко распределены между его представителями, но исполняются бездарно и натужно. Этот, по определению Ю. М. Лотмана, «театр повседневного поведения» М. Е. Салтыков-Щедрин сатирически характеризует в сцене торжественного приёма в доме Размановских в честь дня ангела одной из дочерей. Режиссёром действия выступает татан, «под гнётом» которой находятся не только домашние, но и гости. Когда дочь-именинница, «с видом отчасти вдохновенным, отчасти полоумным» начинает играть на фортепьяно, присутствующие с умилением на лицах готовятся пережить это «истязание»: «Ах, задуют они нас нынче пением и декламацией». Госпожа Размановская всеми силами пытается поддерживать репутацию своего «приятного

семейства», на самом деле стремясь таким образом устроить будущее своего «выводка», особенно дочерей, и для достижения этой цели идёт на обременительные расходы. Повествователь иронично замечает, что она следит за каждым куском мяса, который гость кладёт себе в рот, а любой лишний глоток воспринимает как личное оскорбление. По воле матери дети становятся активными участниками этого фарса, и неестественное ролевое поведение воспринимается ими как модель жизненных взаимоотношений. В целом, театрализация становится у Салтыкова-Щедрина средством социально-психологической характеристики как взрослых, так и детских персонажей, помогая выявить в них такие черты, как бездуховность, склонность к предрассудкам и сплетням, полное отсутствие представлений об истинной культуре и нравственности.

Проявляя себя как социальный критик, автор «Губернских очерков» стремится запечатлеть образы детей разной сословной принадлежности. В очерке «Хрептюгин и его семейство» в поле его зрения попадают наследники богатого крутогорского купца, который сумел выбиться в люди и теперь всячески подчёркивает своё превосходство: на богомолье едет в «тарантасе чудовищных размеров», чай пьёт из серебряных самоваров, деликатную еду запивает розовым шампанским. Хрептюгин пытается выглядеть цивилизованно и культурно: он стыдится супруги, которую не смог «обшлифовать», но гордится дочерью, представляющей из себя «тип тонкой и образованной девицы», а потому презрительно относящейся к неразвитым и бескультурным, по её мнению, родителям. Она постоянно делает им замечания, выражая недовольство их поведением и неправильной речью, напоминая своим поведением купеческих дочек из комедий А. Н. Островского. Хрептюгин, чтобы удовлетворить свои амбиции, мечтает выдать свою дочь за «благородного», за «хоть бы махонького какого-нибудь генералика». Примечательно, что купец корит себя за то, что дал дочери простонародное, неблагозвучное имя Аксиныя, поскольку в то время, когда она родилась, был ещё простолюдином, зато, разбогатев, сына своего он нарёк Demetrius. Это «ненаглядное детище» проявляет ти-

пичные для купеческого сословия качества: «сыздетства головку его обуревают разные экономические операции», а именно – «смотреть, как деньги считают», и стремление стащить всё, что можно. Окружающие уверены, что «лютая бестия из него выйдет».

Если ориентироваться на предложенную Е. А. Скоробогатовой типологию детских образов, сложившихся в русской литературе XIX в., то этого героя можно назвать «ребёнком-чудовищем». По мнению исследовательницы, этот инвариант, характерный именно для М. Е. Салтыкова-Щедрина и не активно представленный в творчестве его современников, получил широкое распространение в произведениях XX в. [Скоробогатова, с. 53].

Тип «ребёнка-чудовища» возник у писателя-сатирика на основе его концепции воспитания, которая стала итогом глубоких размышлений над проблемами детства и семейных отношений. Как критически мыслящий человек, он был далёк от идеализации детства, от восприятия его только как лучшей поры человеческой жизни. Салтыков-Щедрин был убеждён, что несправедливые социальные условия, а также несовершенная система школьного и семейного воспитания наносят непоправимый урон личности ребёнка, формируют из него безнравственного человека. «Страшно за детей!» – этим пафосом проникнуты как философско-публицистические, так и художественные произведения писателя.

К разработке образа «ребёнка-чудовища» автор «Губернских очерков» обращается в очерке «Ёлка» с тем, чтобы осмыслить причины ранней деформации личности. Он приходит к выводу, что главная из этих причин кроется в несовершенстве общественного устройства, основанного на неравенстве, и оно пагубно влияет на всех людей, независимо от возраста и сословной принадлежности. Ребенок-чудовище в очерке – это прежде всего юный наследник крутогорского негоцианта, избиваемый на рождественском празднике сына прислуги под одобрение хозяев дома, воспринимающих происходящее как «невинные проказы их остроумных деточек». По замечанию Е. В. Душечкиной, авторский сарказм обусловлен несоответствием высокого

смысла светлого праздника тому, что совершается в богатом доме. Чудовищем становится и сын кузнеца, которого поначалу сентиментально настроенный герой-повествователь воспринимает как «бедного малютку». Они вместе через окно наблюдают за рождественским «весельем», после чего сострадательный рассказчик приглашает маленького незнакомца к себе в гости «на пряники». Однако дальнейшее бесцеремонное и наглое поведение юного героя существенно корректирует его чувства, особенно в тот момент, когда мальчик, игнорируя сладости, залпом выпивает рюмку вина. Таким образом, традиционный рождественский сюжет под пером сатирика завершается горьким прозрением героя-повествователя, впервые столкнувшегося с такой «ранней испорченностью». Но писатель-реалист расширяет социальный контекст, повествуя о тех условиях, в которых живёт мальчик-бедняк. В его многодетной семье в праздник все укладываются спать, потому что в доме нет никаких угощений, даже хлеба; отец постоянно избивает мать, а детьми никто не занимается. Между тем рассказчик замечает, что мальчишеское лицо «очень подвижно и дышит сметкою и дерзостью», а внешность юного гостя «говорит о чрезвычайной впечатлительности и восприимчивости».

В «Губернских очерках» М. Е. Салтыков-Щедрин ещё не делает глубоких обобщений по детскому вопросу, не даёт ему развёрнутой оценки, не выходит при изображении детских судеб на уровень нравственно-философского анализа. Всё это писатель масштабно и полностью реализует в «Господах Головлёвых» и «Пошехонской старине». Тем не менее уже в первом произведении зрелого периода он проявляет себя как социальный исследователь и гуманист, которому «страшно за детей».

Список литературы

1. Душечкина Е. В. Рождественская ёлка у М. Е. Салтыкова-Щедрина // Душечкина Е. В. Русская ёлка: история, мифология, литература. СПб. : Норинт, 2002. 416 с.

2. Лотман Ю. М. Театр. Язык и живопись // Лотман Ю. М. Статьи по семиотике литературы и искусства. СПб. : Академический проект, 2002. С. 388–400.

3. Павлова И. Б. Тема семьи и рода у Салтыкова-Щедрина в литературном контексте эпохи : монография. М. : ИМЛИ РАН, «Наследие», 1999. 152 с.

4. Салтыков-Щедрин М. Е. Собрание сочинений : в 10 т. [Электронный ресурс] Т. 1. М. : Правда, 1988. URL: http://az.lib.ru/s/saltykow_m_e/text_0005.shtml. «Губернские очерки» цитируются по данному источнику.

5. Салтыков-Щедрин М. Е. Собрание сочинений : в 20 т. М. : Худож. лит., 1970.

6. Скоробогатова Е. А. Детские образы в русской литературе второй половины XIX века (инварианты и варианты) // Вестник Харьковского национального педагогического университета им. Г. С. Сковороды. 2015. № 2(55). С. 50–53.

Л. В. Калинина,
доктор филологических наук,
профессор кафедры русского языка, культуры речи и методики обучения,
Вятский государственный университет, г. Киров
e-mail: grifon.kalinina@yandex.ru

БАБОЧКИ ЮРИЯ КОВАЛЯ

YURI KOVAL'S BUTTERFLIES

Аннотация. На материале прозаических миниатюр рассматриваются языковые средства, с помощью которых писатель Юрий Коваль изображает бабочек. Показывается, что бабочки описываются преимущественно с помощью глагольной лексики, в том числе такой, которая обычно характеризует человека. Средства и способы изображения бабочек демонстрируют все важнейшие особенности языка и стиля Юрия Ковалья.

Ключевые слова: язык писателя, образ бабочки, средства номинации, глагольные предикаты, Юрий Коваль.

Abstract. Based on the material of prose miniatures, we consider the language means by which the writer Yuri Koval describes butterflies. It is shown that butterflies are described mainly by using verbs, including those which usually characterize a person. The means of describing butterflies demonstrate all the most important features of Yuri Koval's language and style.

Keywords: the writer's language, the butterfly image, the means of nomination, verbal predicates, Yuri Koval.

Неоднократно обращаясь к языку произведений Юрия Ковалья, мы уже отмечали такие составляющие его мастерства, как знание «по имени» всех представителей животного и растительного мира, заинтересованное внимание к самым малым деталям, восприятие любого живого существа как равновеликого «собеседника» и умение

без прямого высказывания и назидания передать тончайшие, «неуловимые» оттенки мысли, чувства, состояния [ср., напр.: 3; 4]. Объект нашего рассмотрения в настоящей статье – языковые средства описания бабочек – позволяет показать одновременно все перечисленные особенности писательской манеры Юрия Коваля. В качестве материала для наблюдений послужили прозаические миниатюры, посвящённые бабочкам, из сборника «Листобой» [5]. Все примеры в статье цитируются по этому изданию.

Об образе бабочки в произведениях того или иного автора, в фольклоре того или иного народа существует немало научных работ. В рамках данной статьи мы не имеем возможности представить их обзор. В качестве примера назовём лишь несколько публикаций последнего времени [1; 2; 6; 7]. Скажем только, что бабочки в изображении Юрия Коваля – это не метафоры или символы чего-либо, это живые существа, «готовые к общению» с человеком.

Описание бабочек в сборнике «Листобой» встречается в 12 миниатюрах: «Бабочка», «Бабочки и цветы», «Адмирал», «Орденские Ленты», «Ночной павлиний глаз», «Медведица кая», «Паша и бабочки», «Полёт», «Белое и жёлтое», «Лошадка задумалась», «Сковорода», «Крылья бабочки». Часть из этих миниатюр, как это видно по названиям, специально посвящена бабочкам и их отдельным видам, в некоторых рассказах бабочки просто упоминаются.

Среди номинаций бабочек отмечаются лексемы *бабочка* (23 употребления), *орденские ленты* (5), *махаон* (4), *медведица кая* (4), *адмирал* (3), *павлиний глаз* (2), *капустница*, *крапивница*, *лимонница*. Как видим, чаще всего бабочки обозначаются на базовом уровне категоризации: лексема *бабочка* позволяет ясно представить данный вид насекомых как отличный от других видов (муравьёв, стрекоз, кузнечиков и т. д.) и при этом не затруднять читателя энтомологическими подробностями. Номинации субординатного уровня встречаются либо в миниатюрах, специально посвящённых тому или иному виду бабочек (*орденские ленты*, *медведица кая*,

адмирал, ночной павлиний глаз), либо являются общеизвестными (*капустница, крапивница, лимонница*).

Примечательно, что бабочки в миниатюрах Юрия Коваля изображаются не с помощью согласованных или несогласованных определений (такие примеры единичны и обычно не связаны с описанием бабочек, ср.: *чужие бабочки, моя бабочка*), а с помощью глагольной лексики. Иными словами, типичная бабочка у Юрия Коваля не «какая?», а «что делает?».

Глагольные предикаты, характеризующие бабочек, весьма разнообразны. Прежде всего это глаголы перемещения по воздуху: глаголы с корнем *-лет-* и другие, описывающие свойственное бабочкам быстрое и частое перелетание с места на место, порхание (обратим внимание на аффиксы, помогающие передать динамичность движения: *вз-, пере-, под-, на-...-ся, с-...ся*) – *летать* (4), *лететь* (2), *взлетать* (2), *перелетать* (1), *налетаться, слетаться, подлететь, виться* (2), *кружить, кружиться, метаться, трепетать* и др. Ср., напр.: *Я люблю смотреть, как бабочки летают над цветами* (Бабочки и цветы); *...взлетают бабочки, трепещут у самого лица, шепчут что-то на ухо* (Сковорода); *Жил на свете такой человек, на которого бабочки слетались. Звали его Паша. Пойдёт Паша гулять, а бабочки вокруг него вьются* (Паша и бабочки); *Он мечется у свечи, задевая лицо сухими крыльями* (Ночной павлиний глаз).

В некоторых случаях для характеристики полёта бабочки метафорически используются другие глаголы движения, в прямом смысле обозначающие иные способы перемещения: по воде (*плавать, проплывать, уплывать, покачиваться* (на волнах), *пристать*) или по земле (*прийти, приходиться, уходить*). В отдельных случаях употребляются глаголы обнаружения/скрывания объекта: *появляться, прятаться*. Ср.: *Плавают по синим волнам океана Адмирал... Когда мимо меня проплывает Адмирал, я почтительно отхожу в сторону и снимаю шапку. Покачиваясь на волнах, уплывает Адмирал в дальние луговые страны, а я иду за ним следом* (Адмирал); *Однажды ночью пришла к избушке Орденская Ленга*

(Орденские Ленты); *Днём они прячутся в берёзах, а уж ночью свободно летают по всей земле* (Орденские Ленты).

Отдельно можно отметить глаголы, описывающие движения и «поведение» крыльев бабочки: *взмахнуть, распластать, помахать, задевать, опалить, спорить, смеяться*. Ср.: *Бабочка взмахнула крыльями и снова распластала их, прижимаясь к бревну, нагретому солнцем* (Бабочка); *В оврагах ещё снег, а уж над тёплой поляной кружат лимонницы. Их жёлтые крылья спорят со старым снегом и смеются над ним* (Белое и жёлтое).

Последний пример позволяет нам перейти к глаголам, обозначающим различные проявления психики: *(не) слушать, глядеть, (не) смотреть, видеть, (не) думать, (не) понимать, напугаться, шептать, искать*. Такие глаголы приписывают бабочкам «потенциальные способности» к мышлению, речи, переживанию эмоций, целенаправленному восприятию, целенаправленной деятельности. Ср., напр.: *Не слушает вепря Медведица и не думает о лосях, которые прошли утром* (Медведица кая); *Тут бы, пожалуй, и бабочки напугались* (Бабочки и цветы); *Пойдёт Паша гулять, а бабочки вокруг него вьются, на макушку садятся, шепчут в оба уха: – Па-ша, Па-ша...* (Паша и бабочки); *Она глядела на свечу, а я думал, что лучшего ордена на свете не может быть. Для моей избушки* (Орденские Ленты); *Я задуваю свечу, и уходит в окно большой ночной павлиний глаз искать другие окна и свечи* (Ночной павлиний глаз).

В заключение рассмотрим миниатюру «Бабочка», в которой показана полноценная «коммуникация» человека и бабочки. Приведём её полностью. *Рядом с нашим домом лежит старое, трухлявое бревно. После обеда вышел я посидеть на бревне, а на нём – бабочка. Я остановился в стороне, а бабочка вдруг перелетела на край – дескать, присаживайся, на нас-то двоих места хватит. Я осторожно присел с нею рядом. Бабочка взмахнула крыльями и снова распластала их, прижимаясь к бревну, нагретому солнцем. – Тут неплохо, – ответил ей я. – Тепло. Бабочка помахала одним*

крылом, потом другим, потом и двумя сразу. – Вдвоём веселей, – согласился я. Говорить было вроде больше не о чем. Был тёплый осенний день. Я глядел на лес, в котором летали между сосен чужие бабочки, а моя глядела на небо своими огромными глазами, нарисованными на крыльях. Так мы и сидели рядом до самого заката (Бабочка). Автор словно бы читает мысли и понимает намерения бабочки, интерпретирует её «язык жестов» и отвечает на невысказанные, но «услышанные» реплики. Заметим, что «инициатором общения» выступает именно бабочка. В результате между человеком и бабочкой происходит настоящий «разговор» (ср. использование лексических единиц для передачи речи: *дескать, ответить, согласиться, говорить*) и устанавливается полное взаимопонимание. Человек и бабочка на время объединяются в некое «мы», за пределами которого остаются и другие люди, и «чужие» бабочки, и вместе смотрят на мир – каждый по-своему и каждый на ту «стихию», которая ему ближе, на лес или небо. Но в этот момент разницы между двумя живыми существами нет никакой – так могли бы сидеть на бревне два человека. Или две бабочки.

Таким образом, Юрий Коваль описывает бабочек прежде всего с помощью глагольной лексики, причём это не только глаголы движения/перемещения, но и глаголы речи, и глаголы психической деятельности. Бабочки Юрия Ковалья – это существа, равновеликие человеку и тянущиеся к нему. Бабочки «показывают нам воздух, которого нам видеть не дано», – говорит Юрий Коваль в рассказе «Полёт». Без воздуха невозможно дыхание, а без дыхания невозможна жизнь. Значит, бабочки показывают нам самую суть жизни, важную, хотя и неуловимую, которую нам «видеть не дано», но которая объединяет всё живое на Земле.

Список литературы

1. Белевцова Т. Б. Когнитивная зооморфная метафора в русском литературном языке (на примере этномонимов в поэзии) // Гуманитарные и юридические исследования. 2018. № 3. С. 181–187.

2. Гёблер Ф. Энтомологический дискурс в прозе В. Набокова // Вестник Московского государственного лингвистического университета. Гуманитарные науки. 2015. № 6(717). С. 142–148.
3. Калинина Л. В. Картина мира Юрия Коваля // Русская словесность. 2009. № 1. С. 70–73.
4. Калинина Л. В. Семантика неуловимого в прозаических миниатюрах Юрия Коваля // Русский язык в школе. 2017. № 1. С. 44–48.
5. Коваль Ю. И. Листобой. Избранные произведения. М. : Подкова, Деконт+, 2000. 512 с.
6. Рогова Е. Н. Образ бабочки и элегический код в литературном произведении // Новый филологический вестник. 2007. № 5(2). С. 229–238.
7. Колотаев В. А. Бабочка-КА: к визуальной метафизике имени в поэзии О. Э. Мандельштама // Артикульт. 2016. № 4(24). С. 6–18.

Н. Г. Наумова,

кандидат филологических наук, доцент,
заведующая кафедрой русского языка, культуры речи
и методики обучения,
Вятский государственный университет, г. Киров
e-mail: aj-latan@yandex.ru

**ОТ СЛОВА К НРАВСТВЕННОСТИ
(НА МАТЕРИАЛЕ РАССКАЗА Ф. ИСКАНДЕРА
«ЗАПРЕТНЫЙ ПЛОД»)**

**FROM THE WORD TO MORALITY (ON THE MATERIAL
OF THE STORY OF F. ISKANDER "FORBIDDEN FRUIT")**

Аннотация. Статья посвящена проблеме воздействия художественного слова на нравственную сферу личности. На примере анализа рассказа Ф. Искандера «Запретный плод» показано, как определенные лексические единицы, используемые автором, формируют у читателя представления морального характера.

Ключевые слова: детская литература, Ф. Искандер, лексическая единица, оценочная лексика, эмоционально-экспрессивная окраска, воспитание, система ценностей.

Abstract. The article is devoted to the problem of the impact of an artistic word on the moral sphere of a person. It is shown how certain lexical units used by the author form moral representations of the reader, using the analysis of F. Iskander's story "The Forbidden Fruit" as an example.

Keywords: children's literature, F. Iskander, lexical unit, evaluative vocabulary, emotionally expressive coloring, education, value system.

Воспитательное воздействие литературного произведения на читателя является общепризнанным фактом. О том, что чтение хорошей литературы способствует становлению и развитию личности, формированию у неё верных ценностных установок и нравственных ориен-

тиров, говорили многие выдающиеся деятели культуры и науки. Так, например, Д. С. Лихачёв отмечал: «Литература дает нам колоссальный, обширнейший и глубочайший опыт жизни. Она делает человека интеллигентным, развивает в нем не только чувство красоты, но и понимание – понимание жизни, всех ее сложностей, служит проводником в другие эпохи и к другим народам, раскрывает перед вами сердца людей. Одним словом, делает вас мудрыми» [1].

С. Л. Соловейчик, подчеркивая важность качества читаемой литературы, отмечал: «Классические книги тем и отличаются, что их можно перечитывать всю жизнь, хотя содержание их известно. Больше того, при каждом новом чтении они доставляют новое удовольствие, новую радость, несравнимую с радостью первого чтения. Собственно, читатель не тот, кто читает. Читатель тот, кто перечитывает. Постепенно эти лучшие, классические книги наполняют наш духовный мир, и только с этого времени мы начинаем приближаться к тому, что называют “культурным человеком”» [2].

Представляется неразрешенной загадкой механизм воздействия художественного слова на нравственную составляющую человеческой личности. Почему и каким образом некий набор слов заставляет человека смеяться или плакать, принимать решения и действовать определенным образом, пересматривать свою жизнь и кардинально меняться?.. Очевидно, что запускает этот механизм слово, причем очень точно подобранное, не случайное, цепляющее, образное, глубокое, тесно связывающееся с другими словами и во взаимодействии с ними порождающее нескончаемые смыслы и ассоциации. Так организовать слова способен человек, с одной стороны, тонко чувствующий язык, владеющий всем многообразием его средств, с другой – сам являющийся неординарной личностью, обладающей широкими знаниями, жизненным опытом и отличающейся гуманистической системой ценностей.

В этом отношении особый интерес вызывает так называемая детская литература (казалось бы, написанная для детей, но оказывающая действие на человека любого возраста). С помощью очень

простых, обычных слов писателям удается воспитывать в детях важные нравственные качества: честность, смелость, доброту, бескорыстие, стойкость, терпение, жалость и т. п.

Проследим на примере одного небольшого рассказа, как происходит воспитание читателя через слово. В рассказе Ф. Искандера «Запретный плод» описывается случай из детства автора, который привёл его к важному осознанию. Родившись в мусульманской семье, автор с детства усвоил отрицательное отношение к свинине. Однако уже с первых строк своего рассказа автор подчеркивает, что свинина была для него мечтой, но мечтой запретной. Сила желания попробовать «запретный плод» выражается с помощью таких лексических единиц, как *пламенная мечта, муки жажды, мечтал попробовать; запах доводил почти до обморока; представлял, как сдираю..., вонзаю зубы...; тем сильнее я продолжал мечтать*, а также с помощью живописного описания изделий из свинины: *потные колбасы со сморщенными и крапчатыми надрезами; сочная пружинистая мякоть; нежно-розовое сало*.

Однако данные привлекательные характеристики сопровождаются отрицательной оценкой автора-мальчика, выражающейся с помощью слов с отрицательной эмоционально-экспрессивной окрашенностью: *греховный соблазн, позорный бутерброд, гяурское лакомство*. Он подчеркивает, что никогда не соглашался даже попробовать свинину: «*Бывала возможность попробовать... но я никогда не нарушал принятого порядка*» [3, с. 110]; «*Я неизменно и твёрдо отказывался*» [3, с. 112].

При этом такой отказ сопровождается чувством гордости и превосходства в сознании автора-ребёнка. Ср., напр.: «*Запрет породил пламенную мечту и ледяную гордость*» [3, с. 110]; «*Муки жажды побеждались сладостью самоотречения*» [3, с. 110]. Читатель начинает замечать некоторую «нездоровость» отказа героя, когда в описании появляются такие выражения: *Чувствовал идейное превосходство над своими товарищами. Приятно было нести в себе некото-*

рую загадку, как будто ты знаешь **что-то такое недоступное окружающим** [3, с. 110].

Данное представление героя о себе как о некоем носителе чего-то исключительного, возвышающего его над другими, наиболее ярко проявилось в следующей ситуации. Однажды герой со своей сестрой пришёл в гости и за ужином, следуя своему твердому убеждению, отказался от предложенного ему сала. Однако его сестра не отказалась, а с удовольствием съела бутерброд. Это вызвало в душе героя сильное возмущение. Оно выражается в следующих словах с оценочным значением, которые он использует для наименования поступка сестры: *грехопадение, непристойность, предательская рука, проступок, позорное падение, отступничество, порок*. При этом мысли и чувства героя пронизаны высокомерием и гордостью: «*Как только она взялась за чай, я допил свой, чтобы **ничего общего между нами не было***» [3, с. 115]; «*...о прощении не могло быть и речи... мне **не хотелось мельчить** состояние, в котором я находился»* [3, с. 116]; «***Добродетель** шантажировала, а **порок** опускал голову»* [3, с. 117]; «*Мне казалось, что **человек с её прошлым** мог бы вести себя поскромней, не выскакивать вперед, а подождать, пока ту же историю расскажут **более достойные люди***» [3, с. 117].

Герой считает, что сестра заслуживает наказания, что проявляется в использовании слов с соответствующим значением: «*Я усмехался, смутно намекая на предстоящую **кару***» [3, с. 113]; «*...**возмездие** наступило: сестра поперхнулась»* [3, с. 113]; «*Я чувствовал, что держать её на грани **разоблачения** даже приятней, чем **разоблачать***» [3, с. 116]; «*...хотел произвести небольшую **эзекуцию***» [3, с. 117]. И он считает, что имеет право осуществить это наказание, что и пытается сделать, получая от этого процесса удовольствие: «*Я был погружён в завистливое и **сладостное** созерцание отступничества сестры»* [3, с. 115]; «*Я чувствовал, что держать её на грани **разоблачения** даже **приятней**, чем **разоблачать***» [3, с. 116]; «*...обед прошёл **великолепно**. **Добродетель** шантажировала, а **порок** опускал голову»* [3, с. 117]; «*Я **вошел во вкус**... придумал себе **но-***

вое развлечение» [3, с. 117], «...очень **остроумно** восстановил картину позорного падения» [3, с. 117]. Мальчик хочет рассказать отцу о том, как сестра нарушила запрет, но медлит, наслаждаясь мучениями сестры.

В процессе знакомства с описанием переживаний героя читатель постепенно разочаровывается в кажущемся величии его отказа от свинины, так как видит, что в основе этого отказа не лежит никакой высокой идеи (по крайней мере о ней ничего не сказано в тексте), а лежит только эгоизм ребёнка, считающего себя лучше других. Кульминацией проявления этого эгоизма становится момент, когда отец героя поровну делит редкие для того времени тетради между тремя детьми: героем, его сестрой, нарушившей запрет (отец пока не знает об этом), и братом, также отличающимся непослушанием. Ср.: «*Настроение у меня начинает портиться. Такая **уравниловка** оказалась мне величайшей несправедливостью»* [3, с. 118]; «*Сидел насупившись... тяжёлые, а главное – **унизительные** слёзы обиды перехватывают горло... **несправедливо обойдён***» [3, с. 118].

Оскорбленный эгоизм толкает героя на следующий шаг – он рассказывает отцу о поступке сестры. Но выглядит это не как победа добродетели, а как низость: «*Я встал и **дрожащим** голосом сказал... со страхом ощутил... сделал последнюю жалкую попытку... пояснил я в отчаянии, чувствуя, что всё **проваливается***» [3, с. 119].

Конечно, читатель уже не сочувствует герою. И одобряет последовавший гнев отца: «*Отец глядел на меня **тяжёлым** взглядом изпод припухлых век. Глаза его медленно **наливались яростью**... схватил меня за уши, **тряхнул** мою голову... **приподнял** меня и **бросил** на пол... – **Сукин сын!** – **крикнул** отец. – **Ещё предателей мне в доме не хватало!** **Схватив** кожаную тужурку, он вышел из комнаты и так **хлопнул** дверью, что штукатурка посыпалась со стены»* [3, с. 119]; «*Помню, больше всего меня потрясли не боль и не слова, а то выражение **брезгливой ненависти**, с которой он схватил меня за уши. С таким выражением на лице обычно **забивают змею**... Он **впервые** меня наказал»* [3, с. 119].

Вывод, который делает для себя герой, становится естественным и для читателя: *«Я на всю жизнь понял, что никакой высокий принцип не может оправдать подлости и предательства»* [3, с. 120].

Таким образом, через слово Ф. Искандер выражает свое представление о том, что есть добро, а что зло, закладывая основы нравственности в сознании своих читателей.

Список литературы

1. Лихачёв Д. С. Письма к молодым читателям. Письмо 22. Любите читать! [Электронный ресурс] // Лихачев Д. С. Письма о добром. СПб. : «Русско-Балтийский информационный центр БЛИЦ», 1999. URL: <http://www.facets.ru/edu/likhachev8.htm>
2. Соловейчик С. Л. Учение с увлечением [Электронный ресурс]. URL: <https://litresp.ru/chitat/ru/%D0%A1/solovejchik-simon-ljvovich/uchenie-s-uvlecheniem/13>.
3. Искандер Ф. Запретный плод // Поступок : сборник рассказов. Л., 1987.

Е. О. Галицких,
доктор педагогических наук, профессор,
заведующая кафедрой русской и зарубежной литературы
и методики обучения,
Вятский государственный университет, г. Киров
e-mail: galitskiheo@rambler.ru

РАЗВИТИЕ ТЕМЫ ДЕТСТВА В ТВОРЧЕСТВЕ АЛЬБЕРТА ЛИХАНОВА

THE DEVELOPMENT OF THE THEME OF CHILDHOOD IN THE WORKS OF ALBERT LIKHANOV

Аннотация. Статья раскрывает развитие темы детства в разные периоды творческой жизни Альберта Лиханова, от военного детства в провинциальном городе до «сломанного» детства в период социального кризиса нового века. Любимый герой автора – подросток – становится не только зрителем, но и участником событий. Защитник детства – это писательская миссия Альберта Лиханова.

Ключевые слова: повесть, творчество, литературный герой, сквозная тема детства и семьи, контекст времени.

Abstract. The article discusses the development of the idea of childhood presented in different periods of Albert Likhanov's literary career, from the war-time childhood in a provincial town to the "shattered" childhood during the social crisis of the new century. The author's favorite character is a teenager who becomes not only a witness but a participant in the events.

Albert Likhanov's mission as a writer is to be children's advocate and guardian.

Keywords: a novel, creative work, a literary character, the recurring theme of the childhood and the family, the context of time.

Юноши, не бойтесь трудных книг.
Вы не отстраняйте их с тревогой –
К истине идут крутой дорогой.
Потому не бойтесь трудных книг.

Кайсын Кулиев

Жизненный и творческий путь художника слова неразрывно связаны, потому что впечатления, события, встречи определяют главные проблемы, волнующие сознание и чувства писателя. Процесс претворения их в художественные образы исследуется психологией литературного творчества, а результат художественного творчества – произведения писателя – становится объектом внимания литературоведов. Изучением творчества Альберта Анатольевича Лиханова занимались В. Бахревский, И. Мотяшов, И. Стрелкова, Т. Федяева.

Тема детства и семьи, взаимосвязи двух миров – взрослых и детей, тема «впечатлений, вынесенных из детства из родительского дома», в творчестве Альберта Лиханова имеет свою специфику, свою особую интонацию заботы о детях-сиротах, о детях, на которых обрушилось испытание войной, голодом, бездомьем, семейными распрями и бедами. Концепцию творчества Альберта Лиханова можно назвать «школой самовоспитания», «педагогией сердца», а его писательскую позицию – «защитник детства». Поэтому сквозная тема его повестей и романов – это тема становления детской души, её источников, её взросления, приобретения главных нравственных ценностей, это преобразование жизненного опыта ребёнка в духовный опыт человека, дающий понимание людей и себя самого во времени, истории, судьбе. Именно поэтому в Год памяти и славы полезно прочитать и изучить на уроках литературы и внеклассного чтения произведения А. Лиханова.

Роман для детей младшего возраста *«Мой генерал»* был написан в 1973–1974 годах. Он сразу стал необыкновенно популярным и у взрослых, и маленьких читателей. Главная его тема – тема памяти, благодарности тем воинам, которые прошли войну и которым мы обязаны своей жизнью. Эта тема прошла испытание временем и в но-

вом веке звучит современно, взволнованно и искренне. Что главное в романе, жанр которого настраивает на серьёзный лад и отражает доверие автора к своим юным читателям, «детям младшего возраста»? Автор верит, что они способны читать серьёзные книги, размышлять над вопросами смысла жизни и связи поколений. Это действительно «роман» не только по масштабу личности созданных героев, но и по глобальности проблем: жизни и смерти, войны и мира, чести и долга, детства и старости, прошлого и будущего.

Автор нашёл очень верную интонацию для беседы с читателем, написав свой роман от лица мальчика Антона, умеющего честно рассказать и о себе («Про меня»), и о своих «привилегиях», и о том, что «генералы делают, когда войны нет» в главах «Наши разговоры», «Дедушкино шефство», «Воскресник», «Юбилей».

Давно известно, как легко любить человечество и как трудно одного человека, о котором так высоко и лаконично сказано: «Мой генерал». Главные герои – «обыкновенный» мальчик Антон и его «необыкновенный» дедушка, участник Великой Отечественной войны, генерал Антон Петрович Рыбаков – стали настоящими друзьями. Гражданский и человеческий опыт деда помогает внуку понять, как трудно и важно быть достойным такой дружбы. Взаимоотношения, разговоры, дела Антона Петровича со всеми членами своей семьи – полезная школа воспитания. Доброта генерала – это деятельная доброта гражданина, человека высокой требовательности и честности, умеющего брать на себя ответственность за всё, что происходит с ним и его внуком.

Память о войне – лейтмотив всего романа, она наполняет повествование романтикой, глубиной переживаний, взволнованным голосом автора, который открывает нам роман посвящением «всем солдатам минувшей войны». Яркость событий, быстрота развития сюжета сочетаются с глубоким размышлением героев о времени и о себе. Автор ставит перед читателями вопросы о силе характера, о четности и скромности, о благодарности и памяти. Несомненно, жизненный опыт Антона Рыбакова обогащает опыт юных читателей,

помогает им решать проблему понимания взрослых, жизни, истории своей родины.

Современным этот роман делают два важных качества его содержания: тема детей и дедов, сохранения связи поколений, непреходящей ценности семьи, в которой воспитывается «человеческое в человеке». И ещё один важный акцент, доказывающий необходимость чтения этой книги в школе: это поиск ответа на вопрос о счастье жизни, о том, что вызывает гордость и хранится в памяти? В настоящее время в условиях общества потребления эталоном успешной жизни становится прагматичный эгоизм. Этот роман о такой жизни, о таком нравственном её качестве, о котором мечтали все солдаты и генералы Великой Отечественной войны. О счастливой жизни каждой семьи, каждого человека в своей родной стране! О прекрасной традиции называть внуков в честь дедов, о семейных портретах, о благодарной памяти о тех, кто подарил нам мир и право на жизнь!

«Вот он смотрит на меня со стены. Сперва – молодой, глаза сверкают озорно. Потом – старый, вместе со мной, но и на этой фотографии глаза у него улыбаются... Дед со мной. Он рядом. Он так жил, что не может умереть. Никогда!» [1, т. 4, с. 161].

Исследователи классической русской литературы неоднократно отмечали провидческий дар писательской мысли, способной предугадывать проблемы, обнажать последствия революций и общественных катаклизмов, видеть в повседневности смысложизненные вопросы. Повесть Альберта Лиханова «*Чистые камушки*» написана в 1967 году, когда ощущение «после войны» было ещё не забыто и позволяло посмотреть на течение жизни с высоты переживания Победы. Неслучайно описание жизни главного героя Михаськи начинается с такого «дня, который... помнится от самого начала до самого конца и со всеми подробностями». Эта повесть ставит взрослую проблему – борьбы добра и зла, но показывает путь её решения в детском сознании подростка, который становится взрослее, поняв, что «все за всё отвечают», что он несёт ответственность за судьбу их семьи, за родителей, за их общее счастье.

Эта повесть чаще всего оказывается в списке любимых книг мальчишек. Потому что каждому из них приходилось в жизни делать выбор, принимать решение – сдаваться или бороться, вступать в диалог со своей совестью или чужой злой силой. Тема борьбы добра со злом раскрывается с нескольких сторон, словно автор поворачивает калейдоскоп, и цветные стёклышки складываются в новый рисунок:

1) эпиграф Ст. Куняева –

Добро должно быть с кулаками.

Добро суровым быть должно,
чтобы летела шерсть клоками

со всех, кто лезет на добро –

задаёт позицию автора, активную, решительную, нравственную;

2) противостояние храбрости Михаськи жестокой силе Кольки Савватеева, прозванного Шакалом, Николаем Третьим;

3) противопоставление бескорыстной дружбы Михаськи и Сашки унижению и подчинению «шестёрок» злему Савватееву;

4) противоборство двух представлений о счастье: личного благополучия любыми средствами и совестливого отношения к горю и заботам других, способности быть «мастером не для себя, а для всех»;

5) выбор между «честными» и «нечестными» деньгами;

6) борьба между мотивами: «уйти и успокоиться» или остаться и бороться за «понимание» матери и сложнее – за уважение отца;

7) внутренняя борьба Михаськи со своей совестью: «Нет, самому по себе нельзя, всё-таки никак нельзя! Нельзя видеть только землю и лишь самого себя на ней. И никого больше. И ничего больше».

У этой повести нет возрастных границ, потому что за напряжённым сюжетом развития мальчишеской дружбы встаёт жизнь семьи, в которой есть бесценное счастье – отец вернулся живым с войны. Но, оказалось, сохранить эту радость «возвращения» непросто: для этого нужно забыть о горе других и любыми средствами добиваться денег для строительства нового «дома». Нравственным камертоном семейных отношений становится подросток Михаська. Автор педаго-

гически очень точно показал, что Михаська видит грустные глаза матери, он перестаёт гордиться отцом-фронтовиком и верить в его справедливость. Он чувствует разлад в семье и остро переживает беду «надвигающегося дома».

Читателям-мальчишкам особенно важна коллизия «победы» Михаськи, защитившего своего друга и доказавшего своё право на чувство собственного достоинства перед злым и сильным Савватеем. Этот момент поступка, нравственного выбора очень важен в повести, это кульминация развития дружбы Михаськи и Сашки, это победа характера Михаськи над трусливым и коварным Савватеем.

Художественную функцию в повести выполняют «чистые камушки», которые являются символом детства, чистой совести, открытого, доброго и радостного взгляда на людей и жизнь. Художественная ценность повести заключается в стремлении автора показать, что становление характера человека происходит в сопротивлении злу, стяжательству, жадности, злой воле, силе и подлости. Ответственность каждого за всех – это духовный труд, это путь преодоления, осмысления своего предназначения как человека, сына, друга.

Роман в повестях *«Русские мальчики»*, подготовленный издательством «ДОМ» в 1995 году, включает повесть *«Последние холода»*. В этом произведении Альберт Лиханов силой своего художественного дарования «перелистывает» свои детские впечатления и воспоминания военного детства и создаёт одно из самых ярких произведений, раскрывающих тему военного детства. Само посвящение автора – «Посвящаю детям минувшей войны, их лишениям и вовсе не детским страданиям...» – раскрывает нам авторский замысел: с высоты прожитых лет вспомнить пережитое в войну и те «правила жизни, которые... остались надолго, если не на век». Герои повести – мальчик Коля, завершающий начальное образование, его учительница Анна Николаевна, его мама и бабушка, друзья Вадька и его сестра Марья, эвакуированные из Минска. Именно эта повесть о последних холодах весны 1945 года показывает страшное отражение войны в

детских судьбах. И это не только голод, но и сиротство, и раннее взросление, и понимание общей народной беды.

Учение в школе, добрая забота мамы и бабушки, дополнительное питание в «столовке», которая кормила «малый народ», весна последнего года войны, казалось, определяют впечатления главного героя, развитие его мыслей и чувств. Но знакомство с «шакалами» – голодными мальчишками военной весны – потребовало от него поступков и активной помощи, научило состраданию. Жизнь Вадьки Русакова и его маленькой сестрёнки Марьи не просто полна невзгод и страданий голода, но она трагична в силу их сиротства. Долгожданная победа не сделала их счастливыми: погиб отец на фронте, умерла мама в больнице, но как хочется этим детям не оказаться в детском доме, быть вместе.

Описание чувства голода, который «правит человеком» и «убивает всякий стыд», очередей в столовке за дополнительным питанием, поведение шакалов потрясает читателей, потому что автор это пережил, он знает силу страдания, которая стала равна силе воспоминания. Память не стирает тех лет, потому что «ломкая это вещь – душа детская». Вот они, Вадька и Марья, «дети минувшей войны», которым «не хватает только роста и знания, чтобы спасти себя», в их жизни голод становится страшной силой, убивающей «всякие правила». Но способность человека поделить последним, помочь другому не покидает ни Колю, ни Вадьку. «Я, может, и шакал, но не скотина», – говорит он.

После прочтения повести дети часто говорят, что книга помогла им посмотреть на своих родителей с благодарностью и уважением. Автор считает, что «взрослым надо помнить своё детство. В этом нет ничего стыдного». Эта память помогает ценить то, что составляет само содержание жизни, её развитие, сам процесс взросления человека. «Детство прекрасно тем, что в нем множество событий. Не только замечательных, нет. Всякие бывают события в детстве – горестные и прекрасные. Но они бывают, вот что замечательно. Жизнь никогда не кажется безвкусной в детстве. Она и прекрасно сладка, и

печально горька, и солоня, конечно же, не всегда в меру», – размышляет о детстве автор [5, с. 416]. Он сумел показать в этой повести процесс взросления детской души, «потому что взрослость приходит к нам не однажды, не в какой-то установленный всеми миг. Взрослость приходит, когда маленький человек видит важное для него и понимает это важное» [5, с. 411].

Становление характера Коли, с точки зрения автора, – это процесс понимания, в котором выстраивается понимание событий жизни, «людей вокруг», понимание слов учительницы в День Победы, понимание горечи приметы: «Кто рядом с бедой ходит, может её задеть, заразиться», понимание своего благополучия. Коля учится сочувствовать и сорадоваться, помогать и защищать, убеждать маму и утешать Марию. Он взрослеет! И это большой душевный труд, требующий доброго сердца и умных мыслей, сохраняющий благодарную память и благородство дружбы.

Повесть Альберта Лиханова *«Крёсна»* тоже входит в роман в повестях «Русские мальчики», но в 2007 году она была издана отдельной книгой в издательстве «Детство. Отрочество. Юность». В ней перед читателями также разворачиваются события военного детства периода «начальной школы». Мальчик Коля живёт с мамой и бабушкой, ждёт отца с фронта, учится, дружит, читает, взрослеет, но на все события его детства смотрит рассказчик, он сам, ставший взрослым и постигшим роль этой начальной школы в его жизни.

У повести есть посвящение «Незабвенной учительнице моей Аполлинарии Николаевне Тепляшиной посвящаю». Облик и характер этой учительницы, которая всю свою жизнь работала в начальной школе города Вятки, находит своё художественное отражение в разных героинях Альберта Лиханова: учительнице Анне Николаевне в повести «Крёсна», и в Юлии Николаевне из «Чистых камушков», и в Анне Николаевне из романа в повестях «Русские мальчики». Вот почему, когда меня спрашивают родители, в какую школу отдать первоклассника, я всегда отвечаю: ищите учительницу! Потому что образ,

поведение, манера говорить и держаться и даже интонация голоса первой учительницы неизменно отражаются в учениках.

Повесть «Крѣсна» написана так чисто, так светло, с таким чувством благодарности и искренней любви к учительнице начальной школы, что, несмотря на то что события разворачиваются в грозные военные годы, от повести остаётся впечатление счастья познания, радости и щедрости детства.

Рассказ ведётся от первого лица, но действие происходит в двух измерениях: впечатления мальчика Коли от учёбы в начальной школе во время войны и воспоминания о встрече со своей учительницей уже взрослого человека, приехавшего в свой родной город.

Может быть, потому, что моя мама – учительница, или потому, что свою первую учительницу Маргариту Александровну Золотареву я всегда вспоминаю с благодарностью, повесть эта мне по душе каждой своей строчкой. Она вызывает чувство признательности автору, который нашёл слова, интонацию, сюжет, героиню, способных рассказать об учителях особого образа жизни, служивших своим ученикам сердцем и умом, всей своей жизнью: «Господь призвал её в девяносто семь лет. А шестьдесят из них она служила в школе» [4, с. 93]. Может быть, любовь и забота таких учительниц спасла целое поколение детей военного времени от цинги, голода, сберегла их для мирной взрослой жизни, для творчества и родительства.

Портрет учительницы мастерски создан автором, возникает впечатление, что писатель ничего не придумал, а просто воскресил свои воспоминания, и возник в памяти портрет – Анна Николаевна в «тёмном платье с белыми крылышками воротничка». Она учила так естественно, её наука была самым детством, самой жизнью, что объяснить её невозможно, как «невозможно объяснить, как ты научился дышать, или, например, ходить» [4].

Но, читая страницу за страницей, читатель понимает, что всё обучение Анны Николаевны построено на уважении к личности ребёнка, к его достоинству, его возможности сделать завтра то, что не получилось сегодня. «Она никогда за несмышлёнышей не держала»

своих учеников. В манере её общения с детьми нет сюсюканья и снисходительности, нет раздражения и суетности, а есть спокойствие, мудрость, понимание, желание и умение помочь. Она умела объяснять «лично и персонально» каждому, внушала законы дружбы: «Ничего не стоит пусть и большая группа успешных, если хоть один застрял позади – неуспешный!» [4, с. 62]. И дальше – оценка ребёнка и взрослого: «О, эти уроки дорогого стоили!» Хорошо бы прочитать эти строки в современной школе, часто выбирающей приоритет успешности одиночек.

Автор раскрывает отношение не отдельного ребёнка к учителю, не любимчика, а отношение всех ребят, потому что использует слово «наша»: «учительница наша дорогая», «центр дружелюбия – наша укутанная в платок Анна Николаевна», «мудрая Анна Николаевна», «наша орденоносная гордость», «незабвенная Анна Николаевна», «наша крёстная», «наша учительница». Убеждена в том, что слово отражает отношение, поэтому слово «учительница» не равнозначно слову «училка», которое вульгарно, в нём звучит потеря уважения к этой профессии, всегда имевшей признаки жертвенности, служения, призвания.

В этой повести есть неисчерпаемый педагогический потенциал, автор, вспоминая неопытное детство, военное, «неволебоевое время», размышляет: «Может, с этого и начинается настоящее постижение людей? Когда узнаёшь, кто что ест, сколько получает, какие у кого и перед кем обязанности и долги?» [4, с. 40] Неслучайно стоит знак вопроса. Согласится ли читатель с такой мерой доверия, с такой открытостью своему учителю? Получается, что учительница заботится не только об успеваемости, но и о здоровье ребёнка, и о его семье, и о его будущем, и о народе в целом, о его победе, и его истории, и судьбе. Как можно измерить эту заботу? И Альберт Лиханов отвечает: только благодарной памятью, незабвенностью. «Вы есть – по-разному – во всех, кто учился у вас и кому вы крёсна навсегда – вашими уроками и вашей жизнью» [4, с. 88].

И за частной жизнью одной начальной школы, судьбы одной учительницы встаёт ответ на смысложизненный вопрос целого народа: «...Почему мы победили всё-таки, а не вымерзли от холода, не вымерли от голода и немцы сломались и отошли» [4, с. 52].

Моё самое любимое произведение Альберта Лиханова – повесть *«Благие намерения»*, написанная в 1980 году. В ней удивительно удачно совпало и библейское название, и выбор главной героини учительницы Надежды Георгиевны, и глубина художественного отражения судеб детей, и построение философии «педагогике сердца». В нужный момент эта повесть попала мне в руки, она помогла пересмотреть прописные истины учебников педагогики под лупой искусства и увидеть правду жизни, силу любви, потребность детей в родительской заботе и по-новому посмотреть на знаменитое изречение апостола Павла: «Не многие становитесь учителями...»

Повествование охватывает десять лет жизни главной героини Надежды Георгиевны, выпускницы педагогического института, которая прошла со своими учениками, детьми школы-интерната, десять лет. За это время она стала педагогом, осознавшим своё призвание и построившим свою философию воспитания и любви.

Внутренний монолог героини о времени и его итогах настраивает читателя на философский лад воспоминаний: «Время изменило меня, я ничуть не лучше других в этом смысле, состарило на десять лет. Но, кроме времени, есть ещё одна категория, воздействующая на тебя, может, даже сильнее, чем время. Это образ жизни, отношения к ней. Сострадание к другим» [1, т. 3, с. 277].

Этот образ жизни во многом определила её встреча с «особенным» директором школы Аполлоном Аполлинарьевичем, он не только дал Надежде высокое звание «Победоносная», но и показал, как победить повседневность. И ей удалось стать «надеждой школы», пройти испытания доверием детей, преданностью своей профессии и научиться быть неуспокоенной. Директор верил в то, что «учитель становится философом, становится мыслителем, становится создателем человеческой личности, а значит, и общества. А если он таков,

то нет для него дела, в которое он бы не верил и не внушал окружающим эту веру, нет человека, на которого он бы не надеялся, да если ещё этот человек – ученик, и нет человека, которого он бы мог – даже мысленно! – не любить» [1, т. 3, с. 268]. Только сейчас я понимаю, как он молод, всего сорок шесть лет, хотя педагогического стажа на его семью четыреста восемьдесят семь лет. Он осознаёт свою ответственность за всё, что происходит в его школе-интернате, в его педагогическом коллективе.

И Надежда Георгиевна всеми силами своего педагогического терпения стала осуществлять надежды своих учеников, стала искать те семьи, которые смогут полюбить чужого ребёнка и, приглашая его к себе по выходным дням, дать ему тепло дома, семейного общения, новые впечатления. А «доброта – это тот язык, который и глухой услышит и слепой увидит» (Марк Твен). Постепенно доброта молодой учительницы стала приобретать мудрость, способность к пониманию и предвидению последствий педагогических решений.

Взволнованно звучит признание героини: «Меня душила любовь, нежность к этим детям, мне хотелось обнять их, не каждого по одиночке, а всех вместе, враз, обнять и прижать к себе» [1, т. 3, с. 275]. Потом она поймёт, что для каждого из них нужна своя любовь и забота, что они уже знают, что взрослые способны на предательство. Каждое событие в жизни детей и их воспитательницы будет уроком для Надежды Георгиевны, она сумеет понять необходимость учиться у детей прощению и терпению, таланту сострадания, без которого трудно остаться человеком.

Перед читателем пройдут судьбы её воспитанников: Ани Невзоровой, доброй трогательной умницы, смешной Зины Пермяковой, рыженькой Аллы Ощепковой, заболевшего Коли Урванцева... У «каждого птенца было своё несчастье», и каждый одарит свою воспитательницу мудрым уроком.

«Катастрофы, беды, смерти – это осознать можно, без них мира нет. Но сиротство – оно непостижимо, потому что так просто: детям – всем детям! – нужны родители. Если даже их нет» [1, т. 3, с. 303].

Попытка Надежды Георгиевны «осчастливить» всех сразу не удалась, «благими намерениями вымощена дорога в ад» не у одной приёмной семьи, но Надежда Георгиевна признала ошибки, избавилась от самоуверенности, поняла, что «воспитывать надо в глубину, то есть по вертикали, а не по горизонтали...» и что есть о чём ей думать, потому что «педагогика – это не точная дисциплина, а форма творчества». Цветёт черёмуха, и её выпускники ласково называют «мамой Надей», и её «жизнь отражается на всех» её учениках, и она осуществила свои «благие намерения», труд её души в их становлении, в их надеждах, в их победах, в этом ожидании счастья завтрашнего дня.

Писателю удалось показать силу педагогической идеи гуманизма: «Что такое маленький человек? Малыш, кроха, ребёнок? Нет, человек. Маленький человек, даже искренней взрослого чувствующий жизнь... Страдает точно так же. И любит с той же силой. Ненавидит. Верит. Сражается.

Точно так же. А порой ещё сильнее, ярче, горше!

Мир детства – это как бы заповедник, вот что. И мы его охрана. Нет, мы не между детьми и взрослыми, напротив. Мы за любовь и братство между взрослыми и детьми. Но за маленьких мы должны отвечать. Перед ними же. И каждый наш шаг надо строго выверить» [1, т. 3, с. 381]

Тема сиротства и тема судьбы учителя – Натальи Ивановны Мартыновой, Надежды Георгиевны, Аполлона Аполлинарьевича – в этой повести Альберта Лиханова зазвучали слитно, писатель заставил читателей услышать его призыв к педагогам: служить детям, любить их бескорыстно и преданно, защищать их от горя и жестокости, социальных трагедий. Альберт Лиханов раскрывает любовь как главное педагогическое средство, потому что с детьми «сердца жалеть нельзя», «каждому ребёнку нужны близкие люди, а если их нет, чего ни делай, всё не то...» [1, т. 3, с. 308–309].

Несомненный удачей писателя стал роман *«Никто»* (1999 г.), посвящённый теме сиротского детства и отражающий судьбу Коли

Топорова, воспитанника интерната, который пытается построить свою самостоятельную жизнь. Этот роман производит на подростков и старшеклассников очень сильное художественное впечатление, расширяет их представление о жизни и её испытаниях, помогает им оценить своё поведение и свои возможности, с точки зрения писателя, рассказавшего о судьбе сироты Кольчи по прозвищу Никто.

Перед читателем раскрываются двери интерната с его строгим и добрым директором, мы видим ночные страхи детей и их встречи с «мамашками», лишёнными родительских прав, и «читаем» истории сиротства детей с ужасом перед правдой увиденного. Исключительно точно это правдоподобие: автор впервые с такой обнажённостью раскрывает мир событий и переживаний «одиноких» детей, чувствующих холодное равнодушие воспитательницы, мечтающих о встрече с родителями, которых нет, привыкающих всё делать по команде. Автор внимательно наблюдает эту жизнь интерната, он знает её явные и тайные проявления, поэтому показывает, почему психика «государственных» детей лишена чувства времени, ответственности за себя, развития душевной жизни, в которой нет любви и заботы родителей.

Страшно, когда детские слёзы никто не вытирает, никто не утешает в горе, никто не целует перед сном. Кульминационной сценой романа является описание похорон Гошки, когда горе объединяет весь интернат: и детей, и взрослых. Не случайно народная мудрость считает сиротство страшным горем. Лишённые родительской любви, дети оказываются ближе к смерти и уходят из жизни рано, трагично.

Главный герой романа – подросток Коля Топоров, Топорик, у которого нет надежды найти родителей, он сам выстраивает свой характер и принимает решение получить профессию в училище, чтобы стать самостоятельным, взрослым, большим. Коля внимательно всматривается в людей, которые ему встречаются в жизни. Он ценит дружбу сверстников, отстаивает своё достоинство в училище, умеет добиваться своей цели, трудолюбив и смекалист.

Жизнь посылает испытание – встречу с сильным, ловким, богатым Валентином, который предлагает и дружбу, и защиту, и зарабо-

ток. Валентин – тоже сирота и поэтому понимает Колю, как никто другой, он расчётливо выбирает сироту: «несовершеннолетний, ненаказуемый», за него некому заступиться и можно быть безнаказанным. Валентину выгодно назвать Николая Топорова прозвищем Никто, соединив начало имени и фамилии. Это прозвище подчёркивает его сиротство, раз Никто, то никому и не нужен.

Коля оказывается втянутым в грабежи и быт бандитов, он постепенно осознаёт, что деньги зарабатываются рэкетом и в шайке Валентина волчьих законы, но он под защитой его власти, он избранный. И авторитет в училище, и первая любовь, и шофёрский талант, и помощь интернату – всё погибнет под бременем «преступления», сознания своей ущербности, изгнанности из мира «добрых и честных людей».

Современные школьники как читатели сочувствуют Коле Топорову, они понимают беды Топорика, они сопереживают его горю. Но они не всегда осознают его ответственность за свою жизнь, считают, что во всём виноваты Валентин и его банда, где царствуют сила и нажива. Альберт Лиханов поднимается в этом романе до высоты классических сюжетов, он сумел показать борьбу сомнений в душе Коли, его понимание нарастающей трагедии, его чувство причастности к разбою. Автор не освобождает Колю от ответственности за свой выбор. Коля Топоров знает, что не может строить планы на будущее счастье любви, что он уже стал тенью Валентина. Такого привлекательного, обаятельного, доброго в начале и обрекающего его на смерть в конце романа. «Наказание» ужасно, в смерти Коли виноваты все! Талант писателя проявился как раз в том, что эту вину переживает и читатель. Он хочет понять, как же это могло случиться? Трагизм финала усугубляется надеждой, мелькнувшей в солнечном доме лесника, засветилась в сознании Коли мечта о маме, о счастье семьи, в которой царят доброта и гостеприимство. Отверженность Коли, его невозможность быть с людьми осознана и показана автором, он словно обращается к читателям: «Смотрите, думайте, храните в себе право быть честным и счастливым человеком». И даже последний посту-

пок Коли – перевод денег в интернат – не смягчает его трагедии. Жизнь оборвалась!

Дети не принимают такого конца, им хочется приключенческой развязки, чудесного спасения. Но Альберту Лиханову хватило мужества не изменить писательской честности, не исказить, а обнажить горе сиротства. «Испугайтесь, люди, своей беспощадности! Не покидайте, матери, своих детей!» – звучит призыв автора к совести каждого, кто прочитал этот роман [2, с. 628].

Роман Альберта Лиханова *«Сломанная кукла»* (2002 г.) входит в том «Педагогической прозы» [3, с. 583–751] и предназначен для взрослых читателей. Знакомство учителя, классного руководителя, воспитателя и родителей с этим романом расширит представления о влиянии художественной прозы на общественное сознание, на читателя, на диапазон творческих замыслов А. Лиханова. Название романа *«Сломанная кукла»* ставит это произведение в ряд книг о сломанном детстве и символе детского счастья – кукле. Это и кукла Козетты Виктора Гюго, и кукла Тутти Ю. Олеси, и кукла умирающей девочки Маруси В. Короленко, и кукла Мими Наташи Ростовской, которую можно поцеловать от смущения. Любопытный эпиграф к роману – строчки Марины Цветаевой:

Два на миру у меня врага:

Два близнеца – неразрывно слитых:

Голод голодных и сытость сытых! –

роман уже не закроет, потому что судьбы детей – девочки Масы, её одноклассников Алёши Благого, Анечки Бочкаревой – уже будут требовать участия и понимания, размышления и сопереживания читателя. В этом романе Альберт Лиханов ставит судьбы детей в контекст истории нашей страны, «времени перемен», ломки устоев жизни, государственных катаклизмов и потери нравственных ориентиров взрослыми. А как же дети?

В этом романе соединяется «мысль семейная» с темой «Машинной судьбы», «сломанной куклы», хрупкости и ранимости детской души. Проблема защиты детства от насилия, жестокости, лицемерия,

равнодушия поднимается до размера социальной проблемы, ответственности родителей перед будущим. Нет надежды на взрослых, только на молитву: «О, Владычица Небесная, Пресвятая Богородица, сохрани России её детей!»

Автору непросто дать художественное отражение быта этого времени, подняться до понимания бытия «голода голодных и сытости сытых», потому что он внутри событий, нет ещё понимания последствий содеянного, нет отстранения от происходящего. Но Альберту Лиханову хватило мужества свою писательскую позицию «защитника детства» отстоять и в этом романе. Разлом семьи трёх Марий – трёх женщин, связанных кровными узами, точнее – двух женщин и девочки двенадцати лет – происходит в Москве в конце XX века. И автор выбирает именно женщин, потому что «Россия спасётся платочками», потому что сила духа каждой из них пройдёт свою череду испытаний в четырёх частях романа «Ворожба», «Девичьи глаза», «Сон и явь», «Обвал» и двух окончаниях романа – «первом и подлинном».

Сюжет не поддаётся пересказу, потому что он документален и требует особой лексики и авторских акцентов. Но он служит главному – отражению большой человеческой трагедии маленькой девочки. В рассказе «Цифры» И. А. Бунин написал, что «с детским горем... не сравнится, может быть, ни одно человеческое горе». Самое страшное, что все взрослые герои этого романа: и мать, и бабушка, и учительница Елизавета Петровна – прошли мимо беды ребенка: когда уж заметить, своих проблем хватает. И каждый читатель повторит вопросы героини, обратив их к себе: «В душе Маша охнула, будто провалилась под лёд. Но тут же вынырнула, спросила себя: а ты-то лучше? Чем сама занимаешься все эти годы? К чему стремишься? Чего доби-ваешься? Личного благополучия! Денег! Успеха в достижении цели!» [3, с. 729] Может быть, пришло время Вячиков с их извращённым подсознанием и вседозволенностью? Этот вопрос обращён автором к взрослым читателям. А ответ ещё нужно выбрать, поэтому у романа два окончания. Один – как в романах, а второй – как в жизни.

Путь писательского творчества Альберта Анатольевича Лиханова продолжается, читателя ждут новые книги с его «сквозной темой» детства. И можно отметить, что художественное дарование писателя А. А. Лиханова имеет яркие отличительные признаки:

1. У него есть любимый герой – мальчишка, самостоятельный, решительный, взрослеющий и растущий. Это Коля, Михаська, Владик, Фёдор, Алёша, но всех их отличает равнодушие к жизни, способность сочувствовать и сорадоваться, они умеют брать ответственность на себя. На их судьбы влияет «война и мир», их воспитывает семья, улица, школа и искусство. Они читают нужные книги.

2. Альберт Лиханов – не сторонний наблюдатель жизненных бурь, а активный участник событий. Он всегда занимает позицию гражданина, ведущего за собой, он всегда защищает право детства на счастье и понимание. Неслучайно многие его романы и повести имеют посвящения и открытые обращения к читателям в эпилогах. Он надеется, что будет услышан и понят современниками.

3. Повести А. А. Лиханова лаконичны, динамичны, остро конфликтны, в них «всегда есть место подвигу», потому что его герои проходят испытания на право быть другом, учеником, человеком. Сквозная тема творчества А. Лиханова – тема взросления детской души, становления характера ребёнка, готового к «самостоянью», к духовному развитию.

4. Писателю удаётся ненавязчиво просвещать своего читателя, он верит в его образованность, литературный вкус. Поэтому поэзия в создании художественных образов у автора повестей играет особо значимую роль. Его герои любят и знают поэзию: генерал Рыбаков цитирует стихотворение Я. Смелякова «Если я заболею, к врачам обращаться не стану...», Лена из «Солнечного затмения» читает стихотворение А. С. Пушкина, эпиграфом к повести «Чистые камушки» стали строки Ст. Куняева о добре, Надежда Победоносная слушает, а Наталья Ивановна Мартынова поёт старинный романс «Глядя на луч пурпурного заката...», поют и дети интерната, выражая в песне всю невысказанную тоску о счастье, поёт и Коля Топоров, находя в песне –

Сквозь вечерний туман мне под небом стемневшим

Слышен крик журавлей всё ясней и ясней... –

утешение и радость, способ «выговориться»; библиотекарь Татьяна Львовна читает стихотворение Марины Цветаевой «Из рая детского жителя Вы мне привет прощальный шлёте», и Анна Николаевна спрашивает тридцать учеников «Грозу» Ф. Тютчева, и Алексей Благой заставляет класс замереть от восторга перед торжеством ритма стихотворения Григора Нарекаци. Глубинам детской души нужна поэзия как воздух, как способ выражения невысказанных чувств.

Неслучайно любимые герои Лиханова «сначала узнавали, потом учились понимать, затем – любить и в конце концов на всю, до седых волос, жизнь помнить что-нибудь бессмертное, великолепное, восхитительное, родом из третьего класса, вроде “Грозы” Ф. Тютчева» [4, С. 21].

Закончим и эту статью обращением к «труду и творчеству» больших и маленьких читателей [6]. У каждого читателя свой запас мыслей, переживаний и впечатлений от прочитанных произведений Альберта Анатольевича Лиханова. Важно, чтобы «трудные» добрые книги помогали жить творчески, содержательно, полезно, помогали сохранять «человеческое в человеке», «защищали детство» в каждом из нас, вставали на пути сиротства.

Список литературы

1. Лиханов А. А. Собрание соч. : в 4 т. М. : Мол. гвардия, 1987.
2. Лиханов А. А. Повести и рассказы. М. : Издательский Дом «Синергия», 2009. 640 с.
3. Лиханов А. А. Педагогическая проза. М. : ООО «Детство. Отрочество. Юность», 2002. 752 с.
4. Лиханов А. А. Крёсна. М., 2007.
5. Лиханов А. А. Русские мальчики. Роман в повестях. Последние холода. М. : ДОМ, 1995.
6. Сосновская И. В. Развивающие ресурсы книги для детей // Ученые записки Забайкальского государственного университета. 2020. Т. 15, № 2. С. 60–67.

Н. И. Злыгостева,
кандидат философских наук,
главный научный сотрудник
Кировской областной универсальной научной
библиотеки им. А. И. Герцена, г. Киров
e-mail: zamnauk@herzenlib.ru

ДЕТСТВО – КЛЮЧЕВОЙ МОТИВ В ЛИРИКЕ АНАТОЛИЯ ГРЕБНЕВА

THE CHILDHOOD AS A KEY MOTIF IN THE LYRIC POETRY OF ANATOLY GREBNEV

Аннотация. В статье рассматривается тема детства в творчестве русского, вятского поэта А. Г. Гребнева. Оно пришлось на трудное военное и послевоенное время. Главный акцент делается на проблемы исторической памяти, родства, Родины.

Ключевые слова: поэзия, война, память, Родина.

Abstract. The article deals with the childhood theme in the art of the Russian, Vyatka born poet A. G. Grebnev. His childhood fell on difficult war and postwar times. The author of the article focuses on the problems of historical memory, family and national kinship, and the problem of the Motherland.

Keywords: poetry, war, memory, motherland.

Детство. Оно у поэта Анатолия Гребнева пришлось на тяжёлую военную и послевоенную пору. Его память сохранила и самые горькие, и самые светлые воспоминания.

Если пристальней в детство взглядеться,

Никого ни за что не виня,

Вроде не было, не было в детстве

Ни единого светлого дня.

...Если пристальней в детство взглядеться

Никого ни за что не виня,

Не припомню я всё-таки в детстве,
Ни единого чёрного дня [1, с. 36–37].

Он родился в глухом уголке Вятского края, в селе Чистополье, в страшном 1941 году. Отец, вскоре после его рождения, ушёл на войну, с которой не вернулся. Для сына он остался жить в фронтовых треугольниках, бережно хранимых матерью, в портрете на стене и далёкой братской могиле под Ржевом. Поэт не утрачивал с ним живой внутренней связи, соединяющей их с самым главным и сокровенным. В стихах, посвященных отцу, – чувство сыновьей любви и вины, пусть и невольной за то, что не сумел сберечь то, что защищал отец, и вера в возрождение России.

Образ отца с особой выразительностью раскрывается в одном из лучших в современной русской лирике стихотворений «На берегу пустом». В нём минувшее и, казалось бы, навсегда исчезнувшее обретает реальность подлинного бытия. И детство, в котором было всё так радостно и живо, придаёт смысл всему, что, уходя, не ушло, оставшись в его сердце и его творчестве. Для него живы все и всё: заливные луга, озёра, вернувшиеся в село фронтовики, и отец, такой, каким он его видел, чувствовал и, вопреки всему, ждал.

Там всё родное мне!
Вон мать идёт с причастия.
Вон сверстники в лапту играют под крыльцом.
А ближе подойди – расслышал бы сейчас я,
О чём на пашне дед беседует с отцом.
Он только что с войны.
Он был убит под Ржевом.
И на шинели след от пули разрывной.
Он с дедом говорит –
Дед озабочен севом.
И вот сейчас отец обнимется со мной [1, с. 91].

Детская тоска по отцовской ласке и заботе всегда будет жить в душе поэта и горько откликнется в творчестве.

Но особое чувство любви, нежной и трепетной, прозвучит в его стихах, обращённых к матери. Русская литература, всегда отличавшаяся и своей духовной глубиной, исповедальностью, тонким лиризмом и философичностью, во многом была плодом женского воспитания: мам, бабушек, нянюшек. Без благодатного влияния последних невозможно себе представить ни нашу поэзию, ни нашу прозу.

В современной лирике не просто найти стихи, которые по своему поэтическому звучанию, по щемящей до боли интонации были бы равны стихам А. Г. Гребнева, посвящённых матери. Она, оставшаяся вдовой с четырьмя детьми на руках, сумела не только поднять, вырастить их, но и сохранить их души. Простая русская крестьянка, обладавшая чутким сердцем и великим даром любви, смогла воспитать в сыне те чувства, без которых невозможно было бы самостояние его как личности, ни становление его удивительного поэтического дарования. Мать органично понимала то, о чём писал митрополит Сурожский Антоний, полагавший, что самое важное в воспитании сделать дитя человеческим: «Поэтому надо учить ребёнка правдивости, верности, мужеству, таким свойствам, которые делают из него подлинно человека и, конечно, надо учить его состраданию и любви» [2, с. 249].

Для поэта в маме соединилось всё: родительский дом, всегда ждущий его, песня, то раздольная и весёлая, то безмерно печальная, и доброта, открывшая ему мир. Она растила его в трудах и заботах, но всё его детство, от самых первых, сердечно памятных минут было согрето ею. Благодаря матери в душе сына воедино соединилось отечество земное с отечеством небесным, настоящее с прошлым.

... Не в те ль времена Святослава
В моём древнерусском краю
Я вижу, как мальчик кудрявый
Бежит босиком по жнивью.
... Той давней, но памятной яви
Я, видно, забыть не смогу,
Не я ли тот мальчик, не я ли
В страду к своей маме бегу [1, с. 162].

Анатолий Григорьевич – поэт православный по природе своего поэтического дарования. Духовный мир естественно и органично открывается через чистоту детского восприятия всего, что его окружает. Для него природа живёт и говорит внятными ему языком. Он видит и слышит в ней то, что открыто лишь безыскусному детскому сердцу.

Вон парнишка бежит босиком
Дальним полем, тропой луговой.
Он с былинкою каждой знаком
Золотой весь от солнца и воли.
Это я – на заре бытия –
Мне понятны и глубины и выси,
Птичий щебет и пенье ручья,
Трав и листьев зелёные мысли [1, с. 164].

В этой внутренней свободе, во всей полноте, ощущаемой именно в детстве, когда весь огромный мир неотделим от тебя и открывается во всей его неоглядности, душа рвётся за пределы земного, тянется к тому Неведомому, что зовёт в далёкое, в высь. Поэт впервые почувствовал это на колокольне разрушенного сельского храма.

А церковь и у нас в селе сломали.
Но колокольня старая стоит.
И снова в детство дальнее поманит
И радостью забытой осенит.
...С неё мы даль оглядывали жадно.
И, не держась за узенький карниз,
Как ангелы, легко и безоглядно,
За горизонт неведомый рвались [1, с. 32].

Детская память – особая. Для неё всегда памятно не столько внешнее, событийное, сколько внутреннее, оставившее глубокий след в сердце. Это мучительное чувство голода и страха, пережитого им, когда они с сестрой, собирая в колхозном поле горох, «чтобы было что поесть», оказались настигнуты конным объездчиком. Пережитое мальчишкой в это мгновение помнилось всю жизнь:

Вдруг опять во сне затопит
Детским ужасом меня.
Убегаю, сзади топот,
Топот страшного коня [1, с. 167].

В это тяжёлое время он почувствовал и принял в сердце правду, пережитую в личном духовном опыте, позже глубоко и выразительно отразившуюся в его творчестве. Спасение в трудные годы возможно лишь через общее сострадание и милосердие. Для него односельчане стали одной большой семьёй. Чужого горя и чужой беды не было. Все от мала и до велика жили одними трудами, одними чувствами и потому выстояли.

На послевоенном перевале
Жили мы, расчётов не вели.
Миром все беду отбедовали.
Горе, как могли, перемогли [1, с. 175].

Это родовое единство ещё в раннем детстве дало ему возможность почувствовать свою прямую, кровную связь с родной землей, с Родиной. Для него каждый дом в селе был своим. В крестьянстве в это время, вопреки всем испытаниям, сохранялась загнанная глубоко внутрь православная вера. Она проявлялась в том, что жить стремились по совести, по правде, сберегая те нравственные устои и традиции, на которых держалась жизнь их предков. Воспитывался живой патриотизм. Именно об этом писал русский философ И. А. Ильин: «Самая идея “родины” – лона моего рождения и “отечества”, земного гнезда моих отцов и предков – возникла из недр семьи, как телесного и духовного единства» [3, с. 152]. Свою соединенность со всей Россией поэт ощущал наиболее полно и остро в родном селе, в родовой избе. В ней на божнице хранились отцовские письма, центр занимала большая русская печь, на которой в детстве был его «терем-теремок».

Деревенские ребятишки относились к печке как к чему-то живому и родному. С ней надо было дружить, там сушились заледеневшие рукавички и варежки, там же находили дети утешение в ребячьих горестях. Печка лечила, кормила, поила и парила.

Вот она живая светит,
Жар душевный отдаёт,
И обнимет, и приветит,
Детство давнее вернёт [1, с. 179].

В детстве же Анатолий Гребнев впервые услышал, почувствовал музыку слова. Он рос среди тех, кто ещё хранил чудесный, живой, образный русский язык. Будущий поэт постигал его через бабушкино наречье, её «былинную молву», через материнские слова, через рассказы фронтовиков, через русские песни. Всё это будило, тревожило душу, находило в ней отклик и позже облеклось в собственное слово, вобравшее в себя всё, что с детства было дорого сердцу, – слово, свыше слетевшее в душу, сохранившее детскую чистоту и ясность.

В той ребяческой поре,
Сам себе на удивление,
На берёзовой коре
Я писал стихотворение...
...Мне казалось, что слова,
Те, что вдруг словами стали,
Сверху, где шумит листва,
Неожиданно слетали [1, с. 179].

Светлое, радостное мирозерцание, сложившееся у Анатолия Гребнева ещё в детстве, определило характер и смысл его творчества и присущую только ему неповторимую поэтическую интонацию.

Список литературы

1. Гребнев А. Г. Русь, Россия – отрада моя. Киров, 2016. 367 с.
2. Митрополит Сурожский Антоний. О встрече. М., 1999. 254 с.
3. Ильин И. А. Собрание сочинений. Т. 1. М., 1993. 398 с.

УДК 821.161.1

Е. О. Галицких,

доктор педагогических наук, профессор,
заведующая кафедрой русской и зарубежной литературы
и методики обучения,
Вятский государственный университет, г. Киров
e-mail: galitskiheo@rambler

Ю. А. Пешкина,

студентка V курса факультета филологии и медиакоммуникаций
Вятского государственного университета
e-mail: peshkinay@mail.ru

«ВЯТСКОЕ ДЕТСТВО» В ТВОРЧЕСТВЕ В. Н. КРУПИНА

“CHILDHOOD YEARS IN VYATKA” IN THE WORKS OF VLADIMIR KRUPIN

Аннотация. Статья раскрывает образы, мотивы, сюжеты темы детства в сборнике В. Н. Крупина «Босиком по небу», а также даёт описание читательской и творческой деятельности учителя и ученика над этим произведением на уроках литературы.

Ключевые слова: тема детства, творчество, духовный опыт детства, время жизни.

Abstract. The article investigates the images, motives, and plots used to develop the theme of childhood in the collection “Treading the Sky Barefoot” by Vladimir Krupin. It also gives a description of reading and other engaging activities of teachers’ and students’ at literature lessons.

Keywords: childhood theme, creativity, spiritual experience of children, timeline.

Детство больше всей жизни.
Детство – главное время нашей жизни.
Оно навсегда.

Владимир Крупин

К исследованию художественного творчества В. Н. Крупина обращались ученые и педагоги: Н. Злыгостева, Т. Кашурникова, Т. Косолапова, Е. Семькина и др. Высоко ценил его художественный дар писатель Валентин Распутин. Ежегодные Крупинские чтения дают возможность констатировать ведущий мотив творчества писателя – восхищение красотой родной Вятской земли и её жителями. В книгах В. Н. Крупина раскрываются истоки его творчества: детство, природа родной земли, традиции русского народного быта и бытия.

В. Распутин точно охарактеризовал особенность таланта писателя: «Проза Владимира Крупина – это нечто особенное в нашей литературе, нечто выдающееся и на удивление простое... Его герой весь на виду и ничего в себе не умеет скрывать, для Владимира Крупина личность не в том, чтобы уйти в себя, а в том, чтобы бескорыстно прийти к людям» [2, с. 14].

В творчестве В. Н. Крупина тема детства играет определяющую роль: «Детство – главное время нашей жизни. Оно навсегда. Его царапины, обиды, переживания со временем забываются, и остается одно: всесветное сияние счастья быть на Божьей земле» [6, с. 5]. «Духовный опыт детства – это один из источников силы нравственного, благоговейного отношения к миру, восхищения чудом всего живого на земле» [3, с. 25].

Именно такое нравственное отношение к миру является задачей образования, поэтому система уроков о детстве может «служить соединению поколений, “отцов и детей”, учеников и их родителей, чтобы “не погасла свеча” любви и благодарности, чтобы искусство осветило, согрело счастьем и сделало ясным для юных читателей духовный опыт детства» [3, с. 26].

Последняя книга Владимира Николаевича Крупина названа метафорично «Босиком по небу» и имеет авторский подзаголовок «Книга о детях для детей и взрослых». И эта направленность и обращенность к читателю очень важна, потому что ее действительно интересно читать и детям, и их родителям. Кто в детстве не мечтал стать взрослым и кто, став им, не хотел бы вернуться в детские годы, хотя бы в своих воспоминаниях?! Вероятно, эта книга – дань благодарности писателя своим родителям, землякам, всем людям, которые оберегали, растили, питали соками жизни его детскую душу, так бережно сохранившую память сердца, детские впечатления, глубокие переживания, сильные чувства, открытые мысли, что о них можно сказать «Большая жизнь». Возраст героя, над которым бережно, подоброму, чуть иронично и трепетно наблюдает автор, подчеркнут в самом названии «жизнь маленького Ванечки». Но какие глубинные и важные происходят в нем изменения, как он растет, как развивается его самосознание, как открывается его душа всему «доброму и прекрасному», новому и серьезному!

Последний год перед школой в жизни ребенка можно сравнить с целой эпохой, столько происходит в это время в жизни Вани событий, с точки зрения обывателя, незначительных, но каких ярких и важных, если взглянуть на них из будущей взрослой жизни героя. Автор показывает, как происходит становление гражданской позиции мальчика, его духовной основы, как вырастает в нем понимание смысла жизни, ценности хлеба, красоты земли, ее духовной составляющей. Целый мир чувств в душе героя открывает автор юным читателям: любовь к родным и близким людям, уважение к труду хлебороба, чувство благодарности за заботу, нежность к «братьям нашим меньшим», способность понять важность дружбы, радость от своих полезных дел, тревога за общие результаты страды, ответственность за себя.

Для Владимира Крупина детство – это время, наполненное счастливыми моментами, которые заключаются в работе и помощи родителям, в детских фантазиях, в военных играх «с разведчиками,

пленными, землянками, штабами, трофеями» [5, с. 207], в подготовке к Новому году и в ожидании праздника. Счастье – «затопить печь в холодном доме поздней осенью» [5, с. 191], наблюдать за морозным закатом и ждать весны, летом «идти босиком километра два по росе, купаться в пруду, влезать на дерево, воображая себя капитаном корабля, счастье – идти по опушке, собирать алую землянику, полнить ею чашку синего колокольчика» [5, с. 133]. Особенность художественного времени сборника в том, что писатель рассказывает о своем детстве, которое проходило в послевоенные годы.

Многие рассказы наполнены грустью о безвозвратно ушедшем времени. Прогуливаясь по родным просторам, писатель с болью наблюдает, как все переменялось. *«И ты другой, и родина. И ты её, теперешнюю, не знаешь. Да, так мне говорили: не знаешь ты Вятки, оттого и восхищаешься ею. <...> Не знаю, отвечал я. И уже не узнаю»* [5, с. 136].

Несомненно, в повести «Босиком по небу» автору удалось главное – наполнить художественной изобразительной силой родство и неразрывную связь родителей и родины. Эти слова не просто одинаково начинаются, они, как трава весной, прорастают в тех смыслах, которыми наполняют судьбу человека, одаривая его светом жизни и любовью к Отечеству. И начинается этот процесс духовного обмена в колыбели, в семье, в которой все три поколения живут в мире и согласии: бабушка и дедушка, мама и папа, и их дети: Коля, Ваня и Лена. Вот поэтому «детство больше всей остальной жизни. Детство – главное время нашей жизни» [5, с. 5]. Вспомним размышления В. П. Астафьева, который считал, что «мы часто повторяем по делу и без дела: “Любить землю”, “Любить Родину”, – а может быть, чувствовать, ощущать, как самого себя, а? Если любовь можно привить, укоренить и даже навязать, то чувства и ощущения передаются лишь по родству, с молоком матери, редкой лаской отца, когда опустит он тяжелую ладонь на детскую голову, и притихнешь под ней, как птенец под крылом, и займется сердчишко в частом, растроганном бое, и прежде всего в матери, в отце ощутишь родину свою. А уж какая она,

эта Родина, – все зависит от того, какие чувства перенял ты от родителей» [1, с. 101].

Особенность художественного пространства рассказов Владимира Крупина в том, что оно тесно связано с Вятским краем, с местом, где проходили детство и юность писателя. Читатель отправляется вместе с автором в путешествие по его родным просторам, гуляет с ним по берегу реки Лобань, по Красной горе, едет в отцовскую деревню Кизерь, мамину – Мелеть. Неоднократно в рассказах встречается описание рек Вятского края. В рассказе «Река Лобань» мы наблюдаем автора, сидящего на берегу родной реки, и узнаем её местоположение: *«Путь к Лобани очень длинный, и надо много сапог сносить, пока дойдёшь. <...> Надо идти вверх по Волге – матери русских рек, потом будут её дочери: сильная, суровая Кама и ласковая Вятка, а в Вятку впадает похожая на Иордан река Кильмезь, а уже в Кильмезь вливается Лобань»* [5, с. 107]. Владимир Николаевич с любовью рисует картины побережья, где писатель забывает обо всех обидах, скорби и боли и чувствует себя счастливым.

В рассказе «Отец, я ещё здесь» встречается размышление писателя о Вятке – главной реке Вятской земли: *«Милая Вятка, быть бы тебе главной рекой Руси. <...> Какая мощь в этом спокойном течении, какая красота в берегах. Они, то высоченные, красные от глины, то пологие, золотые от чистых песков, то сумрачные от подступивших хвойных лесов, то веселые от лугового разнотравья. И чего только они не видели»* [5, с. 163].

Описание городского пейзажа города Кирова можно встретить на страницах рассказа «Фонтан в центре города». Здесь внимание автора обращено к Вечному огню, *«у которого по праздникам и в выходные дни стоят в почетном карауле комсомольцы и пионеры»*, от него можно пройти в *«прекрасный сад, где на крутом обрыве стоит белая круглая старинная беседка»* [5, с. 230]. Из беседки открывается вид, знакомый каждому жителю Кирова: *«Вначале луга, потом леса, леса, леса, а среди них дымящиеся трубы. Внизу и слева виднеется красивый длинный мост»* [5, с. 231]. Затем мы отправляемся на набе-

режную, названную в честь «прекрасного сказочника» [5, с. 232]. В этом же рассказе упоминается краса и гордость Вятки – дымковская игрушка. Писатель прямо не называет её, но по описанию читатель догадывается сам. *«Хорошо бы купить им по расписной глиняной игрушке, которые делают только в этом городе <...> за стеклом стоит огромная барыня в пяти разноцветных юбках, с веером»* [5, с. 218].

В. П. Астафьев назвал время детства «ясноликим», всегда счастливым. В. Н. Крупин нашел свои краски, слова и звуки для «вечной темы» детства, которая открывается читателю через особый взгляд писателя, сохранившего чистоту зрения мальчишки, который «открывает мир» послевоенного времени XX века в поселке огромной России так, что здесь читателю хочется родиться, жить в этом доме, в этой семье и повзрослеть вместе с Ваней, пройдя школу многообразной и неисчерпаемой жизни.

Учитель литературы на уроке в классе может предложить детям нарисовать воображаемую «карту событий» повести, на которой отметить с помощью рисунков, символов, слов все занятия и дела жизни Вани. На этой карте будут и обед за столом, и двор с собакой Буськой и коровой Декабринкой, и баня с веником и паром, и печка, заслужившая почет в русских сказках, и верба с желтыми зайчиками, и березовые веники, и сенокос, и игры, и обиды, и рассвет, и рыбалка, и самокат, и копка картошки, и прополка грядок, и ферма с именинами коров, и папино поле, и первый класс. Ребятам очень нравится рисовать такие знаки, по которым можно восстановить палитру событий. Можно и просто записать название каждой главки, но это проще и не требует воображения. Хорошо, если в этой работе примут участие и родители детей, потому что «семейное домашнее задание» может вдохновить их на рассказ о своем детстве или эпизодах детства своих сыновей. Им поможет игра, описанная в главе «Я помню» [5, с. 34].

Сложность восприятия юными читателями этой повести заключается в том, что немногие дети были в деревне, селе, им должен по-

мочь текст все представить, поэтому каждый ученик выберет одну, самую интересную, с его точки зрения, главу для выразительного чтения и прочитает ее вслух дома для кого-то, кто готов его послушать. А вот на уроке учитель может предложить юным читателям объяснить, почему выбрана именно эта глава, что в ней особенно нравится, что привлекает и запоминается, и главное, нужно сформулировать мысль о том, чем делится с читателем автор. Прочитируем один из детских ответов-комментариев: «Мне очень понравилась глава “Именины”, потому что в ней придумывают имена коровам. Бабушка мне рассказывала, что имя коровы должно говорить о ее характере. Но и имя человека не может быть случайным, имени нужно соответствовать. Имя – это важное и нужное слово. А какими красивыми словами называют коров! Вот об этом пишет Владимир Крупин».

Затем на уроке зазвучит чистая красивая русская речь, потому что каждый ученик выберет для чтения одну страницу с небольшим эпизодом или описанием из повести и будет читать ее вслух обязательно всему классу. Чтобы такая композиция прошла эмоционально и динамично, ее начинает учитель и приглашает к доске детей большими группами по восемь-десять человек, они объединяются по темам текста. Очень важно с помощью выразительного чтения создать условия для переживания детьми мгновения восхищения красотой неба, солнца как животворящего природного начала, этот момент урока помогает воспитывать доброе, благородное отношение к чуду жизни, ее силе и вдохновляющей мощи. Учителю нужно прочитать описание восхода солнца, неслучайно отец обращается к сыну торжественно и ласково «Иванушка», сказочность и значимость события подчеркивает и название главы «Солнце встает»: «В окне за домами, за красной рябиной, было розовое, а внизу ярко-алое небо. И этого алого становилось все больше. Это и был краешек солнца. От него не было таких лучей, которые Ваня рисовал на бумаге, но небо прямо на глазах становилось все ярче, а ягоды на рябине будто исчезли.

Ваня умывался, одевался, но все время подбегал к окну. И как это он раньше не знал, что солнышко так быстро выходит?» [5, с. 49]

Это ощущение детства как «главного времени нашей жизни», полноценного, счастливого, эмоционального, хранимого памятью в течение всех прожитых лет, свойственно лучшим писателям не только XIX, но и XX века, несмотря на все драматические события эпохи. Вспоминая свое детство, Д. Гранин размышляет о «самой счастливой поре своей жизни» и называет ее «царством свободы», не только наружной, но и внутренней: «Я мог часами смотреть с моста в воду. Что я там видел? Подолгу простаивал в тире. Волшебным зрелищем была кузня.

Любил в детстве часами лежать на теплых бревнах плота, смотреть в воду, как играют там в рыжеватой глубине, поблескивают уклейки. Повернешься на спину, в небе плывут облака, а кажется, что плывет мой плот. Под бревнами журчит вода, куда плывет – конечно, в дальние страны, там пальмы, пустыни, верблюды. В детских странах не было небоскребов, автострад, была страна Фенимора Купера, иногда Джека Лондона – у него снежные, метельные, морозные.

Детство – это черный хлеб, теплый, пахучий, такого потом не было, он там остался, это зеленый горох, это трава под босыми ногами, это пироги с морковкой, ржаные, с картошкой, это домашний квас. Куда исчезает еда нашего детства? И почему она обязательно исчезает? Маковки, постный сахар, пшенная каша с тыквой...

Сколько было разного счастливого, веселого... Детство остается главным и с годами хорошеет. Я ведь там тоже плакал, был несчастен. К счастью, это начисто забылось, осталась только прелесть той жизни. **Именно жизни.**

Не было ни любви, ни славы, ни путешествий, ни секса, **только жизнь, чистое ощущение восторга своим существованием под этим небом.** Еще не осознана была ценность дружбы или счастье иметь родителей, все это позже, позже, а там на плоту только я, небо, река, сладкие туманные грезы...» [4, с. 530] Все содержание повести В. Крупина, эти размышления Д. Гранина помогут учителю вдохно-

вить и детей, и их родителей на литературное творчество, на описание своего «неба», своих воспоминаний «большой жизни», своего детского мироощущения.

В содержание урока можно включить учебную презентацию с пейзажами неба, рощ, полей и лугов, знакомых детям, соединив словесный образ со зрительным. В завершение урока – задание на выбор.

1. Написать «продолжение книги» с помощью своей главы о своем детстве, сохранив стиль автора: лаконизм, искренность, эмоциональность, лиричность, событийность.

2. Прочитать один новый рассказ В. Н. Крупина из этой книги по выбору.

3. Написать сочинение-рассуждение на тему «Хотел бы я стать другом Вани и почему?»

Сквозной идеей проходит через всю повесть категория времени детства и пространства жизни, хронотопически маленькая повесть очень густо заполнена событиями Ваниного детства – «главного времени жизни». Как «Лето господне» И. Шмелева, у Вани тоже свое лето, которого он ждет, чтобы быстро вырасти. Но «дети изрядного возраста» знают, что некоторым и всей жизни не хватает, чтобы стать взрослыми и ответственными людьми, ведь для роста нужен труд души, которая «обязана трудиться». Но как этот труд открыть читателю? Для этого автор разбивает поток повседневности на события, каждое из которых напоминает дыхание, то есть вдох, паузу и выдох. Особое значение имеет окончание каждой главки, завершающей день, который длится, наполненный вопросами о том, что хорошо, а что плохо, и поиском ответов на них.

После изучения повести на уроке литературы в 5-м классе ее можно в старших классах включить в контекст темы детства в русской литературе, потому что Владимир Николаевич Крупин описал большую жизнь маленького Вани так живо, искренне и радостно, что на «золотой полке» русской литературы о детстве эта повесть займет свое особое и заметное место. Конечно, тема детства в творчестве В. Крупина продолжается, она начиналась в повести «Дымка», в кни-

ге «Вятское детство», но каждая новая страница его прозы – это «воспитание души» юного читателя, спасение ее «от растрепанности, от всего низменного» (Г. В. Свиридов), сохранение в суете и быте взрослой жизни желания вспоминать детство, где можно бегать «босиком по небу».

Таким образом, сборник рассказов «Босиком по небу» описывает лучшие моменты детства, звуки и краски, живописные пейзажи родных просторов, которые навсегда сохранились в памяти писателя. В. Крупин с большой любовью и трепетом делится с читателем сокровенными воспоминаниями детства, а в конце книги с грустью признается: *«Детство сильнее всей остальной жизни. Да, сильнее. Хочу в детство, хочу бежать босиком к реке, хочу помогать взрослым»* [5, с. 278]. И дети, и взрослые, читая книгу, узнают себя, свои ребяческие забавы. Эта книга обогащает счастьем бытия душу юного читателя и помогает окунуться в детские воспоминания взрослым.

Список литературы

1. Астафьев В. П. Заветное. М., 2007. 239 с.
2. Варшавская Л. А., Еланская Н. И. Сценарий литературно-музыкальной композиции «У нас нет запасной Родины. Только Россия». О творчестве В. Н. Крупина // Уроки литературы. 2011. № 11. С. 11–14.
3. Галицких Е., Самохвалова Г. Готовимся к уроку литературы в 5 классе. Киров : ВГГ, 1996. 56 с.
4. Гранин Д. Все было не совсем так. М., 2010. 576 с.
5. Крупин В. Н. Босиком по небу : книга о детях для детей и взрослых. М. : Сибирская Благовонница, 2009. 287 с.
6. Крупин В. Н. Лёгкие облака : книга о родине. Киров : О-Краткое, 2010. 400 с.
7. Шмелев И. Лето Господне. М., 1997. 560 с.

Е. О. Галицких,
доктор педагогических наук, профессор,
заведующая кафедрой русской и зарубежной литературы
и методики обучения,
Вятский государственный университет, г. Киров
e-mail: galitskiheo@rambler

ВРЕМЯ ВЗРОСЛЕНИЯ В ЛИРИКЕ АННЫ ТИТОВОЙ

TIME OF GROWING UP IN THE LYRICS OF ANNA TITOVA

Аннотация: статья посвящена исследованию двух стихотворных сборников Анны Титовой. В её лирике раскрывается категория времени, тема детства, взросления, становления поэтического дара.

Ключевые слова: лирика, поэтический дар, тема детства, лейт-мотив времени.

Abstract: the article is devoted to the study of two collections of poems by Anna Titova. Her lyrics reveal the category of time, the theme of childhood, growing up, and becoming a poetic gift.

Keywords: lyrics, poetic gift, theme of childhood, leitmotif of time.

Самое хрупкое чудо на свете –
Это строка.
Анна Титова

Цель этой статьи – открыть читателям Вятского края поэзию Анны Титовой, в творческой кладовой у которой хороший задел: поэтические сборники «Слезка России», «Мелодия моей души», «Песенная родина моя», «Нет у любви категории времени», «Любите жизнь в мельчайших проявлениях». Уже заголовки сборников акцентируют внимание читателя на лирической энергии автора.

Анна Титова родилась в 1974 году в Малмыже Кировской области, там прошло её детство. В 1996 году закончила филологический факультет Вятского государственного педагогического университета,

«по призванию и роду деятельности – учитель русского языка и литературы» [1]. Интерес к её творчеству обусловлен не только уважением к выпускнице факультета, связавшей свою судьбу с учительским делом, но и восхищением её поэтическим умением перевоплощать свои мысли и впечатления в стройные ритмические формы. Сейчас Анна живёт и работает в Санкт-Петербурге, но неизменно обращается в своих поэтических сборниках к теме малой родины, к памяти «далекого детства» [1, с. 16].

Если б я вспоминала Малмыж,
То, наверное, всё-таки вспомнила,
Что на свете есть город, есть родина,
По которой порою грустишь [1, с. 4].

Интересно увидеть сначала детским, а потом взрослым взглядом конкретные приметы города Малмыжа, который она называет «местом отдохновения», вспоминая колорит родины в красках и звуках, запахах и ощущениях:

Пахнет земля родная
Тем, чем всегда гордимся:
Хвоей лесного рая,
Щедрым гостеприимством.
Август хрустит груздями,
Крепостью крупной соли.
Август богат садами,
Ветром малмыжской воли... [1, с. 5]

Прошли годы, и тема детства возвращается в снах:
Копали во сне картошку,
Рассыпчатую, сухую,
Как будто в далёком прошлом
Блуждала душа, тоскуя.

И клубни ложились чинно
Рядком золотистым, ровным.
И в прорези мешковины
Казалось ведро огромным.

Детство оживает тяжестью и нежностью клубня в ладошке, запахами дымка над костром, вкусом картошки, сентябрьским теплом, цветовым ощущением неба:

И пахло домашним салом,
Дымком над ботвинной плетью.
Как дерзко душа дышала
Лазурью осенне-летней!..

Ломоть был ржаным, румяным,
С поваренной солью белой.
От всех кочанов и яблок
И брызгало, и хрустело.

Повеяло чем-то детским:
Сентябрьским теплом хорошим.
Смеялось и пело сердце...
Во сне мы пекли картошку [2, с. 172].

Вспоминая дом своего детства, Анна сразу даёт оценку «детскому миру» того времени: «Как же счастливо мы жили!» [1, с. 5] Что в этой жизни вспоминается, что питает вдохновение, которое становится текстом стихотворения? «Дорогой калитки скрип», берег Вятки, «холмы, дорогие, могильные», ватрушек сладкий вкус, «бабушкины руки», «старая липа», фотографии в «семейном альбоме». «Воздух родного края» пропитан «лебедой, медовым клевером и мятой», это и «полыни горьковатый нрав», и «звонкий родничок»:

Что же с нами ты делаешь, время?..
Мы живем с ощущеньем потерь...
Старый дом, что пропитан сиренью,
Кто тебя навещает теперь? [2, с. 57]

«Нет у родины моей сил детей своих держать», – с горечью замечает приехавшая на родину гостьей лирическая героиня Анны Титовой, за плечами которой уже годы, дороги, груз пережитого, но па-

мать «возвращается к истокам, чтоб увидеть отеческий кров». Как всхлип две строчки:

Как я скучаю по родному дому,
По чаю с мятой, липе вековой [2, с. 58].

Особую сердечную боль о смерти деревень передает рефрен, в котором мы слышим ритм уходящего времени:

Умирили деревни стоя
До последних прогнивших брёвен.
И оплакивали их ивы
Над бурьяном в сетях крапивы.

Воображение оживляет картину народного художника России В. Харлова «Последние жители деревни Русиново», в ней это молчание деревни зримо. А поэт заставляет голос деревни услышать:

Умирили деревни молча
Журавлиным криком по колчам,
Алой кровью осенних гроздьев,
Зрелой клюквой под скрип полозьев.

Умирили деревни просто,
Обращаясь к богам и звёздам,
И просили о самом малом,
Чтоб в глубинках ещё осталась

Жизнь, наполненная любовью...
Умирили деревья стоя [2, с. 55].

Молодость и стремление к новым знаниям уведят Анну Титову от родного порога, но яркие детские впечатления от каждого времени года, от «медовой роскоши букетов», от цветущих лип и еловых далей, от вековых сосен, ромашковых полей будут оживать в её поэтических строчках и мелодиях песен.

В сборнике Анны Титовой пространство поэтических тем расширяется в поисках счастья и новых впечатлений. Стихи о дорогах России, о городе на излучине Невы, о Твери, о городах Золотого

кольца России (Плесе, Костроме, Суздале) несут на себе красочный отпечаток детского восхищения миром, умение видеть дорогое и близкое сердцу, а не парадное, туристическое, затёртое взглядом. Пейзаж, созданный для длительного душевного дивования, открывается поэту с высокого берега Волги. Это левитановская картина пространства «над вечным покоем». Время словно остановилось, чтобы дать возможность насмотреться, налюбоваться, подивиться. И сердце стучит в стихотворных строчках взволнованно и благодарно: «Гордитесь, люди русские, у нас есть город Плесь!» [1, с. 36]

Постепенно стихи обретают энергию, появляется категория жизни и времени в пространстве судьбы. Поэтическое кредо времени автора звучит убедительно, рефрен «всё возвратится на круги своя» усиливает впечатление движения, но важно, чтобы оно, являясь конечным в пределах судьбы одного человека, сохраняло смысл бесконечной связи поколений, перехода от матери к дочери красоты, любви к своей родине. Пусть «зажигаются новые лица» светом любви и веры:

– Всё возвратится на круги своя...

И будет время, чтоб подумать: «Я

Кто в этом мире – камень иль волна?»

Всё возвратится. Только жизнь одна [1, с. 120].

И эта жизнь поэта наполняется особым содержанием: силой любви, тоской и грустью, нежностью и надеждой, верой и сомнением, молитвой и песней:

Как хочется понять: а что там впереди?

Покуда лепестки на травы снегом лягут,

Душа моя парит, и с новизной строки

Крадётся в жизнь мою чудесный возраст ягод [2, с. 12].

Анне Титовой удаётся извлечь из памяти те впечатления от зим, морозов и метелей детства, которые наполняются новым смыслом зрелой жизни:

– З-ззи, – скрипнет на петлях дверь, проберусь с находкою.

– М-мма, – запах капустных щей с запотевшей водкою.

Опять, наколов дрова, затопив берёзою,
Смеётся из бань зима со спиною розовой [2, с. 136].

Из детства шагнёт Анна Титова в профессию учительскую, сохранит верность своему юношескому выбору, будет идти путём служения русской литературе, поэтому особой искренностью наполняются стихотворные строки, посвященные коллегам в стихотворении «Учитель уходит»:

Учитель уходит, стирая идеи с доски,
Наивно и свято надеясь, что где-то
Живут его мысли, и новые ученики
Не только общаться приходят на эту планету.

Учитель уходит, когда уже свет приглушён,
Смеркается день или жизнь в переплёте оконном.
Врывается зло (и никто уже не защищён)
То пулей, то взрывом, то резким звонком телефонным.

И вот уже время и боль забирают в тиски.
А груз ожиданий настолько тяжёл и огромен...
Он держит удар против глупости, злобы, тоски.
Как страшно, когда настоящий учитель уходит [2, с. 143].

Неслучайно звучание и течение времени становится лейтмотивом лирики Анны Титовой: время то стремительно летит вместе с лыжницей, то «медленно тянется в поезде» у оконного стекла, то останавливается и замирает, «как триста лет в России», то вспыхивает мгновенным воспоминанием детства, то растворяется, «как сахар в чашке». Анна называет «наше время» сроком «всего лишь десять-двадцать лет» и завершает заветом:

Сверяйте каждое мгновенье,
Прислушайтесь: часы идут
У жизни в вечном измеренье
Не больше кратких трёх минут.
Другого времени не будет... [1, с. 120]

Ощущение «гула времени», его движения и определило выбор названия всему сборнику 2019 года «Другого времени не будет» [1]:

Кровью сердца прочерчены жилки рябины,
На кленовых открытках от солнца печать.

«Берегите друг друга и будьте любимы», –
Вот и всё, что хотели нам строки сказать [2, с. 173].

Образ «строки» соединяет поэта с детством, природой, историей, любовью, родиной, жизнью в любые времена:

Ничто не заменит России
Изящества белых снегов,
Черёмух чарующий иней
И тающий дым облаков.

Свиваясь в цветочные вихри,
Рождаясь из пены морской,
Цвет белый, святой и великий,
По праву царит над землёй.

Садов подвенечные платья
И ночи над майской Невой:
Крахмальное кружево знати
И рубища лоскут льняной.

Хрустальным обрушится ливнем
Поток нерифмованных строк –
И снова плывёт над Россией
Мелодия белых стихов [2, с. 135].

Евгений Евтушенко в статье «Воспитание поэзией» перечислил пять качеств, необходимых поэту: «Первое: надо, чтобы у тебя была совесть, но этого мало, чтобы стать поэтом. Второе: надо, чтобы у тебя был ум, но этого мало, чтобы стать поэтом. Третье: надо, чтобы у тебя была смелость, но этого мало, чтобы стать поэтом. Четвёртое: надо любить не только свои стихи, но и чужие, однако и этого мало, чтобы стать поэтом. Пятое: надо хорошо писать стихи, но если у тебя

не будет всех предыдущих качеств, этого тоже мало, чтобы стать поэтом, ибо:

Поэта вне народа нет,
Как сына нет без отчей тени.

Поэзия, по известному выражению, – это самосознание народа. Чтобы понять себя, народ и создаёт своих поэтов» [3, с. 15–16]. Поэтическим эхом отозвалась Анна Титова на эти пророческие слова Евгения Евтушенко, посвятив его памяти следующие строки:

По снежному следу, осеннему ветру,
Весеннему цвету, воде дождевой
Поэты уходят... Вернутся поэты,
Когда мы оценим их голос живой [2, с. 16].

Анна Титова чувствует своё время, беспокойное, изменчивое, тревожное, поэтому и признаётся: «Трудно думать и жить стихами» [2, с. 8].

Память детства, ощущение бега времени, возвращение к истокам своего взросления, пути становления поэтического дара, чувство «гордости за русских людей» [2, с. 65], благодарность за всё, что даёт человеку жизнь, питают лирику Анны Титовой. Несмотря на все титулы и регалии, взрослое ощущение мира, автор, как и многие педагоги, в душе остаётся ребёнком, вятской девчонкой, которая искренне пишет о том, что сохранила память и что даёт силы человеку в любое время:

Снова тянет в родные края,
Чтоб душою у печки согреться...
Травный постриг далёкого детства,
И намолена небом земля [1, с. 16].

Список литературы

1. Титова А. Другого времени не будет : стихотворения. Иваново : АО «Ивановский издательский дом», 2019. 123 с.
2. Титова А. Заманить бы тебя в этот сказочный край : стихотворения. Иваново : АО «Ивановский издательский дом», 2020. 180 с.
3. Евтушенко Е. Талант есть чудо неслучайное. М., 1980. 440 с.

Т. А. Федяева,

доктор филологических наук, профессор кафедры иностранных языков
и культуры речи СПбГАУ, переводчик,
член Союза писателей России, лауреат премии «Александр Невский»,
главный редактор информационно-аналитического издания
«Вестник детской литературы»
e-mail: fedjaew58@mail.ru

Е. О. Галицких,

доктор педагогических наук, профессор,
заслуженный учитель РФ,
заведующая кафедрой русской и зарубежной литературы
и методики обучения,
Вятский государственный университет, г. Киров
e-mail: galitskiheo@rambler.ru

МИР ДЕТСТВА В ПРОЗЕ ИРИНЫ КРАЕВОЙ

THE WORLD OF CHILDHOOD IN THE PROSAIC WORKS OF IRINA KRAEVA

Аннотация. В статье рассматривается творчество детского писателя И. И. Краевой, анализируются основные мотивно-тематические комплексы ее детских произведений и специфика их языка. Усложнение метафорической природы слова связывается с основными этапами творческой эволюции автора – от первых, веселых и развлекательных книг к постановке серьезных социально-нравственных проблем в последнем сборнике «Дети неба» (2018).

Ключевые слова: детская литература, метафора, многоадресность, поэтическая проза, диалог.

Abstract. The article reviews the works of the children's writer Irina Kraeva. The main motifs and thematic complexes of her books and their language peculiarities are analyzed. The metaphorical nature of the word becomes more complex as the author undergoes the main stages of her evolution- from her first funny and entertaining books to the serious so-

cial and moral problems posed in her latest collection “The Children of the Sky” (2018).

Keywords: children's literature, a metaphor, multiple target groups, poetic prose, a dialogue.

Ирина Краева (1966 г. р.) как автор прозы для детей уже давно стала авторитетным писателем, и её книги достойны семейного прочтения и заслуживают не только доброжелательного внимания юных читателей, но и доверительного разговора с педагогами и литературоведческого анализа. Она автор сказочной повести «Тим и Дан, или Тайна «Разбитой коленки» (2007), сборника рассказов для детей «Чаепитие с пяткой» (2011), повестей «Баба Яга пишет» (2014), «Колямба, внук Одежды Петровны» (2014) и «Колямба, внук Одежды Петровны, и компания» (2018), «Дети неба» (2018), рассказов «И попрыгать на воле» (2014), «Соловьиный сад» (2014), «У речки с золотыми мальками» (2018).

Уже первая её повесть была замечена и награждена престижной премией имени Владислава Крапивина (2007), а затем и другими, среди которых – премия Александра Грина (2015). В отзыве на книгу «Чаепитие с пяткой» Юнна Мориц написала о главном свойстве детской прозы И. Краевой: «Ирина Краева – блестящий автор весёлых, остроумных, тонких рассказов для детей. Она умеет придумать и расписать маленькую историю, в которой творятся большие чудеса, где всё превращается во что угодно, и язык вращается, как волшебный ключ в замочной скважине волшебных дверей. Она играет с детством без никакого подлизыванья, угодничества, впадения в кукольность, без никаких нотаций от имени знаменитых зверей. Всё чудо здесь – в языке, который главное действующее лицо, ведущее тайную игру. Эта игра стоит свеч!.. Она даёт авторское чувство ребёнку, который участвует в этой игре, – он становится автором своего личного восприятия, своей радости, улыбки; он ловит мячик подвоха, весёлой ошибки, обретая свой личный опыт тонкого мира – лирики, юмора, метаморфоз, ритмичных реакций, развивающих личность человека,

играющего не только на нервах» [1, с. 2]. В этом отзыве классика отечественной детской литературы, блестящего мастера языка, названо главное качество детской прозы И. Краевой – она один из немногих детских российских писателей, думающий не только о занимательном сюжете и дидактических приёмах, но и о молекулярной основе любого произведения словесности – о языке. Детские писатели, много размышлявшие и знавшие о языке (такие как, к примеру, К. Чуковский, С. Маршак, Б. Заходер, И. Токмакова, В. Берестов, Ю. Мориц), создавали свои неповторимые «материки» в детской литературе именно за счёт виртуозного владения языком, которое даётся хорошим образованием, ежедневными усилиями мысли, заинтересованной включённостью в современный литературный процесс. Такое достижение, как «свой язык» в литературе – это та верхушка айсберга, за которой стоят жизненный опыт, километры прочитанных книг, работа в разных областях словесного искусства – журналистике, критике, переводах, публицистике, литературоведении.

Ирина Краева создала свою первую детскую книгу через десять лет после защиты диссертации о творчестве Набокова, побывав в роли преподавателя университета, декана факультета, потом журналиста. В одном из интервью она призналась, что детская литература была для неё противоядием от проблем злободневности, плотно входящих в жизнь каждого журналиста серьёзных периодических изданий (в нашем случае это «Труд» и «Российская газета»).

Бегство в детство – обычный путь прихода в детскую литературу для многих хороших детских писателей – как отечественных, так и зарубежных. Это не уход от трудностей жизни, не уход от мира как такового, это философский наполненный выбор изменения не только своей жизни, но и жизни окружающих, так как обращение к спасительной стихии детства даёт надежду на реальную возможность гармонизации мира и человека.

Когда-то классик детской литературы, много переводившийся у нас в стране, Э. Кестнер сказал, что «дети ближе добру, чем нам наш сосед по квартире», имея в виду доверчивую открытость детского

сознания миру. Немецкий писатель серьёзно считал, что спасти мир могут воспоминания о собственном детстве, о том дорефлексивном состоянии веры в гармонию и добро, которое мы все когда-то пережили. Отсюда его представления о детях как учителях взрослых. Впрочем, эта идущая из Библии идея – основа творчества всех хороших детских писателей.

Первые детские книги И. Краевой во многом передавали восторг автора от освоения новой стихии слова – детской прозы. Уже в первых книгах ей блестяще удалось то, о чём она говорила в одном из интервью: «...смешать сказку и реальность, волшебство и современную жизнь». Набоковская прививка сыграла свою роль: думается, именно этот не детский писатель был и остаётся учителем и сотворцом образного строя произведений Ирины Краевой, её блестящего метафорически наполненного языка. Языковая стихия её первых произведений наполнена превращениями, юмором, весёлой игрой, добрыми посылами.

В. Г. Белинский в статье «О детской литературе» написал: «...чтобы говорить образами с детьми, надо знать детей, надо самому быть взрослым ребёнком». Читая книги И. Краевой, ни минуты не сомневаешься в том, что только такой автор (родившийся 9 Мая), мог сказать маме от имени маленькой девочки Дуси, героини «Историй про Дусю» из «Чаепития с пяткой»: «Я тебя люблю с такой силой, как танк стреляет». При этом Дуся «выкатила на веревочке настоящий Т-34». Детское языковое творчество расцветивает каждую страницу книг Ирины Ивановны – там в Живопарке есть Озеро Пузеро, водятся пучекрыжки, в ночной траве – изумрудные мешики, розы «ухают» как филины, у таксы Ваксы рождаются «семь сыновей-голубей», которые «расхаживали по квартире вперевалочку и клевали всех в пятки».

Ещё одна фундаментальнейшая мысль классика нашей литературной критики касалась определения главной цели детской литературы, которую он характеризует как «развитие данных им (детям. – Т. Ф., Е. Г.) от природы элементов человеческого духа – развитие

чувства любви и чувства бесконечного». Именно это чувство бесконечности – бесконечности мира, фантазии, игры, человека автор дарит своим юным и взрослым читателям.

А вот ещё один авторитетный отзыв о повести «Колямба, внук Одежды Петровны», который принадлежит прекрасной петербургской поэтессе Н. Ю. Жулановой, долгие годы проработавшей в журнале «Костёр»: «Колямбина бабушка, Надежда Петровна, считает, что внук её – “словорез, буквопляс и бес толковый”. И не без оснований. Какая увлекательная филологическая игра ждёт читателя, попавшего в книжную Масловку! М-м-м, пальчики оближешь! Тут тебе и народный юмор с присказками-прибаутками, и “древний, как лес, как камень, как река”, вятский говорок, и “научная” Колямбина мама, одержимая красотой русской речи, умеющая бахорить так, что иначе как баинкой её и не назовешь. Да что там “научная” мама! Автор “Колямбы” и сама – баинка. Откроешь книгу – и зачитаешься-заслушаешься! Обо всём на свете забудешь, хоть укроп тебе за шиворот пучком!» В деревенской повести о Колямбе в языковые игры включается фольклорный пласт языка.

В весёлых книжках Ирины Ивановны Краевой речь взрослого рассказчика имеет много общих черт с детской речью, её метафоризм развивает свойства метафор детского языка с той разницей, что область предметных значений, характерных для детских метафор, у повествователя сложнее, но абсолютно доступна для понимания читателя: «На кудрях Колямбы, выбившихся из-под синей шапки, снежинки вздыхают. И на берёзе, на сарае, подстылых лужах – везде вздыхают и подпрыгивают белые комочки, будто нахохленные крошечные птички».

Иное лицо автора мы видим в только что вышедшей книге «Дети неба», в которую вошли последние по времени из написанных автором повести и рассказы. Уже в «Колямбе» игровой, бескрайне весёлый образ мира стал тесен для писательницы, в повести зазвучали социальные ноты в теме дружбы Колямбы, сына благополучных и состоятельных родителей, и Витальки, сироты из бедной семьи. Герои

книги – дети страдающие, автор пишет о той стороне детской жизни, в которой много грустного и трагического. Автор называет своих героев очень нежным, прозрачным, но таким пронзительным и несущим в себе знание о скрытой боли, именем – «дети неба». Они, как говорят богословы, «достойные неба» гораздо более взрослых и счастливых своих сверстников, знают, что такое ничейность, сиротство, одиночество, боль – не внешняя, а душевная – от ран, нанесённых взрослыми их маленьким сердцам. Основным свойством прозы И. Краевой становится лиризм, слово начинает вбирать в себя все оттенки сочувственного внимания к детским бедам.

У М. Бахтина есть понятие «проникновенное слово»: оно проникнуто знанием о сокровенных истинах человеческой жизни, но высказано не прямолинейно, лишено напора убеждения, дидактики, его сила – в негромкой интонации, оно рассчитано на доверительное понимание собеседника. Из таких тихих, хрустально чистых слов соткана ткань повествования в книге «Дети неба». В неё вошли две повести, сказка и два рассказа.

Повести «Дети неба» и «Баба Яга пишет» написаны от первого лица, что минимизирует роль «всезнающего автора» и степень участия авторского слова в повествовании и делает голос ребёнка и детское слово полновесным и первым героем книги, оставляя автору роль распорядителя сюжета и композиции. Мысль о первостепенной значимости детского восприятия, учительного для взрослых, поддерживается в книге прекрасными иллюстрациями, стилизованными под детский рисунок, образы которого искусно и ненавязчиво наполнены глубокими смысловыми пластами. Автор иллюстраций – художник Аня Леонова.

В основе обеих повестей – драматические ситуации, приводящие к трагедии. В «Бабе Яге» – разлука внука и бабушки, в «Детях неба» – страдания детей, живущих без отцов. Тема смерти, вошедшей в детское сознание, – одна из главных в структуре повестей. Новая тематика, однако, никак не повлияла на главное свойство прозы

И. Краевой – её поэтическое измерение. Оно осталось константным свойством её произведений.

Повесть «Баба Яга пишет» вышла в 2014 году. Можно сказать, что повесть до сих пор не прочитана адекватно авторскому замыслу, сложнейшему по своей природе, хранящему многие философские смыслы. Ее действующие лица – представители двух великих и во многом родственных друг другу ментальностей – русской и индийской, вступают в контакт с рационализмом и практицизмом западного мира. Конфликтную основу этого контакта отражает в основном детское сознание.

Повесть написана в эпистолярном жанре, в ней переплелись два голоса – русской бабушки, живущей в Москве, и её маленького внука Аджая, живущего в Америке со своим отцом родом из Индии, русской мамой и тремя братьями. Но книга не о политике, не о конфронтации России и Америки с участием третьей сверхдержавы Индии. Она – о любви, может быть, самой чистой и трогательной во все времена – любви бабушки и внука, о великих и столь редких сейчас доверии и понимании, которые преодолевают все географические границы. Внук и бабушка страдают от разлуки, надеются на встречу, письма – единственный способ их общения. В них, щадя друг друга, они сглаживают свои переживания шутками, играми, описывают всё происходящее с ними с мягким и умным юмором.

Повесть по-настоящему драматична, так как встречи, о которой мечтают бабушка и внук, не происходит – бабушка накануне отъезда в Америку умирает, но – и это мощный катарсический поворот сюжета, поднимающий всю повесть на уровень подлинной трагедии, – внук продолжает писать свои детские письма после её смерти: «Бабуля, где ты теперь живёшь – на небе или в избушке на курьих ножках? Может быть, ты сможешь прилететь к нам в ступе? Ты всегда будешь моей бабушкой. Баба Яга не может умереть насовсем... Я люблю тебя всей душой, мой гадкий утёнок, моя Баба Яга, моя Бабуля. Твой Аджай! Планета Земля». Он задаёт бабушке вопросы, на которые, как кажется, он вопреки происшедшему всё же получает ожидаемые им

ответы, но теперь уже не в виде привычных для него мудрых и светлых писем от обожаемой бабули, а как вести от неё из некоего мистического пространства, которое улавливает его детская душа. Этот неслышный диалог, вероятно, будет продолжаться всю жизнь Аджея, понявшего в свои малые годы главную религиозную истину – смерти нет. Ведь и книга называется – «Баба Яга пишет» – пишет не в прошлом, а в настоящем времени.

Повесть «Дети неба, или Во всём виноваты бизоны» – о том, как детские души в поисках любви и ласки проходят все круги страданий. Её главный герой, школьник Максим, мучается с написанием сочинения на тему «Моя семья», которая и стала центральной в повести. Одарённый мальчик, глухой от рождения, растёт без отца, с мамой и сестрой Анютой, девочкой «с жирафьими глазами». У неё отец есть, но их общение носит формальный характер. Ситуация стандартная, кажущаяся многим именно по этой причине нормой. Но дети её такой не считают, они беспомощны в своей ничейности и испытывают смертельный для детской души дефицит любви. Это о них строчки из песни Виктора Цоя, которые, как заклинание, повторяет главный герой: «В наших глазах звёздная ночь, / В наших глазах потерянный рай... / В наших глазах закрытая дверь. / Что тебе нужно? Выбирай!» Они не находят любви даже у матери, которая не выдерживает непосильных нагрузок и выплёскивает свои эмоции в «Великом крике» на детей, который может длиться полтора часа, пока соседи (!) не пригрозят милицией.

Событийная канва повести, однако, не так важна, она исчерпана сотнями похожих сюжетов, мигрирующих в нашей и зарубежной детской литературе. За сюжетными поворотами скрыты толщи авторской мысли, существующей по поэтическим законам. В повести есть два метафорических образа, формирующих её поэтический строй, который существеннее, чем все сюжетные перипетии: разгневанное стадо бизонов, которые просыпались в маме Максима и Анюты во время «Великого крика», и спасающий дельфин – «морской ангел», который «тёмной радугой вырывался из густых волн, а под животом у него го-

рело жёлтое солнце». Мальчик со сверхтонким восприятием мира не хочет, чтобы в нём когда-нибудь проснулись такие же бизоны, он мечтает стать Спасателем, как дельфины, и инстинктивно (весьма религиозный ход мысли!) отделяет своё представление о матери от того страшного, что с ней происходит, ведь виновата не она, виноваты страшные бизоны, живущие в ней: «Бизоны выскакивали из Ма один за другим, наша квартирка уже разламывалась от их туш, они били во все стены копытами и рогами и при этом рычали без остановки».

Его глухота парадоксальным образом становится защитой от бушующих в матери страстей. В повести речь идёт, конечно, о глухоте иного рода, о душевной глухоте взрослых по отношению к детям с «огромным сердцем из тоненького стекла», которые мечтают не о подарках и не о поездках на море и в Индию, а о ласковом слове и понимающем взгляде. Не случайно на обложку книги вынесены слова: «Нам надо научиться разговаривать друг с другом!» Абстрактность представлений о любви, которая должна наличествовать у взрослых к своим и чужим детям (чего, к сожалению, часто не случается), заменена здесь библейской мудростью конкретного свойства – о силе произнесённого Слова, которое реально может уничтожить стену непонимания между кем бы то ни было. Слово, высказанное в разговоре, идущее от «я» к «ты» – вот выход из тупиков нелюбви.

Запечатлённый в повести немой диалог детей, которые хотят хотя бы «мыслью услышать ответ» на вопросы, задаваемые родителям, не остаётся в повести абсолютно однонаправленным. Ситуация выправляется, семья садится за общий стол, разговор начинается, но финал повести остаётся открытым. Максим наконец пишет сочинение-эпилог, которое предполагает варианты в трактовке финала. Вдохновлённый идеями русского философа Николая Фёдорова о всеобщем воскресении и восстановлении связей между родителями и детьми на основе понимания и любви, он пишет о футурологических предсказаниях религиозного мыслителя как об уже случившемся факте. При этом язык сочинения, адресованного нам из далёкого будущего, представляет собой изысканнейший образец русского лите-

ратурного языка фёдоровской эпохи: Максим как бы выносит за скобки весь XX век и последующие времена со всеми их гуманитарными катастрофами и возвращается к образу языка человеческого, гуманного, который один в состоянии сказать о главной мысли всей русской классической литературы и философии. Мысль эту сформулирует Чехов на исходе XIX века: «Прогресс возможен только в делах любви», – скажет главный герой рассказа «Моя жизнь», испытавший, как и Максим, трагедию непонимания между отцами и детьми.

Неожиданный обрыв сюжетной линии повести может навести на размышления и о счастливом конце рассказанной нам истории: ведь Максим, несомненно одарённый литературно, мог составить своё письмо как сочинение на тему «Моя семья» и отдать его наконец любимой учительнице Нинпалне. Финальная сцена повести даёт надежду на счастливый исход, но в то же мере можно предположить, что положительных перемен может не произойти. Тогда послание Максима, которому (вполне вероятно!) не жалко было бы расстаться с жизнью ради обретения гармонии и взаимопонимания с близкими, можно прочесть как посмертное письмо, пришедшее из другого, «фёдоровского» пространства. Письмо Максима настолько необычно по мысли и стилю изложения, что оно как удар током для читателя, которому не отвертеться – нужно подумать, напрячь мозг и сердце. Не это ли главная задача любого добротного многоадресного произведения литературы для детей и подростков, которое должно, по мысли Белинского, «развивать чувство любви» и «чувство бесконечного».

Именно в этом контексте нужно воспринимать обращение автора к философии Фёдорова, которое, на первый взгляд, может показаться несколько искусственным. В действительности оно задаёт высокую планку для читателя в проблеме выбора решения финала повести, поворачивает его сознание к сложному поиску и вместе с тем не нарушает границ поэтического пространства повествования, так как является ещё одной философской метафорой поисков любви в этом мире, хоть и вынесенных за рамки земной жизни.

Рассказы И. Краевой, включённые в книгу «Дети неба» и «Баба Яга пишет», отражают авторские поиски способов передачи средствами поэтической прозы идеи о всеобщей взаимосвязи человека с человеком, человека и природы, прошлого и настоящего с нашим будущим. Их герои существуют как система взаимоотражений друг друга: внука и деда в рассказе «Соловьиный сад», дочери и её родителей из маленькой повести «И попрыгать на воле», начинающих студентов Иры и Юры из идиллической «Сказки», Мити и его родителей из рассказа «У речки с золотыми мальками». Вот картина искомого гармонического состояния детского сознания и мира вокруг, нарисованная героиней рассказа «И попрыгать на воле»: «И опять я любила моих ненаглядных, сильных и добрых маму и папу и болталась у них поплавком на волнах их любящих рук. И зелёный шар подкинули коники в небо, он радостно реял Луной. И горела душа у деревьев, домов и собаки, у гвоздя, табуретки, цветка и фонтана – у каждого и у всех, на кого не взглянуть» [2, с. 111].

Смерть маленького лягушонка, самоубийство мальчишки, первой детской привязанности героини рассказа «И попрыгать на воле», болезнь дедушки («Соловьиный сад»), размолвка родителей («У речки с золотыми мальками») нарушают мирное равновесие и добрую связь между людьми и отзываются болью познания живой жизни в сознании маленького человека, но не являются конечным и итоговым знанием, а становятся ещё одной ступенькой для роста души и героев, и читателей прозы Ирины Краевой – как детей, так и их родителей. На её книгах можно обозначить только возраст юного читателя, далее – до бесконечности.

Написать сочинение – это нелегкая задача для многих школьников и их родителей. И превратить решение этой задачи в радость может хорошая книга, особенно если прочитать её с удовольствием. Писателю Ирине Краевой удастся самим содержанием своих повестей показать, как получить удовольствие от умения писать. Важно: что писать? Письма, свои размышления, сочинение о своей семье, воспоминания о детстве или выдуманные истории.

Настоятельно советуем взрослым поставить на книжную полку или положить под подушку своих детей три книги Ирины Краевой: «Баба Яга пишет», «Колямба, внук Одежды Петровны, и компания» и «Дети неба, или Во всем виноваты бизоны». А по вечерам не полениться и прочитать эти повести вместе со своими детьми или тайно на кухне, когда дети уже спят. Почему? Дело в том, что автору удается беседовать с читателем на самые злободневные темы нашей жизни искреннее, доверительно, правдиво.

И каждая повесть по-особому интересна и открывает новую «страницу» нашей жизни – человеческой, осмысленной, творческой, печальной и радостной, событийной и повседневной. Но не пустой, не скучной, не ленивой.

Ирина Краева – большая фантазерка, выдумщица, волшебница сюжетов. Ей особенно удаются названия своих книг, которые хочется прочитать, чтобы разгадать загадки автора: кто такая «Одежда Петровна», и кому пишет письма Баба Яга, и где живут «дети неба», и в чем «виноваты бизоны»? И наконец, почему в библиотеке и магазине её книги не сиротствуют на полках?

В повести «Колямба, внук Одежды Петровны, и компания» вы познакомитесь с бабушкой Надеждой Петровной, «женщиной светлого разума», и её внуком Колямбой. Их жизнь, полная приключений, весёлых событий, случайных происшествий и «радостей», включает череду воспоминаний детства, заколдует добрым юмором и светлым мироощущением, полным «чудес», если их замечать и ими восхищаться. Но самое интересное, что вам понравится дружить с героями повести и вслушиваться в их разговоры, в очарование вятской речи, прибаутки и приговорки, шутки и пословицы.

Современного читателя нужно удивить сюжетом, очаровать героем, убедить в судьбоносности мыслей автора, в правдивости его художественного замысла. Это удалось Ирине Краевой в повести «Баба Яга пишет», в этом повествовании о переписке бабушки, которая живет в Москве, с внуком, который живет в Америке, много интересного и для детей, и для взрослых. В письмах отражаются харак-

теры героев, жизнь семьи, прочно вписанная в течение истории, разные приоритеты воспитания, менталитет разных народов, у которых свои ценностные выборы и ответственные решения. Эта книга открывает новую страницу в теме детства – «переписка» сквозь границы и расстояния, время и разлуку. И если «Письмовник» Михаила Шишкина преодолел временные границы эпохи, то «письма Бабы Яги» преодолели межгосударственные границы и написаны «от сердца к сердцу».

Последняя из опубликованных повестей автора названа интригующе «Дети неба, или Во всем виноваты бизоны» (2018) и завораживает «тайной ремесла» «сочинять» художественную рефлексию главного героя – Максима, подростка, поборовшего свою глухоту, спасающего свою семью от разрушения силой своего характера, работой своей души, болью своего сердца! Совсем не хочется пересказывать сюжет, он вас затянет без усилий в глубь жизни, событий, трагедий и надежд. Вспомните слова А. П. Чехова: «Живешь в таком климате, того гляди, снег пойдет, а тут еще эти разговоры...». Вот и у Ирины Краевой время идет сквозь текст, включает силу воображения, искренность чувств и глубину размышлений читателей о своей семье: «Во мне идет дождь... сто тысяч капель падают и падают... Они могут падать миллион лет... **И ещё это сочинение писать...** Дурацкое сочинение само пишется в моей голове. Я ни о чем другом не могу думать, только о нас обо всех. Обстоятельства так сложились. Хотя я бы лучше подумал о чем-нибудь более радостном» [4, с. 11].

Парфразируя автора, можно сказать, что суть книги «насколько я понимаю, такова: всех людей, всё человечество связывают узы единой общей жизни. Если ты это принял душой, то не будешь завидовать, что кто-то сильнее, талантливее тебя, потому что этот кто-то и тебя делает сильнее и талантливее. А если кто-то страдает, то и ты принимаешь его боль как свою» [4, с. 165].

Нельзя не отметить работу художника Ани Леоновой, увлекающей своими иллюстрациями читателя в текст, в перечитывание, в

размышление, в разгадку знаков и символов, в поиск смыслов названия, в разговор о философии Федорова и «убунту».

Главная тема книг Ирины Краевой – это художественное исследование смыслов и путей человеческих отношений, семейных, родственных, душевных нитей, которые соединяют людей в одну семью, в компанию, в народ. «Святые семейные узы» – это тот опыт, что достался нам в исторической памяти поколений, что вычитали мы из книг, что стал или не стал нашим духовным и душевным достоянием. Поэтому так важно писать друг другу, разговаривать с родственниками, искать понимания, слушать и слышать, быть вместе. Установка на добросердечие, на прощение и понимание, на любовь и надежду – вот основа писательского дара автора.

Всем близким, друзьям и родным спешим подарить книги Ирины Краевой, чтобы они пришли в круг их семейного чтения и помогли их детям порадоваться способности писать сочинения и читать добрые умные книги.

Список литературы

1. Краева И. Чаепитие с пяткой : рассказы для детей. СПб. : ГРИФ, ДЕТГИЗ, 2011. 64 с.
2. Краева И. Баба Яга пишет. СПб. : Лимбус Пресс, 2014. 138 с.
3. Краева И. Колямба, внук Одежды Петровны. М. : РОСМЭН, 2014. 72 с.
4. Краева И. Дети неба, или Во всём виноваты бизоны : Сборник повестей и рассказов. М. : БерИнга, 2018. 288 с.

ГЛАВА 2. БИОГРАФИЧЕСКОЕ: ЖИВОЕ ДЕТСКОЕ ВОСПОМИНАНИЕ

УДК 821.161.1

В. А. Поздеев,

доктор филологических наук,
профессор кафедры русской и зарубежной литературы и методики
обучения, Вятский государственный университет, г. Киров
e-mail: slavapozd@yandex.ru

АВТОБИОГРАФИЧЕСКОЕ КАК РЕПРЕЗЕНТАЦИЯ ЖИЗНЕННЫХ ПОИСКОВ И СМЫСЛОВ (Н. ПЕРМИНОВА, Е. НАУМОВА, Г. КУСТЕНКО)

AUTOBIOGRAPHIC AS REPRESENTATION OF LIFE SEARCHES AND MEANINGS (N. PERMINOVA, E. NAUMOVA, G. KUSTENKO)

Аннотация. В статье рассматривается проза вятских поэтесс Н. Перминовой, Е. Наумовой, Г. Кустенко. В их повестях и рассказах основной сюжет связан с биографическими фактами жизни. Авторы по-своему раскрывают свое взросление, поиски смысла в жизни. В произведениях автобиографические элементы отражены не только в сюжете, в системе персонажей, но в некоторых формальных элементах. Так, Н. Перминова и Г. Кустенко используют форму повествования от первого лица, а Е. Наумова – от третьего. Автобиографизм в произведениях подчеркивается историко-бытовыми деталями, типами персонажей.

Ключевые слова: автобиографизм, вятская проза, литература для детей и подростков, Н. Перминова, Е. Наумова, Г. Кустенко, детали.

Abstract. The article discusses prose of the Vyatka poets N. Perminova, E. Naumova, G. Kustencko. In their stories and stories, the

main plot is connected with the biographical facts of life. The authors in their own way reveal their growing up, the search for meaning in life. In works, autobiographical elements are reflected not only in the plot, in the system of characters, but in some formal elements. So N. Perminova and G. Kustenکو use the narrative form in the first person, and E. Naumova – in the third. Autobiography in the works is emphasized by historical and everyday details, types of characters.

Keywords: autobiography, Vyatka prose, literature for children and adolescents, N. Perminova, E. Naumova, G. Kustenکو, details.

В современном литературоведении ученые пристально изучают мемуарную и автобиографическую прозу, так как это направление в какой-то мере стало преобладать в русской литературе. В детской литературе можно также выделить проблемы биографического и автобиографического начала. В современных прозаических произведениях для детей и подростков писатели часто обращаются к воспоминаниям своего детства, юности, такие аспекты создают некую документальность текстов. Как справедливо отмечала Л. Я. Гинзбург, «литература вымысла черпает свой материал из действительности, поглощая его художественной структурой; фактическая достоверность изображаемого, в частности происхождение из личного опыта писателя, становится эстетически безразличной (она, конечно, существенна для творческой истории произведения). Документальная же литература живет открытой соотнесенностью и борьбой двух этих начал» [3, с. 9].

В вятской прозе всегда присутствовало яркое автобиографическое начало. Писатели опирались в своих произведениях на опыт своей жизни, на свои биографические факты, поэтому во многих произведениях разных прозаических жанров можно увидеть автора-героя. Автобиографизм является для писателя одним из важнейших способов репрезентации жизненных поисков и смыслов.

В повести Н. И. Перминовой «Прощеное воскресенье» раскрывается нелегкая судьба семьи, которая волей исторических обстоя-

тельств вынуждена жить в чужой стране, Китае. Героиня-девочка, от лица которой ведется рассказ, вспоминает разные случаи. Как отмечает В. А. Поздеев, «Н. Перминова ищет новую форму своих произведений, которая бы дала возможности изобразить не только правду жизни, но уловить и запечатлеть, удержать облик прошлого. Автор отправляется в свое детство, искать те ключевые моменты жизни, которые позволяют остро почувствовать пережитое» [7, с. 7]. Автор вспоминает некоторые особенности устройства дома, внутренней обстановки. Н. Перминова каждый раз подчеркивает, что все, что вспомнилось, то «мое». «Наш дом крайний при въезде в город», «Многоликий и странный город мой сгрудился у реки...», «Мой Остров, моя охранная грамота детства, где выплаканы все боли от обид, зубами выдраны все занозы, где несколько раз примерялась ко мне косая, да твой зачерченный водами круг хранил меня лучше бабушкиных заговоров» [6, с. 214].

Осколки воспоминаний складываются в цельную картину разноцветного витража, озаренного светом грозных событий XX века. Каждый эпизод из прошлой жизни – это, казалось бы, отдельное воспоминание, которое можно развернуть в законченный рассказ и даже повесть, но череда этих эпизодов-событий в «Прощеном воскресенье» собирается и выстраивается по законам как документальности, так и художественности, создающим впечатление сосуществования читателя и автора.

«А я лежу в кровати и смотрю на лучи солнечного света, которые пробиваются в щели закрытых ставен.<...> Комната чистая, весной после того, как телят вывели на улицу, мама выставила вторые рамы, вновь побелила квартиру, на стены накатила трафареты – бледно-зеленые цветы, стол и тумбочку покрыла крахмальными кружевными салфетками. И кровать мы застилаем крахмальным покрывалом, а подушки – кружевной накидкой. Мама любит, чтобы было красиво. На полу у окон стоят кадки с большими растениями – розой, цветущей почти круглый год, и березкой – нежным высоким, в мелких листочках цветком. Мебель у нас случайная, подбитая, подлатан-

ная, но, как мне кажется, под кружевными салфетками изъязнов не видно. А салфетки эти мама очень любит, их она сама вышивала и вязала еще девушкой в том неведомом для меня времени, которое все называют “давно”. И мне странно, что мама может быть где-то там, в этом загадочном “давно” без меня, и то, что меня не было. Все было: и небо, и земля, и роща, и люди, а меня не было. Как же так? Эти мысли пронзают и озадачивают меня» [6, с. 225].

Соотношение документальности и вымысла в художественном произведении – проблема сложная, каждый писатель ее решает по-своему. У Н. Перминовой избирательность воспоминаний зависит всецело от того, насколько яркими по своему событийному сюжету были встречи с героями повествования, какой след оставили они в судьбе автора. «Я знаю, что Харбин – это большой город, намного больше нашего, и что там живут ученые люди. Ведь большинство учителей в школе “Подрощей”, где учится брат, приехали оттуда. И батюшка в церкви, которого, несмотря на молодой возраст, все уважительно зовут отец Владимир, и лысый мужчина в пенсне Спиркин, живущий со своей матерью среди развала книг (к нему я заходила с братом, который берет там книги почитать), учились в Харбине. Да и Петька Литвинцев, играющий на аккордеоне, тоже на зиму уезжает туда на учебу. И все мамины старания накопить сена, вырастить телят, как она говорит, для того, чтобы встать на ноги, когда способный к учебе брат закончит школу, то послать его, как хотел папа, учиться тоже туда, в Харбин...

Я силюсь, но не могу представить себе этот город, ведь я ничего иного, кроме своего, не видела. Но далекий Харбин кажется мне чем-то большим, светлым и наполненным необычайно красивыми вещами, как... наша барахолка. Ведь все, чем на ней торгуют, привозят именно оттуда, из Харбина, Шанхая, Пекина... Все, что блестело, шелестело, изумляло несколько лет, а то и десятилетий назад, оседает потом на узкой улочке в Старом городе, где глинобитные лавчонки притиснуты друг к другу вплотную и оттого вся улочка кажется одним длинным прилавком» [6, с. 263].

Маленькие и большие горести и радости героини перекликаются с историей эмигрантской семьи, а все это разворачивается на фоне исторических событий 1920–1950-х годов, о которых идут воспоминания взрослых, а также суровой действительности военного и послевоенного времени сороковых годов. Словно вскрылась старая рана: так болезненно обострены все чувства. Потому мысль читателя неотрывно следует за маленькой героиней в повести «Прощеное воскресенье». Автор умело вплетает в канву повествования наблюдения за бытом и нравами, обычаями разных народов, которые «сошлись» волей судеб в маньчжурском степном городке. Н. Перминова сохранила в памяти мельчайшие детали духовной и материальной культуры китайцев, монголов и русских эмигрантов. Однако эта повесть не из разряда «этнографических», хотя, наверное, можно много почерпнуть будущим историкам-этнографам, исследователям русской диаспоры. Повесть привлекает художественной цельностью, в ней все гармонично: сюжет, композиция, система персонажей, те незаметные приемы, которые автор использует для создания образов. Повесть наполнена живыми звуками и запахами и степи, и города, и дома, каждый персонаж имеет свой «голос», хотя мы знаем, что все это дается через восприятие маленькой девочки. «Все, что я узнаю каждый день и час в своей жизни, становится для меня дорогим и неотделимым. И это пространство перед глазами, раскинувшееся вокруг древнего погребального кургана, на котором я стою: сопки и перелески, жилища людей, птиц и зверья, уходящая в неведомое блестящая нитка реки, перекликающиеся с ней рельсы, зреющие на огородах арбузы и помидоры, везущие поклажу по дороге мулы и лошади, нагуливающие молоко на лугах коровы, за темным пунктиром моста живущий своей сложной жизнью многонародный город – все это мой близкий и понятный мир» [6, с. 350].

Особо звучащее авторское слово придает этим переживаниям значительный философский и социальный масштаб. Язык ее прозы – объемный, образный, украшенный народным говором. Автор в финале повести подводит к дням современным, как бы из прошлого видит

день грядущий: «Распадется, рассыплется, растеряется родная маньчжурская жизнь, но останется кровно и светло в сердце. Но все это и многое другое будет потом, потом...» [6, с. 351]. Повесть показывает, что художественное воплощение эмоциональных переживаний, жизненных перипетий автора, органично оттеняет документализм некоторых сюжетных мотивов, исторических событий.

Несколько иной вариант автобиографизма можно наблюдать в повести Е. Наумовой «Серая кошка на белом облаке». Он как бы скрыт от читателей формой повествования от третьего лица. Нарратор ведет свои «наблюдения» от рождения до взросления героини повести Марины. Е. О. Галицких пишет о повести: «Сюжет повести раскрывает “биографию писателя в контексте времени”, он перелистывает страницы жизни девочки, девушки, женщины, которая становится не просто взрослой, но поэтессой, творческой личностью. И рассказ о рождении поэтической души, “талантливой и чуткой”, и оказывается очень интересным, завораживающим и правдивым. Повесть держит внимание читателя не только динамикой сюжета, быстрой сменой событий, калейдоскопом характеров, разнообразием встреч, но и постоянным ощущением скрытого повествования о душевной жизни героини, присутствием чего-то высокого, таинственного, волшебного, что в жизни называется творчеством. Главная героиня Марина Лосева не только взрослеет на наших глазах, но и обретает духовную самостоятельность, житейскую стойкость, способность быть нравственно ответственной за свои решения и поступки» [2, с. 18]. Е. Наумова в повести основной упор делает на становлении героини как поэта, раскрывая ее «биографию». Для этого автор вводит те стихи, которые ее героиня сочиняет в соответствующих ситуациях. Такие «вставки» видятся как автобиографические вехи.

Помимо автобиографических «знаков» в повести ярко представлены детали времени. Как писал Ежи Фарино, «предметы и явления окружающего нас мира попадают в мир художественного произведения как носители тех или иных смыслов, тех или иных качеств и свойств, т. е. как манифестации определенных моделирующих кате-

горий. Само собой разумеется, что большинство предметов и явлений обладают не одним смыслом или свойством, а несколькими или многими одновременно. Поэтому критерий (смысл, свойство) упоминаемого в произведении явления или предмета может быть установлен лишь в сопоставлении с рядом других явлений или предметов, которые обладают этим же смыслом или свойством, или же прямо противоположным. По этой причине предмет или явление – всегда элемент более крупной единицы (парадигмы или системы)» [8, с. 279]. Так автор говорит о джинсовом костюме, который ей продала знакомая: «Джинсы только-только стали появляться в городе, и обладатель этого бесценного прикида был носителем последнего писка моды». Героиня дополняла свои прежние костюмы самодельными элементами, как это делали многие в то время, однако «все ее самодельные заклёпки, широкие клёши и даже солдатский ремень вмиг потускнели перед настоящей джинсовой фирмой» [5, с. 276].

В сюжете переплетаются и жизненные неудачи, и поэтические (творческие) удачи героини. В повести очень много таких описаний, деталей, которые отразили веяния времени. Жизнь Марины в общезнании показана со всей правдивостью, с жесткими приметамии того времени: «...в комнате был полный разгром – “бычки в томате”, пустые бутылки и грязь, грязь, грязь...» [5, с. 316]. Автор пытается показать детали, которые уже ушли из современной жизни, но которые милы памяти автора. Анализ системы художественных деталей позволяет выделить смыслообразующие доминанты в авторской характеристике реальности и в раскрытии внутреннего мира персонажей.

В повести Е. Наумовой поселок и город, в которых происходят действия, видятся как особые «живые организмы», выстроенные в соответствии с историческими, культурными и окружающими природными реалиями. Подробные реалии жизни 1950–1990-х годов писатель старается «оживить» соответственными характерами. В повести представлены многие персонажи, которые стали типами в послевоенной жизни: инвалиды, простые рабочие, одинокие женщины с детьми, детдомовцы, сироты, студенты.

Г. Кустенко в «Послесловии» к сборнику «Когда мы были маленькими. Из жизни юной Милы Самариной. Когда мы стали взрослыми» пишет, что «некоторые из этих текстов автобиографичны и отражают реальные события из детства автора. Героиня других, чьи школьные годы также пришлись на небогатое, но счастливое мирное время второго послевоенного десятилетия, является вымышленным персонажем» [4, с. 70].

Как отмечала Н. Д. Богатырева, «по жанру сборник рассказов Г. А. Кустенко “Когда мы были маленькими. Из жизни юной Милы Самариной. Когда мы стали взрослыми” – мемуарно-автобиографическая проза, привлекающая искренностью и взволнованностью исповедальной интонации. Однако у этой интонации есть и другое необычайно ценное свойство, позволяющее ей не скатываться в сентиментальность и мелодраматизм» [1, с. 202].

Поэтому автобиографический нарратив является важной формой придания рассказам Г. Кустенко значимости для ее творчества. Автобиографический дискурс в рассказах выступает не просто как форма самовыражения, но и как способ осознания и понимания себя. В книге три «раздела»-цикла: «Когда мы были маленькими», «Из жизни юной Милы Самариной», «Когда мы стали взрослыми». В названиях Г. Кустенко подчеркивает течение времени от раннего детства к юности и взрослой жизни.

В рассказе «Первое стихотворение» автор сразу говорит о том, что этот эпизод помнит из детства (ей ещё не исполнилось пяти лет). Вероятно, автор выхватывает из памяти самые яркие, запоминающиеся события. И первым событием является придумывание стихотворения. Использование рассказа от первого лица придает повествованию «документальность», но в то же время подчеркивает, что автор это вспоминает через много лет, поэтому читатели воспринимают это как некое откровение. Конечно, надо сделать поправку на возраст писателя, так как нельзя воспроизвести все в точности, однако для этого служит художественное воплощение памятных событий.

Детали в рассказах Г. Кустенко также являются «знаками» времени. В рассказе «Пианино» мама героини считала, что «каждый ребенок в раннем детстве обязательно должен носить матроску» [4, с. 11]. Или в рассказе «Здравия желаю, товарищ капитан!» есть очень интересная деталь: родители снимали жилье, а в большом немецком чемодане устроили постель для новорожденной девочки [4, с. 21]. В этом же рассказе автор, вспоминая о летней лагерной жизни, приводит уже давно забытый обычай пионерской лагерной жизни: выкладывать из мха и шишек новую дату – «новый счастливый и безоблачный грядущий день» [4, с. 25].

Г. Кустенко раскрывает через личностный опыт школьной жизни взаимоотношения с родителями, с учителями, с одноклассниками, что показывает личность в определенной временной перспективе. В рассказе «Хозяйка Медной горы» Г. Кустенко раскрыла еще одно школьное событие, ставшее повсеместно традиционным в то время, – карнавал на новогоднем празднике, а также игра в «почту». Костюмы создавались из самых различных материалов, так, героиня рассказа предстает в виде Хозяйки Медной горы.

На наш взгляд, рассказы – это способ самосотворения образа девочки-школьницы, на которую автор смотрит уже с вершины прожитых лет. В книге писатель «конструирует» самого себя и собственную жизнь как некий текст (иногда вводит вымышленные или, точнее сказать, неточные сведения о себе, которые должны «высветить» те или иные качества). Г. Кустенко использует различные сюжетные ходы, приемы, воссоздавая эмоциональное напряжение, которое испытывали герои в разные периоды жизни. В рассказе «Выпускной бал» автор уже спешит на выпускной вечер внука и получает «изысканный и оригинальный комплимент»: «Надо же... да ты сама как внучка» [4, с. 68]. Трогательно передано автором психологическое состояние героини в переломные моменты роста и взросления её души, от бесшабашного, лихого, беззаботного детства («Здравия желаю, товарищ капитан!», «Первый учитель») до порой амбициозной, но чаще трепетной и беззащитной юности («Хозяйка Медной горы», «4-я и 6-я»).

Однако это не создание литературной автобиографии – это скорее оценка прожитого и соотнесение с теми ценными воспоминаниями, которые остались навсегда в памяти.

Для читателей в этих книгах интересны экскурсии в историю своей жизни, своего поселка, города, Родины. Автобиографизм повестей и рассказов – это не только художественный прием, но попытка на «примере» своей биографии или каких-либо биографических событий показать общие закономерности жизни простых людей. Героини этих книг – девочки, девушки, женщины, у каждой своя судьба, свои удачи и неудачи, своя боль и радость, но можно сказать, что всех их объединяет любовь к поэзии. Авторы этих книг стали известными вятскими поэтессами, но автобиографические книги раскрывают их талант как создателей прозаических произведений.

Список литературы

1. Богатырева Н. Д. О книге рассказов Галины Александровны Кустенко «Когда мы были маленькими...» (Киров, 2015) // Кустенко Г. География красок : стихи и проза. Киров, 2018. С. 202–203.
2. Галицких Е. О. «Цветок папоротника». Избранное жизнью // Наумова Е. С. Цветок папоротника. Киров : О-Краткое, 2009. С. 5–20.
3. Гинзбург Л. О психологической прозе. 2-е изд. Л. : Худож. лит., 1977. 448 с.
4. Кустенко Г. Когда мы были маленькими. Из жизни юной Милы Самариной. Когда мы стали взрослыми. Киров : ИД «Герценка», 2015. 72 с.
5. Наумова Е. С. Цветок папоротника. Киров : О-Краткое, 2009. 400 с.
6. Перминова Н. И. Прощеное воскресенье // Перминова Надежда. Рассказы. Новеллы. Эссе. Повесть. Киров, 2003. 352 с.
7. Поздеев В. А. Такой нам выпал век // Перминова Надежда. Рассказы. Новеллы. Эссе. Повесть. Киров, 2003. С. 7–10.
8. Фарино Е. Введение в литературоведение : учеб. пособие. СПб. : Изд-во РГПУ им. А. И. Герцена, 2004. 639 с.

Л. У. Звонарёва,

доктор исторических наук, профессор Института мировых цивилизаций, секретарь Союза писателей Москвы, главный редактор журнала «Литературные знакомства», лауреат всероссийских и международных премий, действительный член РАЕН и ПАНИ, г. Москва
e-mail: lzvonareva@mail.ru

Л. С. Кудрявцева,

арт-критик, член секции искусствоведения Московского союза художников, заслуженный работник культуры России, лауреат всероссийских премий («Просвещение через книгу», «Книжный червь»), г. Москва

ДЕТСТВО АЛЕКСАНДРА АЛЕКСЕЕВА: ИЗ КОНСТАНТИНОПОЛЯ В ГАТЧИНУ

CHILDHOOD OF ALEXANDER ALEKSEEV: FROM CONSTANTINOPLE TO GATCHINA

Аннотация. Статья рассказывает о детских годах знаменитого художника и аниматора Александра Алексеева, проведённых в Стамбуле и Гатчине и подаривших ему уникальные впечатления, отразившиеся в известных сегодня всему миру иллюстрациях к русской и мировой классике и мультфильмам, вошедшим в список лучших анимационных лент XX века. Навсегда раненный безвременной кончиной любимого отца, полковника генерального штаба, служившего в русском посольстве в Стамбуле, будущий художник запомнит его внезапный уход как одно из главных трагических событий своего счастливого безмятежного детства.

Ключевые слова: Александр Алексеев, иллюстративные сюиты, игольчатый экран, потерянный рай детства.

Abstract. The article tells about the childhood years spent in Istanbul and Gatchina by the famous artist and animator Alexander Alekseev, who gave him unique impressions reflected in his illustrations of Russian and world classics and cartoons, which are now known around the world, included in the list of the best animated films of the 20th century. Forever

wounded by the untimely death of his beloved father, a Colonel of the General staff who served in the Russian Embassy in Istanbul, the future artist will remember his sudden departure as one of the main tragic events of his happy and serene childhood.

Keywords: Alexander Alekseev, illustrative suites, needle screen, lost Paradise of childhood.

Знаменитый русский художник и аниматор, с иллюстративными сюитами которого сегодня переиздаётся русская и европейская классика в Петербурге, Москве, Оренбурге, Париже, автор игольчатого экрана, который стал всемирно известным изобретением, и анимационных шедевров, вошедших в число лучших мультфильмов XX века, Александр Александрович Алексеев (1901–1982, Париж) родился в России, в Казани.

Документы, хранящиеся в российских архивах (да и другие отечественные источники), открывали нам по крохам подлинную биографию Алексеева, его отца, матери и других ближайших родственников, многочисленные факты их жизни, о которых сам художник часто не ведал. В Российском государственном военно-историческом архиве хранится «Дополнительный список пенсионеру, которому назначена пенсия из военной эмеритальной кассы по ведомству Лифляндской казённой палаты» от 8 ноября 1906 года. Под «пенсионером» подразумевалась мать художника Мария Никандровна Алексеева, а «эмеритальная касса» (от латинского слова эмеритаус, то есть «отслуживший своё время») означала страховую кассу, обеспечивавшую семьи военных и других служащих пенсиями и пособиями, эмеритурой. Со слов М. Н. Алексеевой здесь засвидетельствовано, что Александр родился 5 апреля 1901 года (18-го по новому стилю).

С женой и тремя малолетними сыновьями (младший из них и родился в Казани, а два других – в Петербурге во время его учёбы в Академии генерального штаба) – подполковник Генерального штаба А. П. Алексеев 11 декабря 1904 года прибыл в русское посольство в Константинополе, где ему предоставили белоснежную трёхэтажную

виллу над Босфором. Нашему герою было в то время 3 года и 8 месяцев (в воспоминаниях он назовёт себя двухлетним). В конце 1906 года семья навсегда покинет Босфор. Но эти два года станут отдельной главой в парижских зрелых воспоминаниях художника, и он назовёт то место и ту жизнь «раем». «Раем» названа и первая глава записок «Забвение, или Сожаление» с подзаголовком «Воспоминания петербургского кадета», коими мы и воспользовались.

Как известно, Л. Н. Толстой определил расстояние от появления на свет до пяти лет как «страшно огромное», измерив всю остальную человеческую жизнь, какой бы она ни была долгой, одним шагом. Наш современник, писатель Владимир Бутромеев, создатель новой русской прозы, незаурядный мыслитель и стилист, в романе «Исчисление времени» (2016), вслед за Толстым, поразился на своём примере, как велико детство, какое же невероятно большое расстояние от новорождённого до пятилетнего.

Первое младенческое, самого раннего периода пятилетней жизни впечатление Алексева: он видит себя «на деревенской улице, вдали – деревянные, бревенчатые дома, а точнее, один дом, полностью обрамлённый листвой» (приверженность к чёрно-белой графике без ярких красок станет одной из примет его творчества). В полтора-два года, по мнению Алексева, второе воспоминание: «Я – в коляске, которая катится вперёд по лугу, а перед нами появляются горизонтальные деревянные перегородки, покрашенные белым и чёрным, а также красным, по диагонали» [1, с. 345]. Это глаз художника. Это Казань. Возможно, военный городок.

Что же дала ребёнку жизнь в пригородной Терапии над сияющим голубизной Босфором под боком у экзотического Константинополя? Что навсегда врезалось в память, посчиталось важным для его представления о «рае», которое всегда – детство?

Алексеев даст этому счастливому мальчику имя Альфеони – понравившегося ему героя текста «Бал у Альфеони» (его написал бельгийский художник-сюрреалист Поль Дельво под впечатлением от артистического вечера в парижской алексеевской студии, где был разы-

гран сюрреалистический перформанс с участием друзей). Всего два года, а какой огромной, насыщенной впечатлениями видится эта детская жизнь в преклонные годы! Она и казалась ему намного протяжённее этих двух лет (тут он ещё и ошибался в сроках).

Сад. «...Камни в саду, упавшие в саду каштаны с длинными иглами, которые могут раскалываться и в этот момент являть прекрасную белую чашу с красивым плодом внутри; ветки, большие и очень лёгкие мёртвые стрекозы...» [1, с. 346] Он всё это назовёт предметами, вещами. В том числе оловянных солдатиков английского производства. Их можно было попробовать на вкус, они имели и какой-то особый опьяняющий запах. Он пока в них играет, рисовать будет чуть позднее.

Мальчик умел наблюдать за «живыми существами». То были мухи, бабочки, ящерицы, за которыми он никак не мог угнаться, и даже скорпионы, маленькие и, как говорили взрослые, очень опасные, ядовитые. После упоминания «вещей, существ и животных» – чёрной собачки Арапки и осликов – он называет «человеческие существа». Непонятные, незнакомые люди, которые иногда появлялись в их доме – «все большие, властные, сильные». Тайн вообще было очень много. Они жили в особом, изолированном мире за высокими стенами – поскольку «тот, бесконечный» мир «был непредсказуем, он мог быть враждебным, он мог быть опасным» [1, с. 347]: это был, по словам окружающих Александра, «турецкий мир». В «тот» мир они ездили вместе с матерью. С каким художественным вкусом описана им пряная экзотика Востока! Это уже не первые младенческие воспоминания, а впечатления пятилетнего, подросткового. Как и об играх в индейцев с братьями Владимиром и Николаем, детских развлечениях и проказах. И даже о первой тайной «любви» к уже взрослой девочке Лене Майковой, внучке поэта Аполлона Майкова, чей сын был первым переводчиком посольства.

Они играли в крокет. Его мячи «регулярно отбивались, чёрт знает куда, безжалостным каблуком Лены, которая каждый раз, когда представлялась возможность “выбить” соперника, находила во мне

идеальную жертву» [1, с. 348]. Тут он впервые отмечает в себе черту, которая впоследствии разовьётся. Он не терпит поражений, ущемления самолюбия. Влюблённый мальчишка от волнения растянулся посреди аллеи на виду у барышень и издал вопль, «в котором не было ничего героического». А он хотел быть в их глазах только победителем. Так он испытал «первое поражение в своей жизни» [1, с. 349], заметит семидесятилетний художник.

Тогда-то и происходило рождение художника. Читаем в записках под названием «Альфеони глазами Алексеева»: «Альфеони было четыре года, когда Старый Моряк построил ему корабль на террасе, выходящей на Босфор. Корабельные бока были бревенчатые, а днище – земляное (это был собственно пол террасы). Альфеони принялся грести, и оттого, что корабль, как вкопанный стоял на месте, ему пришлось стать исследователем. Простыми линиями он начал рисовать корабли, скользившие по проливам, – один за другим. Потом – одну за другой – зубчатые башни Румели-Хиссар» [2, с. 115], средневековой крепости, выложенной из серого камня и ставшей достопримечательностью Стамбула. Потом (тоже простыми линиями) – воинов, осаждавших крепость, – одного за другим. «И так Альфеони развивал вкус к повтору» [2, с. 116]. И добавим: вкус к простым линиям. Они не раз будут встречаться в его иллюстрациях и даже в анимационных лентах, как и повторы. Следует обратить внимание на одно алексеевское высказывание о свете, идущем с небес (художник назвал его «божественным светом»): он «позволил мне познать Константинополь и научил меня думать». Не отсюда ли идёт понятие «рая»? Но увидим ли мы этот «рай», «божественный свет» в графике Алексеева, или его затмят иные, земные, картины?..

Вот его словесный автопортрет того, «райского» времени: «Я только что научился говорить. Разумеется, я говорил по-французски (у детей были французские гувернантки, “мадемуазель”, вначале Жозефина, потом Эстер, выписанные из Франции. Европейцы в Турции общались на французском. – Л. З., Л. К.). Я был блондином, у меня были вьющиеся волосы, я носил платье (тогда – поясняет

автор французским слушателям по радио, где вначале он читал воспоминания, – “маленькие мальчики моего возраста ещё носили платья”). На мне была маленькая шляпа из белой пикейной ткани с пуговкой наверху. Я был совершенно счастлив. В этом мире я чувствовал себя очень удобно. Я впитывал тень листвы и тепло пробивающихся солнечных лучей. Я внимал звукам, но особенно вкушал запахи и ароматы» [1, с. 350]. «Райский» ребёнок.

С тем же литературным мастерством, с тем же художественным восприятием реального мира он опишет детские впечатления от Босфора, в которых проявятся и черты его характера. «Босфор, расстилавшийся перед домом, был похож на огромного зверя, огромную рептилию, огромную плоть от расплавленного свинца, вздрагивающую и будоражащую поверхность воды, отнюдь не ровной, а бугристой, подобно рептилии, под гладкой кожей которой постоянно шевелятся мышцы. Эта рептилия в миг “утекала” на глазах у ребёнка, выходящего на балкон; вилла была снабжена балконом, опирающимся на две белые колонны, воспоминания о которых меня и сегодня переполняют гордостью» [1, с. 351]. Главными в этом очаровывавшем ребёнка мире, а «любое детство волшебно», по собственному его выражению, были мать и отец. Мать рядом чаще отца. С нею он ездил на греческом фиакре в город и в посольство, по дороге совершая прогулку на пароходе, любясь башнями Румели-Хиссар и другими константинопольскими редкостями. С нею гулял, и во время этих получасовых прогулок по набережной вдоль Босфора каждый раз около трёх часов дня вдвоём, она требовала, чтобы он говорил только по-русски, и со строгим лицом не отвечала ему, если он забывался – ему легче было говорить по-французски, когда рассказывал ей свои сны. Ей, здороваясь, целовал руку по утрам. Он запомнил её в белом пеньюаре с кружевами, держащей в руках «томик в жёлтой обложке». Ему почему-то казалось: мать «большую часть дня проводила в комнате на втором этаже в пеньюаре и с жёлтым томиком в руке». Может быть, так оно и было. Во всяком случае, видеть её хотелось чаще. Это

он запомнил. Она всегда казалась ему светской дамой. Назвал её «королевой» [1, с. 351].

Матушка будущего художника Мария Никандровна была дочерью провинциального священника протоиерея Никандра Николаевича Полидорова, похвально служившего в Вознесенской церкви и столь же ревностно – в разных церковных учреждениях в Оренбурге, а потом, с 1894 года – в Казани. Отец отличался деспотическим нравом и к концу жизни спился, оставив дочери в наследство лишь икону в позолоченной раме.

Благоговейное отношение Алексеева к матери, как он сам впоследствии отметит, отразится на его отношении к женщинам. Если мать – «королева» его детского пространства, то отец – «король». Отец появляется то в чёрном цилиндре и чёрном сюртуке, то – в феске. «Порой он превращался в военного: тёмно-зелёная форма, плечи украшены очень жёсткими эполетами, которые больно кололи меня, когда я прижимался к их золотой бахrome» [1, с. 353]. Отец редко бывал дома, иногда отсутствовал неделями. А дома к нему приходили люди в фесках, называли «эффенди», что «было почётным обращением к начальнику». Они «приносили разные сведения, в которых он нуждался» [1, с. 354]. Рядом с отцом всегда было счастье. «Я сижу на левом плече отца, моя правая рука запущена в его волосы. Его эполет царапает мне попу. Но я горд тем, что сижу рядом с его головой и возвышаюсь надо всеми» [1, с. 355]. Это он купил детям осликов, один из них – серый с белым животом, самый крупный, и достался младшему, Александру. Он учился на нём кататься, как и его братья.

О братьях он вспоминает с благодарностью и любовью. В детстве они вместе, как упоминалось, играли в индейцев, по утрам занимались гимнастикой у шведской стенки под приглядом гувернантки, постигали тайны руин и подземных ходов в их саду. Все трое рисовали. В характере старшего брата Владимира было «что-то мрачное и решительное» [1, с. 356]. Учился он в Первом кадетском корпусе блестяще – «его имя было выгравировано золотыми буквами на мраморной доске» [1, с. 356]. Александр считал Владимира «полным совер-

шенством» [1, с. 357]. Тот отказался от карьеры военного, отчего лишился крупной денежной премии, чем страшно огорчил бедствующую мать, зарабатывающую уроками музыки. Он остался жить в Петербурге, где поступил учиться в Институт гражданских инженеров (Мария Никандровна просила денежной помощи, чтобы оплачивать его учёбу), подхватил «дурную», венерическую, болезнь, оскорблённая мать не смогла ему этого простить, и позднее... покончил с собой. Трагическая кончина любимого человека не пройдёт бесследно для мироощущения Александра. Брат Николай, Кока, коллекционировал минералы, заводил канареек, рисовал, играл на фортепьяно, увлёкся небом, повесил карту звёздного неба в гостиной, построил телескоп и в мае 1910 году наблюдал в него за кометой Галлея. Александр «испытывал к Коке чувство глубокого уважения, искренней нежности и болезненной жалости» [1, с. 368]: брат был почти глухой после перенесённой скарлатины. Николай мечтал стать астрономом, но погиб в годы Гражданской войны неизвестно где.

...И вдруг в посольском доме разбилось зеркало. Отцовское зеркало. «А ведь русские верят, – пояснял Алексеев радиослушателям, – что разбитое зеркало предрекает скорую смерть тому, кто обычно в него смотрит» [1, с. 358].

Встреча со смертью – самое трагическое и непонятное в человеческой жизни. Смерть предстала перед ним, ребёнком, в чёрном цвете. Ему было пять лет и пять месяцев. «Появилась мать без лица. Оно было покрыто чёрной вуалью. Мама была вся чёрная... Потом мы все оказались в маленькой угловой гостиной; нас было семеро или девятеро. Был священник, певший грустные песни. Мама с чёрным лицом, держа белый платок рукою в чёрной перчатке, плакала. Я ухватился за её свободную руку, и меня называли сиротой» [1, с. 358]. Детство кончилось. Но образ «потерянного рая» с ним останется навсегда. Память об отце, образ отца, смерть отца в метафорическом выражении пройдут через всё его творчество. Он с детства знал, что отец умер в Германии и был «похоронен там прежде, чем мать смогла туда добраться» [1, с. 358]. Это единственное верное свидетельство.

Алексеев написал, что «лишь позже узнал об этом», уточнив: отец умер «от внезапной болезни» [1, с. 358].

Неожиданно овдовев, Мария Никандровна остаётся без средств к существованию. Пенсия ей не полагается, так как муж скончался, не дослужив положенного срока. Она обращается за помощью в Министерство иностранных дел, в Генеральный штаб, наконец, ещё находясь в Константинополе, видимо, по чьему-то совету пишет самому императору. Небольшую пенсию после длительных хлопот она получает.

Отъезд в Россию на пароходе «Николай Первый» Алексеев назовёт «изгнанием из рая». В Одессе, куда приходит пароход, они останавливаются у дяди Миши, младшего брата отца, полковника. Мальчика отталкивает отсутствие цивилизации: «В доме не имелось ни канализации, ни сливного механизма, а место для раздумий было из дерева с большими дырами, в которые я боялся упасть. Это был мой первый ужас перед невидимым и неизвестным» [1, с. 359]. Дядя Миша видит в племяннике будущего военного и воспитание берёт в свои руки. После небольшой мальчишеской провинности (Александр укусил старшего брата за руку – тот не пускал его в дверь на веранду) у него требуют просить прощения, он упрямо твердит «не буду», и тогда ему говорит, очевидно, вспыльчивый дядя: «Если ты не попросишь прощения, то будешь выпорот денщиком». «Я не буду просить прощения». Что же было дальше? Алексеев пишет: «...даже вспоминать об этом не хочу... и моё сопротивление было сломлено» [1, с. 359]. Он, очевидно, попросил прощения, но не сразу, это стало сильным ударом по его болезненному самолюбию. Он запомнил унижение на всю жизнь. В детстве над Босфором никто так не посягал на его детскую свободу, хотя воспитание было строгим. «Однажды утром денщик своими сильными и добрыми руками осторожно меня поднял, посадил в седло и прокатил вдоль забора. Это было единственное счастливое воспоминание, которое осталось у меня от Одессы» [1, с. 360]. То были «мрачные месяцы» [1, с. 360] его жизни. Мария Никандровна, не сторонница столь жёсткой армейской муштры,

увещевает деверя: дети ещё малы для военной дисциплины, но это будет уже в Риге, куда скоро они переедут все вместе, – Михаил Павлович, видимо, получил новое назначение. Не ведал племянник, что бравый полковник артиллерии дядя Миша, имевший, как и его отец, блестящее военное образование, прошедший огни и воды, в Первой мировой войне станет генерал-майором, удостоится орденов и высочайшего благоволения «За отлично-усердную службу и труды, понесённые во время военных действий». А после 1917 года будет мобилизован в Рабоче-крестьянскую красную армию, в мирное время станет начальником Школы красных коммунаров. В 1931 году осуждён на 10 лет исправительно-трудовых лагерей по делу «Весна» и, вероятно, расстрелян (дело «Весна» – это репрессии в отношении офицеров Красной армии, служивших ранее в русской императорской армии, в том числе бывших белых офицеров, организованные в 1930–1931 годах органами ОГПУ).

Мария Никандровна ещё в Риге продолжала носить глубокий траур: «...чёрную вуаль открывала только во время еды, никуда не ездила и никого не принимала» [1, с. 360]. Через год она сменила чёрное платье на фиолетовое. Дядя Миша стал мягче, и дети даже поговаривали, хорошо бы, чтобы они поженились. Но вдовец дядя Миша готовился к другой свадьбе. А вдова с детьми стала готовиться к отъезду в Гатчину. Семилетний Алёша-Александр в Риге впервые попал в кино и увидел: из проекционной кабины, от проектора, спрятанного за стеной, так объясняла детям немецкая гувернантка Паулина, идёт изображение на экран. И не только серая улица была на нём, но шёл сильный дождь, бегали люди, «дрыгали ногами», словом, двигались. Он углядел «стеклянную трубку, приделанную к стене, длинной с карандаш, но потолще... Я заключил, что трубка посылает изображение, как мы сами пускали солнечных зайцев. Хотя, перепутав следствие с причиной, я всё-таки предугадал эффект широкого экрана... в термометре» [1, с. 362]. Так родился в нём будущий киноизобретатель, автор известного сегодня всему киномиру «игольчатого экрана» [4].

1908-й – год, когда он окажется впервые в Петербурге у какого-то родственника матери, жившего в самой неприглядной части столицы государства Российского. Он не увидит того пленительно загадочного города, проникновенно воспетого Пушкиным («полночных стран краса и диво») и Блоком, Ахматовой и Мандельштамом, да и другими поэтами и художниками. И нам, простым смертным, до сих пор кружащего голову. Почему-то назовёт его «официальным». А увидит «Санкт-Петербург Достоевского», как объяснял впоследствии французам. Этот город «громоздился на каналах с застоявшейся водой и грязных речушках, окружавших кварталы и строения фантастические, закопчённые, редко – живописные и никогда не мытые» [1, с. 362]. Согласитесь, это впечатления и слова взрослого, никак не ребёнка. Взрослым он и вспомнит этот унылый неприглядный Петербург в иллюстрациях к «Запискам из подполья» Достоевского и «Носу» Гоголя. Пока они поселяются в Гатчине. Выбор этого небольшого городка под Петербургом не случаен: муж сестры отца Анны командовал сторожевой казачьей сотней находившегося там гарнизона. Родня. Без помощи не оставит. Выбор оказался удачен. Ни много – ни мало, на Всемирной выставке в Париже в 1900 году Гатчина признана самым благоустроенным из малых городов России. При Александре III, постоянно жившем в Павловском дворце, здесь проведены водопровод, канализация, построена электростанция. Появилось уличное электрическое освещение. Первое в Российской империи. Железная дорога построена ещё в середине XIX века. До границы Петербурга – всего восемь километров. В нашем представлении Гатчина – это резиденция русских императоров, как Петергоф, Павловск, как Царское Село, куда мы ездим на поглядение редкостных по красоте парков и царских дворцов. А. Куприн, поселившийся в Гатчине надолго в 1911 году, назвал его в очерке «Сирень» «самым прелестным уголком около Петербурга» [3].

Романтическая местность Гатчины подходила для игры воображения восприимчивого мальчика. В пустом императорском дворце он воображал сказочные балы. Флотилия экзотических кораблей, вы-

ставленных в павильонах, двигалась на ночные карнавалы. Рыцари Мальтийского ордена являлись засвидетельствовать почтение безумному императору Павлу I, их великому магистру. Его призрак их всё ещё ждал в маленьком Приоратском замке, построенном на берегу озера, он уверен, ради подобных таинственных церемоний. Его вообще окружали тайны. Одна была особенной, потрясшей и оставившей заметный след в его творчестве и в его мироощущении. Это явление чёрного кота в его комнате поздно вечером почти при полной темноте. Кота, которого у них не было. Он «запрыгнул на мою кровать и, перелетев через меня, исчез между кроватью и стеной» [1, с. 363]. Мальчик знал: этот простенок так узок, кот никак не мог в нём исчезнуть. Он закричал от ужаса. После этого, признался художник, видение дьявола подстерегает его всякий раз, когда он остаётся один в темноте. Пусть позднее стало известно: в комнату ворвался кот их хозяйки мадам Макмиш, но это уже не имело никакого значения. Темнота продолжала его всегда пугать дьявольской мистикой. Удивительно, как в этом, ещё ребёнке уже сильны переживания контрастов темноты и света, которые станут основообразующими для его графической стилистики. Её нервом. «Зимой свет был ярче, чем летом. Снег его отражал, и я рассматривал на потолке перевёрнутые движения веерообразных теней прохожих и саней» [1, с. 364]. Спустя годы он также будет разглядывать тени от деревьев на стеклянном потолке своей парижской студии...

Настоящий мир грёз ему открывали книги. Книги, книги... К девяти годам он свободно говорил на трёх языках – французском, русском и немецком, выученных на слух. Читал. Любимыми были сказки Андерсена, его заморозившие. Он почитывал их вечерами вслух на кухне, если оставался один, неграмотной прислуге Агнелле. Ну и, конечно, – всё мальчишеское чтение переводной приключенческой литературы. Мать тоже любила читать им вслух. В рождественскую ночь у ёлки, по-русски убранной золотыми и серебряными звёздами и гирляндами, они слушали, грызя орешки, «Вечера на хуторе близ Диканьки» Гоголя: «За окнами – в украинской ночи – чёрт во

фраке выкрадывал луну» [1, с. 365]. В библиотеку с изрядной прочитанной стопкой книг ходил каждые два дня, благо она неподалёку, но он срезал дорогу по диагонали, чтобы дойти быстрее «в рай иллюзий». «Все грёзы» хранил каталог детских книг, начинавшийся со слов «Де Амичис – Альпы». Запомнил он и хозяина этого волшебного места: «...бородатый человек в сапогах и толстовке. Он стоял за пюпитром, окаймлённым крохотной деревянной балюстрадой» [1, с. 366]. Она напоминала развитому не по годам фантазёру «бельведер для лилипутов». Потом, также в Гатчине, увлечётся гончаровским «Фрегатом “Палладой”», путешествие от Кронштадта до Японских островов будет стоять у него перед глазами, пока он не увидит Японию воочию...

Они жили на улице Ксениинская, дом 12, квартира 5, как указала Мария Никандровна в одном из прошений о пенсии в 1910 году в Главное управление Генерального штаба. (В адресной книге «Весь Петербург» за эти годы дом числится под номером 10, как установили гатчинские краеведы.) Дом находился неподалёку от угла улиц Елизаветинской и Александровской (ныне Достоевского и Володарского). Теперь Ксениинская (Ксенией звали родную сестру последнего императора) названа по имени космонавта Леонова. Гатчинцы гордятся Алексеевым, оказавшимся столь знатным жителем.

Мария Никандровна вела достаточно замкнутый образ жизни – Александр Александрович не упоминает даже Куприна, который жил неподалёку, на Елизаветинской, в деревянном «зелёном домике», им покрашенном в этот цвет, а писатель был «очень популярным среди местных жителей... Почему-то на этой небольшой, тихой улице Гатчины любили селиться люди известные и знаменитые: только за период 1890–1916 годов здесь жили 6 генералов, адмирал, 6 поэтов и писателей, 2 композитора, 2 архитектора, 2 артиста, 3 учёных, 2 доктора медицины», – читаем у местного краеведа Владислава Кислова [5, с. 40].

Алексеев с любовью описывает их семейный быт, образ жизни – в центре неизменно мать. В их квартирке из трёх комнат она занима-

ла половину первого этажа старого трёхэтажного деревянного дома, была библиотека с произведениями русских классиков и словарями восточных языков, ещё отцовская, вывезенная из Турции. Для детских книг был отведён небольшой шкаф. В гостиной висел портрет отца, на который Алексеев в мемуарах посмотрел сюрреалистическим взглядом художника: «Овальное лицо – гладкое, как яйцо. Причёска и усы – безукоризненны» [1, с. 367]. Напротив стояло материнское пианино, уцелевшее от аукционных торгов в Константинополе. Над ним – отцовские акварельные копии двух морских пейзажей и «Боевого герольда» Мейсонье, французского художника-реалиста 2-й половины XIX века. Полковнику-разведчику был дан талант художника. Сын пошёл в него. Но и влияние матери, её ежедневные вечерние музыкальные часы не прошли бесследно, уже не говоря о том, что у будущего художника развился безукоризненный слух. Мария Никандровна предпочитала исполнять Бетховена или Шопена (особенное впечатление на него производили его похоронные марши), а он просил ещё «Соловья» Алябьева – и «уплывал в сон под музыку» [1, с. 366].

Он помнил про мать всё, любые подробности, мелочи – вплоть до убранства туалетного стола с её «личными серебряными предметами»: «...щётки, расчёски, ножницы и, самое главное, щипцы для завивки волос на спиртовке – культовые реликвии цивилизованного мира, привезённые из Терапии» [1, с. 368]. Упоминается и венецианское зеркало, «накрытое, как икона, белой кружевной накидкой» [1, с. 368]. Основное же заключалось в том, что он, «глядя на мамино отражение в таком обрамлении» [1, с. 369], вспоминал её в белых константинопольских пеньюарах своего детства. Для него «эта квартирка была настоящим дивом» [1, с. 369]. Теперь мать выглядела иначе. Через три года после кончины мужа закончился её полутраур с фиолетовым цветом и отказом от светской жизни. Но непреклонное выражение лица сохранялось, как оставались незыблемыми представления о строгих моральных правилах. К ним со второго этажа приходила француженка-гувернантка с русским именем-отчеством Александра

Викторовна. Мама в пенсне с ниспадающей чёрной лентой (такой мы видим её на единственном, гатчинском фото) и мадемуазель в шляпе, с ридикюлем и в неизменных перчатках усаживались друг против друга с прямыми спинами и симметрично сведёнными коленями – «уголок Запада, островок культуры и хороших манер» [1, с. 369]. Оценим остроту взгляда и чувство юмора девятилетнего мальчишки. Иногда они все поднимались наверх, и мадемуазель вместе с двумя воспитанницами обучала их бальным танцам под материнский аккомпанемент. Встав в первую позицию, она учила делать па-шасси, шассе-круазе. Потом начинались падеспань, падеграс, падепатинёр. За окном текла иная, провинциальная русская жизнь. Александр охотно с ней знакомился со свойственным ему любопытством ко всему новому.

Торговцы со своим товаром, ремесленники-мастеровые с точильными и прочими инструментами проходили мимо их окон, издавая характерные призывные звуки. Типы были удивительными. Утром к ближайшему собору плелись нищие. Днём татарин-старьёвщик в засаленном халате монотонно кричал: «Тряпка, тряпка! Беру старый тряпка!» [1, с. 368] Торговцы несли на головах корзинки с разной снедью. Другие в вёдрах с водой, подвешенных на коромыслах, разносили живую рыбу. Плотники шли с пилами, стекольщик – со стёклами в ящике, легко стоящим его на плече, зимой – лесорубы с колунами. Он заслушивался издаваемыми ими разнообразными звуками. Особенно замечательным казался звук лудильщика-цыгана. Застенчивые финны с булочками и молочными продуктами, появлялись и безмолвно улыбающиеся разносчики-китайцы, каким-то образом добравшиеся пешком от Великой Стены. А как было не вспомнить русскую экзотику – бродячий цирк с цыганом и его ручным медведем да ещё и трёхмесячным добродушным медвежонком. Несмотря на кажущуюся монотонность повседневности, скучать мальчику было некогда.

Именно в Гатчине в восемь-девять лет почувствовал он призвание художника. Ещё в Константинополе рисовал простым каранда-

шом «схематично» эскадры, всадников на лошадях, скачущих галопом, их помогали изображать оловянные английские солдатики. Но они, как и другие игрушки, при отъезде из Турции были розданы, «чтобы не увеличивать багаж и стоимость проезда» [1, с. 370] (мебель для этого продали с торгов). А в Гатчине от крестной он получил знаменитых оловянных нюрнбергских солдатиков. Устраиваемые им подвижные театральные мизансцены маневров или парадов из плоских профильных воинских фигурок и предрешили его «призвание рисовальщика» [1, с. 362]. Он объяснял: любовь к солдатикам ещё в константинопольское время возникла у него не от воинственного характера. «Мне нравилась их форма, серийная повторяемость одних и тех же полихромных фигурок, отмечаемая время от времени вариацией на ту же тему: барабанщик, офицер или знаменосец...» [1, с. 363]

Появление крестной в их семье он посчитает самым счастливым событием гатчинского детства не только из-за судьбоносного подарка. Благодаря этой маленькой энергичной женщине, овдовевшей, как и его мать, поэтому всегда в простом чёрном платье, но с золотой брошью, подарком мужа, он понял: человеку дана свобода и нельзя её подавлять. Подруга Марии Никандровны, она и крестила мальчика в Казани. Вновь они встретились в Гатчине. «Крестная отличалась широтой взглядов, терпимостью и любопытством ко всему новому» [1, с. 368]. Сыновьям она предоставила полную свободу действий, несмотря на протесты возмущённых хозяев и даже изгнание их из квартиры. Однажды старший сын устроил настоящий фейерверк в снятой ими под Гатчиной избе. А одна квартира даже горела – он забил её порохом, пироксилином и бикфордовыми шнурами. В результате всех этих опытов «дети крестной построили моноплан на полозьях, который мог взлетать с поверхности рояля быстрее, чем биплан братьев Райт со своей площадки» [1, с. 368]. По субботам семьи ездили на аэродром, находившийся под Гатчиной (местной гордости), смотреть на тренировочные полёты. Двенадцатилетний Владимир уже учился в петербургском Первом кадетском корпусе, Николай – в гатчинском реальном училище, и Мария Никандровна могла уделять

младшему сыну всё внимание. Что она неукоснительно и делала. Он находился под особым её присмотром – родился слабым, болезненным, и мать долго боялась его потерять. Она читала вслух ему и Николаю, как он помнит, французские книги «Тартарен из Тараскона», сказки графини де Сегюр и «Путешествие двух детей по Франции», вышедшее под псевдонимом Ж. Брюно, а на самом деле принадлежавшее перу жены философа Фулье. Эту книгу, во французских школах выдержавшую 260 переизданий, в Петербурге издатель С. А. Манштейн выпустил на французском языке в сокращённом варианте в 1912 и 1913 годах. Познавательная переводная книжка перекликалась с судьбами братьев Алексеевых: её герои, два маленьких брата, после внезапной трагической смерти отца возвращаются на родину, чтобы поселиться у дяди: оформляя многочисленные документы, они с матушкой несколько раз на корабле и железной дороге пересекают всю Францию. Мария Никандровна также готовила Александра по античной и священной истории (с её «непонятными и мрачными легендами» [1, с. 368], как он выразится) к вступительным экзаменам в кадетский корпус. Иного пути для него не было.

Матушка долго хлопотала об устройстве его за казённый счёт. И во все эти унижительные походы по петербургским канцеляриям брала с собой, вероятно, для убедительности бедственного положения. «Вижу её идущую твёрдым шагом по петербургскому асфальту, одетую в строгий фиолетовый костюм. Левая рука, согнута в локте, держит ридикюль, словно ружейный приклад. Свободной рукой она подчёркивает шаг» [1, с. 370]. Он увидит и запомнит даже прямое перо на шляпе, похожей на кивер: «...конфликт женской хрупкости с ролью главы семейства причинял мне боль» [1, с. 370]. Всё его сердечное внимание посвящено в воспоминаниях матери, жившей бедно, но с большим достоинством. Любопытно «Свидетельство» гатчинского полицмейстера от 23 сентября 1913 года: вдова полковника Алексева «имущества, кроме необходимого носильного платья и квартирной обстановки, другого никакого не имеет; ни в чём предосудительном замечена не была; в материальном отношении не богата

и нуждается». У сына было чувство – мама приносила себя детям в жертву, чтобы они могли учиться, расти и достойно жить. Заботы, тревоги матери, которые он наблюдал, сыграют важную роль в его душевной жизни. «Этот смысл, который я в семь лет (тут он ошибается, был постарше. – Л. З., Л. К.) придавал маминым хлопотам, преследовал меня всю жизнь и определил глубокие чувства к матери и вообще ко всем женщинам» [1, с. 371].

Лирически-ностальгические строки прирождённого художника, умеющего рисовать словом незабываемые картины русского детства, наполняют воспоминания – единственное, что свяжет его с родиной. Вместе с ним мы погружаемся в то далёкое, что неизменно зовётся Россией: «Лютая русская зима заканчивается внезапно с появлением кренделей в форме птиц, которых называют “жаворонками”, потому что они объявляют таяние снега. Белая ватная тишина пропускает сквозь себя журчание ручейков, отмеряемое каплейю... Показывается солнце; его приветствует щебетанье тысячи крохотных птиц, облепивших крыши, звон колокольчиков на санях в Вербное воскресенье, а неделю спустя пасхальных колоколов» [1, с. 369].

Список литературы

1. Алексеев А. А. Забвение, или Сожаление. Воспоминания петербургского кадета // Киноведческие записки. 2002. № 57. С. 345–371.
2. Алексеев А. А. Альфеони глазами Алексеева // Материалы XIX Московского международного кинофестиваля. М. : Музей кино, июль 1995. С. 114–120.
3. Цит. по: Куприна К. В зелёном домике отца // Гатчинская правда. 1962. 12 сент. С. 4.
4. Изволов Н. Пленник четвёртого измерения // Конструктор мерцающих форм. Книжная графика Александра Алексеева из собрания Бориса Фридмана. СПб. : ВиТА НОВА, 2011. С. 110–121.
5. Кислов В. А. Соборная улица. Записки краеведа. СПб., 2010.

Н. Ю. Русова,
доктор педагогических наук, профессор,
г. Нижний Новгород
e-mail: n.rusova@list.ru, a.rusov@mail.ru

МОИ ПЕРВЫЕ КНИЖКИ

MY FIRST BOOKS

Аннотация. Работа представляет собой отражение первых литературных впечатления автора, которые являются главой воспоминаний «Книги, годы, жизнь: история советского читателя».

Ключевые слова: литературные впечатления, детские книги, 1951–1959.

Abstract. The work is a reflection of the author's first literary impressions, which are the head of the memoirs "Books, years, life: the history of the Soviet reader".

Keywords: literary impressions, children's books, 1951–1959.

Хочу поделиться с педагогическим сообществом первыми «литературными впечатлениями», выпавшими на 1951–1959 годы, – главой из моих воспоминаний «Книги, годы, жизнь: история советского читателя».

Первое отчётливо запомнившееся литературное произведение – «Сказка о глупом мышонке» С. Маршака. Её мне читал отец множество раз – и я, трёхлетняя, неуклонно заливалась слезами после его протяжного:

*Прибежала мышка-мать,
Поглядела на кровать –
Ищет глупого мышонка,
А мышонка не видать.*

И тем не менее просьбы прочитать эту сказку возобновлялись снова и снова. Почему? Причём, как теперь вспоминается, горячее сочувствие вызывал не мышонок, так глупо поплатившийся за свои

нескончаемые капризы, а мышка-мать. Так старалась угодить сыночку, так старалась! И в итоге – пустая кроватка.

Думаю, что именно тогда пришло первое ощущение непоправимости совершившегося, сострадание выдуманному герою заставило соприкоснуться с трагичностью бытия. Кстати, если не ошибаюсь, это 1951 год – не самое весёлое время и для страны, и для нашей семьи (маминому отцу после отбывания десятилетнего срока в Ухтпечорлаге по 58-й статье, ещё запрещено проживание в Горьком, и он практически в ссылке – на Дальнем Востоке, в семье младшей дочери. Мама моя из-за репрессированного отца вынуждена уйти с работы вузовского преподавателя на должность завуча).

Следующее отчётливое «книжное» воспоминание – номер детского журнала «Мурзилка», посвящённый смерти Сталина. Март 1953 года, я уже умею читать, и для меня выписали «Мурзилку», с которой я обращаюсь вполне самостоятельно. Помню траурное чёрно-красное оформление обложки и первые строки открывающего журнальчик стихотворения:

*Не поют, не смеются дети,
Не шалят, не глядят в окно.
Даже солнце будто не светит,
Так на сердце у всех темно...*

Ну и, конечно, портрет Сталина в траурных лентах. Первое смутное ощущение противоречия: в книжке – одно настроение, а дома, у всех домашних – другое. Понятно, что в семье двух «детей врагов народа» (папин отец тоже был репрессирован, но отделался двумя годами тюрьмы в 1938–39 гг.) смерть Сталина не оплакивали.

Первый эпос в моей читательской жизни – «Золотой ключик, или Приключения Буратино» А. Н. Толстого. До четырёх лет я просила читать мне «Буратино» снова и снова, потом без конца перечитывала – уже самостоятельно. Почему же так полюбился именно этот текст? Главное, пожалуй, заключалось в индивидуальности и неоднозначности характеров всех персонажей. Ведь нечто симпатичное было даже в лисе Алисе, даже в Дуремаре. В сущности, и Карабас-

Барабас нарисован не полностью чёрной краской, а где юмористические чёрточки (борода, которую можно обмотать вокруг дерева, финальная лужа под дождём), там и неосознаваемое сочувствие к персонажу. Почему-то больше всего негатива выпадало на долю Пьеро. Нытьё я презирала с тех пор, как себя помню. Это подкреплялось и постоянным маминым «Не ной!» в ответ на мои жалобы (правда, редкие и скоро совсем исчезнувшие) на всевозможные трудности детского существования.

В Буратино же я была просто влюблена! Обаяние независимости и активного действия – к этим человеческим качествам я питаю непреодолимую слабость до сегодня.

И наконец, «Золотой ключик» впервые позволил мне осваивать и осознавать жизнь в её разнообразной протяжённости, ощутить прелесть прихотливого сюжета, притяжение интриги, ждущей разрешения. Почему-то интрига в русских сказках, которые я тоже очень любила и хорошо знала, была лишена непредсказуемости – сказочное действие катилось по хорошо и заранее известным рельсам.

К моим пяти годам все родственники и друзья знали, что для Наташи книжка – лучший подарок. Прекрасно помню, как во время моего осеннего гостевания у родственников в Ветлуге в том же 1953 году одна из моих любимых тёток подарила мне «Ёлку в Сокольниках» А. Кононова (кстати, тёткин отец был расстрелян в годы ежовщины...). «Ёлка» тоже из первых книг, прочитанных самостоятельно. Замечательные иллюстрации Н. Жукова запечатлели «лучистую улыбку» Ильича, весело подкидывающего вверх малышку около ёлки. Так началось долголетнее постижение Ленина, преклонение перед которым постыдно долго не покидало меня – вплоть до того, что в 1970-е годы я обзавелась пятитомником воспоминаний о нём, на редкость унылых и безликих. Да, обрабатывали нас умело. Чего стоят темы курсовых работ, которые мы с моим однокурсником писали в первый университетский год, весной 1967 года: я – «Ленин о литературе», он – «Ленин и Горький». Уже тогда мне хватило соображения понять, что Владимир Ильич никакой не филолог (отталкивало, хотя

и чем-то привлекало его панибратски-покровительственное отношение к моему кумиру – Льву Толстому, настораживал примитивизм литературных вкусов), и я добросовестно вчитывалась в «Философские тетради», пытаюсь отыскать там некие путеводные нити для понимания солженицынского «Ивана Денисовича», который в нашем доме занимал одно из почётнейших мест...

На 50-летие Октябрьской революции (1967 г.) мы с моим любимым двоюродным братом отправились в Питер (Ленинград). Ленинградские демонстранты несли – среди множества плакатного официоза – несколько нестандартных ленинских изображений, в том числе известную фотографию с рукой, поднятой к козырьку кепки. «Владимир Ильич приветствует...» – сказала пожилая женщина подруге, сказала тепло, искренне и, конечно, без малейшей иронии.

Да, очень долго развеивался мрак этого морока, трудно копилась крупицы подлинного знания подлинной истории.

До сих пор помню сюжет и пафос «Голубого винтика» А. Донченко (1955 г.), прочитанного ещё до школы. Дошколятам из детского садика устраивают экскурсию на тракторный завод – из-за детских споров, кто из их родителей главнее для изготовления тракторов. Мама главной героини, Софийки, ввинчивает на конвейере последний по счёту винтик, но без него трактор не двинется с места. Девчушка торжествует: вот какой важный винтик вкладывает в трактор мама!

Ну почему доньне помнится эта, в сущности не самая умелая прививка тоталитарного сознания? Неужели уже тогда в детском подсознании таился протест – люди (я, мама, папа, бабуся, дедушка) вовсе не винтики? И смешно гордиться таким «винтичным» причастием? Нет, конечно. А вот помнится до сих пор, помнится со стыдом и жалостью. Уже на склоне лет я буду рассказывать своим студентам об этих детских впечатлениях, и аудитория затихнет и задумается.

Я росла в гуманитарной семье: отец – психолог, мама – филолог. Неудивительно, что Пушкин сопровождал меня буквально с младенчества, тем более что мамина кандидатская диссертация была посвя-

щена его романтическим поэмам. Сказки Пушкина для меня в три-четыре года ещё не имели авторства, сливаясь с общим «сказочным» потоком. Но вот в последнее дошкольное лето в лесу на Свято-озере (где наша семья, вместе с семью-восемью другими, проводила отпуск в палатках – и эти отпуска стали одними из драгоценнейших жизненных впечатлений) мама, в ответ на мои нескончаемые просьбы «что-нибудь рассказать», говорит: «Ну хорошо, хочешь, расскажу тебе о дяде и тёте, которые любили друг друга?» И читает мне «Онегина» в отрывках – с письмом Татьяны, с дуэлью, с письмом Онегина, с финальным объяснением. Своё потрясение помню до сих пор. К тому же читала мать изумительно, лучшего чтения я в своей жизни не слышала. Когда мы вернулись в город, я потребовала себе «Онегина» полностью. И прочитала взахлёб. Больше всего подействовала, конечно, волшебная красота и лёгкость стиха. И – Татьяна. Лет шесть после этого (до 12 лет) она моя любимая героиня. Я кинулась тогда и к биографии Пушкина (помнится, у нас был синий томик Н. Л. Бродского 1937 года издания). То, что его жизнь, в сущности, прекрасное произведение искусства, видимо, интуитивно ощущалось, потому что перечитывала я эту биографию (написанную вовсе не детским языком) снова и снова. Классе в восьмом отец принесёт мне из библиотеки пединститута вересаевскую эпопею «Пушкин в жизни» – и Боже мой, до чего величественной и в то же время близкой казалась его фигура!

А когда я училась в четвёртом классе (1958 г.), мама ведёт меня в кино – вышел фильм «Евгений Онегин» по опере Чайковского. Чайковский, конечно, сразил наповал, вплоть до того, что я пыталась перед домашними разыгрывать сцену с няней...

Мама, кстати, сначала посмотрела фильм без меня, и как я помню её восторженные восклицания: «Наташка, какая Татьяна! Какой Ленский!» Живая непосредственность эмоционального отклика – вот что пленяло в ней прежде всего...

Так вот, «Онегин». Он со мной до сих пор, знаю его чуть ли не наизусть. В детстве домашние смеялись над моей влюблённостью в Татьяну, особенно иронизировал над этим «романтизмом» брат, ко-

того я безуспешно старалась заразить и портретом, и письмом, и благородством пушкинской героини. Но вот классе в шестом до меня стала доходить ирония Пушкина, его бесстрашие в изображении пошлости и трагизма жизни – и брат начал прислушиваться ко мне:

*Она езжала по работам,
Солила на зиму грибы,
Вела расходы, брила лбы...*

и т. д., и т. п.

А потом, потом... В юности я всей кровью почувствую, что нет лучшего изображения всепоглощающей страсти, как в письме Онегина:

*Нет, поминутно видеть вас,
Повсюду следовать за вами,
Улыбку уст, движение глаз
Ловить влюблёнными глазами...
Это гениальное «глаз – глазами»...*

Да, много, много было моих «открытий» в этом неувядаемом, волшебном, бездонном тексте. А сейчас... Сколько мужества мне придаёт последняя строфа:

*Блажен, кто праздник жизни рано
Оставил, не допив до дна
Бокала полного вина,
Кто не дочёл её романа
И вдруг умел расстаться с ним,
Как я с Онегиным моим.*

Моё детство – это послевоенные годы, 1948–1955. Отец не только прошёл Великую Отечественную «от звонка до звонка», но и участвовал в «освобождении» Прибалтики (был в армии с 1939 года). Многочисленные военные герои и книги о них сопровождали меня до 1960-х годов. И почему-то ничто так не запало в детскую душу, как скромный томик в бумажной обложке цвета хаки: Е. Н. Кошечкина «Повесть о сыне». Почти сразу же я прочла «Молодую гвардию»

А. Фадеева, но эмоционального потрясения практически не последовало. Записки Елены Николаевны покоряли безыскусственностью, не подчёркнутым, не надрывным, но тем сильнее хватающим за сердце материнским горем, гордостью за такжданного и любимого единственного сына. До сих пор помню строчку оттуда (жаль, книжка затерялась): «Мой сын, которому не было и 16 лет, лежал передо мной седой...»

Конечно, было преклонение перед подвигом, было тайное допрашивание себя: «А я смогу?» Но запомнилось мне и первое в жизни сопоставление книги и похожей действительности, «лично знакомой и известной». Дело в том, что растила меня лет до восьми Кока – старшая сводная сестра бабушки; Кока очень меня любила. Но жизнь её сложилась трагически: рано овдовев, всю любовь и надежды она отдала единственному сыну Коле. И когда он пропал без вести в первый же год войны, Кока не выдержала – начала пить. К моим семи-восьми годам жить в нашей семье ей стало не по силам, и она ушла «на квартиру», где вскоре и умерла. Помню, как она, пьяненькая, подходила к каменным воротам в наш двор и подзывала меня «поговорить». Я подходила, но пьяных я страшно боялась, и свидания эти были мучительными.

В разговорах с мамой я, как могла, защищала Коку, и однажды мама, не выдержав, бросила: «А помнишь Елену Николаевну? Какого сына потеряла! Но ведь не доходила до такого...» Только довольно долгое время спустя я нашлась, что ответить. Горе Е. Н. Кошевой было «на миру», сын ушёл признанным героем, её, как могли, поддерживали все – и официально, и неофициально.

Да, «Молодая гвардия»... И роман Фадеева, очень популярный, кстати, входивший в школьную программу, – его не просто читали, его герои были любимыми для множества моих сверстников: для кого – Олег (как для моей ближайшей студенческой подруги), для кого – Серёжка Тюленин, для кого – Уля Громова. Позже, много позже откроются светлые и тёмные тайны краснодонского подполья, я буду

увлечённо и взволнованно отыскивать разные подробности, но святость этих подростков для меня очевидна и незыблема до сих пор.

Русские народные сказки (и не только русские) были моим постоянным чтением класса до четвёртого, да и позже я их с удовольствием перечитывала. Многие сборники помню на глаз, на ощупь, на запах... Трудно сформулировать причины этого пристрастия, тем более что и «взрослого» чтения в эти годы было предостаточно. Особенно привлекали сказки волшебные, насыщенные приключениями, «неведомым и невиданным». Нравилось разнообразие сюжетных узоров, вышитых по единой канве, но всякий раз по-разному, гармоничное сочетание нарратива и языка, психотерапевтический эффект благополучной развязки, и главное, пожалуй, нравились характеры центральных персонажей – Ивана-дурака, Василисы Премудрой, Бабы-яги. Формировались первые представления о противоречиях национального характера: внешнее может (чуть ли не должно!) противоречить внутреннему, придурковатость оборачиваться красотой и удальством, лень и растяпистость – способностью к подвигу и упорством, женщина может (и должна!) быть умнее и сильнее мужчины, стать его опорой и надеждой...

Как ни странно, первые школьные годы не принесли значимых перемен в круге моего чтения, наверное, потому, что он и так был достаточно велик и расширялся по другим причинам. Разве только упомянуть довольно стойкое, с третьего по пятый класс, увлечение астрономией? Ему способствовало постоянное посещение детской библиотеки, которая располагалась рядом с нашим домом, на соседней улице, и куда я, конечно, ходила самостоятельно. Помещение её и лица приветливых библиотекарей помню до сих пор. Они никогда не ленились поговорить с ребёнком, искренне (дети это чувствуют всегда) поинтересоваться его мнением о прочитанном, посоветовать новую книгу. Я перечитала всё, что там было «астрономического», и не фантастику, а научно-популярную литературу. Отчётливо помнится увлекательнейшее «Солнечное вещество» М. Бронштейна – и как отзовутся эти детские впечатления, когда уже в 2000-е годы я прочитаю

трагический «Прочерк» Л. К. Чуковской о своём расстрелянном муже.

Одним из аппетитнейших кусков моего книжного пирога оказались романы Ж. Верна: «Дети капитана Гранта», «20 тысяч лье под водой», «Таинственный остров». Впервые открылась огромность мира (я даже рисовала на глобусе маршрут экспедиции Гленарвана) и реальные подробности постоянной битвы за существование. Кроме того, до кончиков пальцев проникало редкое удовольствие «делания», которым пропитан «Таинственный остров» – пожалуй, одно из лучших пособий для воспитания радостного трудолюбия. Помню ещё чувство счастливого удовлетворения: оказывается, плохих людей в мире очень мало – по пальцам пересчитать.

Обычный круг детского чтения: сказки, путешествия, научпоп. В четвёртом классе подошла очередь детективов: подружка дала прочитать «Собаку Баскервилей». До сих пор считаю повесть Конан Дойля «лучшим детективом всех времён и народов». Она да ещё несколько позже за одну ночь проглоченный «Лунный камень» У. Коллинза на всю жизнь прививают мне страсть к мастерски написанным историям розыска, и уже в зрелом возрасте я от души соглашусь с восклицанием Ахматовой: «Ночь с детективом – это прекрасно!» Лучшего средства разрядки, интеллектуального отдыха, отвлечения от мелких бед и неприятностей просто не знаю (крупные бедствия – другая статья). Вот только детективы обязательно должны быть «со знаком качества» – с увлекательной и нестандартной интригой, аппетитными подробностями, живым, ярким и ненавязчивым языком. С первыми прочитанными детективами мне повезло, я получила пожизненное противоядие для отторжения низкопробного чтива, какой бы закрученной ни была соответствующая интрига, и все советские истории «про майора Пронина» и кэгебешников с усталыми добрыми глазами равнодушно пропускались.

Нет, если автору удаётся вылепить привлекательного и узнаваемого главного героя и создать пусть не особо правдоподобный, но уютный мир сыщицкого розыска – такие вещи читать можно. До сих

пор отдаю должное Аркадию Адамову, Александре Марининой, Полине Дашковой. Но это, пожалуй, и всё. Зарубежные детективы, которыми полны современные прилавки, отталкивают количеством усилий, которые необходимо приложить для вживания в незнакомую и чужую действительность: тем самым теряется главная функция этой литературы – функция отдыха.

Как появлялся вкус к литературе реалистической, моделирующей мир в тех событиях, портретах и подробностях, которые позволяют соотнести с книжными страницами себя, близких, окружающее? Из опыта детского (до одиннадцати лет) чтения вспоминаются романы Г. Мало «Без семьи» и В. Каверина «Два капитана». Всё-таки без увлекательного сюжета детская книга состояться не может, а от обоих романов оторваться просто невозможно. Сочувствие и сопереживание обездоленному Реми (главному герою Мало) запомнились ещё Марине Цветаевой (см. «Мать и музыка»), а обаяние действия во имя страны, которым пропитаны страницы каверинского текста, живо в сердце до сих пор. Каверин доныне один из самых любимых мною советских писателей – думаю, из-за юношеской чистоты его души, которую он сумел сохранить незапятнанной. Строгая и пылкая страстность его моральных оценок заставляет меня вновь и вновь перечитывать мемуарные «Освещённые окна» и «Эпилог». Полное сдержанного трагизма повествование о судьбе любимого старшего брата, замечательного медика и биолога Л. Зильбера, отбывшего срок в сталинских лагерях, сжимает горло. Очень люблю повесть «Перед зеркалом» о художнице Лизе Тураевой; на мой взгляд, мало в нашей литературе такого проникновенного постижения творческой женской души и её неукротимого стремления сохранить себя живой и действующей...

Дальше началось отрочество – и следующая глава читательской биографии.

Н. А. Баженова,
заслуженный учитель РФ,
лауреат литературной премии им. В. Н. Патрушева,
автор книг «Без корней деревья не растут...» (2015),
«Жизнь вятских священников» (2019)
e-mail: bazhenovana@ya.ru.

**ГЛАВЫ О ДЕТСТВЕ ИЗ КНИГИ Н. А. БАЖЕНОВОЙ
«БЕЗ КОРНЕЙ ДЕРЕВЬЯ НЕ РАСТУТ...»**

**CHAPTERS ABOUT CHILDHOOD FROM THE BOOK
BY N. A. BAZHENOVA
"TREES DON'T GROW WITHOUT ROOTS...»**

Аннотация. Книга «Без корней деревья не растут...» написана в жанре историко-литературной родословной. Она продолжила, с одной стороны, лучшие традиции русских семейных хроник, с другой – заняла пустующую нишу: до сих пор почти не было художественных произведений о жизни провинциального духовенства, образованного и высоконравственного. В заключительных главах автору удалось добиться гуманистического звучания всего повествования.

Ключевые слова: ценности детства, семейные традиции, времена года, развлечения детей, радости и впечатления, живопись, творчество.

Abstract. The book " Trees don't grow without roots... " is written in the genre of historical and literary pedigree. It continued, on the one hand, the best traditions of Russian family Chronicles, on the other-occupied an empty niche: until now, there were almost no artistic works about the life of the provincial clergy, educated and highly moral. In the final chapters, the author managed to achieve a humanistic sound of the entire story.

Keywords: childhood values, family traditions, seasons, children's entertainment, joys and impressions, painting, creativity.

Запомни лучшее из детства.

Н. А. Баженова

Современные подростки представляют послевоенное детство как череду сплошных серых будней, страшных лишений, безрадостных событий, где нет привычных сегодня вещей: телефонов, компьютеров и даже телевизоров.

Я как раз отношусь к детям, чьи отцы и матери выжили в самой страшной мировой войне. О судьбе своих родителей, о бабушках и дедушках я написала книгу «Без корней дерева не растут...». Есть в ней и страницы, посвящённые моему детству, которое пришлось на 50-е годы прошлого века и которое, на мой взгляд, вовсе не было жестоким, убогим или нищим. Моё детство было счастливым. И если было бы возможно, я бы вернулась в прошлое. В прошлое без дорогих игрушек и гаджетов, без заграничных поездок и экстремальных развлечений. Эти вещи просто не были заложены в шкалу ценностей того времени, поэтому мы не обращали внимание на бытовые трудности, на нехватку чего-либо. Зато было безграничное счастье мирной жизни, которым были пронизаны все отношения между людьми.

Своей родиной, конечно, считаю Вятскую землю, откуда родом мама и все её деды и прадеды, где я окончила Кировскую школу № 46 и пединститут, где встретила своего мужа Виктора Баженова, с которым мы вместе уже 50 прекрасных лет, где всю жизнь с огромным желанием работала учителем. Но всё же детство моё связано с Сибирью, там, в небольшом шахтёрском городке Салаире, я родилась и прожила 14 лет.

Во многих фильмах о 50-х годах жизнь изображают удивительно мрачной и унылой: одежда у всех только серо-чёрная, коммуналки и склоки, нищета. Ничего подобного я не видела. Мы всегда жили в квартирах со всеми удобствами, ванной в том числе. Коммуналок в городе вообще не было – были общежития. Наша чудесная учительница рисования, захотевшая после окончания Ленинградской академии художеств окунуться в романтику Сибири, приехала в наш город

и жила в общежитии рядом со школой. Мы часто приходили к ней в гости послушать музыку, посмотреть альбомы о художниках. Комната была светлая, чистая, уютная.

Все учителя у нас были настоящие профессионалы. И модницы! Женщины послевоенного времени ничем не отличались от сегодняшних: выписывали журналы мод, хвастались новыми (яркими!) нарядами. У своей мамы, Маргариты Рафаиловны Киселёвой, не помню ни одного мрачного платья. И детей наряжали. В 1-й класс меня собирали, как Наташу Ростову на первый бал: из Москвы привезли красивое (сегодня сказали бы «шикарное») бордовое пальто, к нему в тон – шляпку, к зиме – бежевую мутоновую шубку. Брату Серёже какие-то чешские костюмчики заказывали.

Конечно, в магазинах не было полуфабрикатов. Но зато как вкусно все готовили! Хозяйки обменивались рецептами (сарафанный интернет), соседки угощали друг друга новыми блюдами.

В конце 50-х начали обставлять квартиры в новых домах. Модную мебель везли в Сибирь отовсюду: из Новосибирска, из Риги, из Карелии. Обстановку вокруг себя создают люди.

А как умели веселиться! Какие праздники устраивало рудуправление в новеньком Дворце культуры! После фильма «Карнавальная ночь» мама и её подруга организовали точно такой же новогодний вечер с концертом, танцами, беспроигрышной лотереей. А наутро в тех же декорациях провели детскую ёлку. Превратили такие встречи Нового года в традицию. Ностальгические воспоминания преследуют меня всю жизнь. Очень многое там, в Сибири, в детстве, было лучше, ярче, красивее.

Кстати, многие считают Сибирь центром холода. Но это не Якутия. Сильные, долгие морозы в Кемеровской области – редкость, а вот снега наметает столько, что скрывает первые этажи домов. Любимое развлечение детей зимой – рыть снежные пещеры, с лабиринтами, ходами, потайными комнатами. (В Киров приехала и всё ждала, когда же настоящий снег выпадет, а мне отвечают: «Нынче очень снежная зима».) Зато настоящим бедствием были метели и бураны.

Детей в такую погоду на улицу не выпускали. Мою сестру Марину однажды замело в 10 шагах от подъезда, еле нашли, после чего у неё началась сильнейшая ангина с осложнениями. Зато после вьюги – такое ослепительное солнце, такая ясность устанавливаются надолго! Благодать!

И вдруг резко, сразу – весна. Сугробы вмиг рыхлеют, превращаясь в потоки воды: по бурным ручьям дети пускают самодельные деревянные кораблики. И всё расцветает. Такого буйного цветения, как весной в Сибири, не видела даже в жарких заморских странах, где всё одинаково круглый год. А здесь почти одновременно распускаются подснежники, сибирские кандыки (цикламены), медуница, лесные ирисы – «кукушкины слёзки», пушистые «ветреники», жарки – огоньки. Расцветают черёмуха, боярышник, калина. Всё это не в садах и огородах, а в лесу и на опушках.

Лето, жаркое, с короткими тёплыми грозами, приносит щедрые дары: в лес идём за грибами (особенно вкусны сибирские грузди!), за ягодами: чёрная и красная смородина, малина, черёмуха, земляника и клубника (это не садовая ягода – там её называют викторией, а удивительно ароматная горная ягода, закутанная в собственный листочек).

Из сушёной черёмухи в Сибири делают муку, а из неё – торты, начинку для пирогов и пирожков. Попробовала в одном известном кировском ресторане изделия из черёмуховой муки – ничего похожего, перевод добра, разочарование.

Да, всё в далёком детстве было прекраснее. Даже осень не была затяжной: золотая осень – выпал первый снег – зима.

Люди тоже другие: крупные, красивые, открытые.

Врезались в память две истории.

При школьной кочегарке была лошадь для перевозки угля. Она ожеребилась и умерла – жеребёнок остался. Детей попросили принести, кто сможет, по одному стакану молока. Наутро в каждом классе стояли десятки бутылок с молоком. И так весь месяц.

Однажды летом по местному радио объявили: «Пять мальчиков ушли в лес за ягодами. Их нет уже трое суток». На поиски вышли все охотники города, над тайгой и горами висели вертолёты. Весь город замер в ожидании. Через неделю детей нашли, обессиленных, спящих на пихтовых ветках медвежьей лежанки. Их везли на вертолёт в больницу. Как это известие мгновенно разнеслось по городу, абсолютно непонятно, но площадка перед новой больницей (а это прямо за нашим домом) была забита людьми. Вертолёт кое-как приземлился. Я видела с балкона, как охотники вынесли на руках почерневших детей, самый маленький был без сознания. Женщины в толпе запричитали, а потом бросились по домам собирать передачу в больницу, где вскоре повесили огромное объявление-просьбу: им не надо так много!

Самым главным человеком в моём детстве была моя бабушка Зинаида Васильевна Верещагина. Образованная, воспитанная в большой семье вятского священника В. М. Кострова, где царили любовь, уважение, стремление к красоте и гармонии, она и для своих внуков создала такую же атмосферу, щедро раздавала свои знания и богатства души, ничего не требуя взамен.

Несколько лет назад прочитала аннотацию к книге Павла Санаева «Похороните меня за плинтусом», где утверждалось, что все прошли через подобное детство советской эпохи. Чушь! Когда читала эту талантливо написанную повесть, я думала лишь об одном: «Как же мне повезло с бабушкой!» Дело не в эпохе. Можно жить при любом политическом режиме и оставаться человеком. Всем хорошим во мне я обязана своей бабушке. Она подарила нам, своим внукам, уроки жизни, уроки доброты, уроки вкуса. Привила мне любовь к музыке и чтению, к театру и живописи.

Бабушка была великая труженица. Она готовила на большую семью, причем очень вкусно и разнообразно. Много я перенесла и в свою семейную жизнь: это и обязательная сервировка стола, и многие рецепты, например традиционные воскресные блины.

Мы, четверо внуков, никогда ни в чём не чувствовали недостатка. Выручала корова Дочка. Мы все обожали нашу красавицу. Но кормила её, доила, ухаживала за ней бабушка. Ей уже было за 60. Мне даже представить трудно, как бы я вставала ни свет ни заря, несла тяжёлые вёдра с кормом, доила, носила полные подойники на второй этаж.

Почему в детстве и юности мы воспринимаем заботу о себе как должное, как нечто само собой разумеющееся? Я любила бабулю, но так редко предлагала ей свою помощь. Да, у меня был свой круг обязанностей – чистить картошку, прибираться в квартире, гулять с младшей сестрой. Но это так мало по сравнению с физическими нагрузками бабушки!

На швейной машине «Зингер» (её приданое) бабушка ещё и обшивала всю семью. Платья у нас с сестрой Мариной всегда были красивыми, модными, хорошо сидящими.

И всё-таки, заботясь о том, чтобы мы были сыты и обуты, бабушка прежде всего думала о том, что обогащает духовно: книгах, музыке, живописи.

Каждый вечер для меня, сестры и брата был праздником. Нас не надо было уговаривать идти спать, мы, наоборот, старались лечь пораньше, чтобы бабушка успела прочитать нам побольше. Запомнились

Н. А. Баженова с братом и сестрой

не сказки, а толстые «взрослые» книги. Мы рыдали над «Хижиной дяди Тома», «Человеком, который смеётся», «Без семьи»... Книги учили нас сострадать, сочувствовать чужому горю, различать добро и зло. Не удивительно, что чтение книг стало моей страстью. Первая моя «серьёзная» книга – «Маленький оборвыш» Джеймса Гринвуда. Затем началось поглощение романов Майн Рида, четырёх томов «Трёх мушкетеров»... Я жила в мире книжных героев. Этому способствовала богатейшая библиотека, собранная мамой.

Не только через книги бабушка преподносила нам уроки доброты.

В восемь лет из-за своей детской глупости и беспечности я получила сильное сотрясение мозга. Неделью лежала в больнице, больше суток была без сознания. Вся палата вздохнула с облегчением, когда я очнулась.

Девушка, которая лежала рядом, улыбнулась мне:

– Наташенька, как хорошо, что ты проснулась! Жаль, мама твоя только ушла, она от тебя сутки не отходила. У тебя очень красивая и молодая мама.

– Я знаю, – гордо заявила я. – А у тебя какая мама?

– У меня... Самая лучшая на свете. И тоже очень красивая.

Было солнечное июльское воскресенье – день посещений. Мою соседку навестила маленькая сухонькая женщина в темном платье, в платке, повязанном по-старушечьи. Они тихо разговаривали.

А ко мне пришла бабушка, принесла клубнику. Пока я уплетала ягоды, она говорила, как испугалась за меня, когда я перестала различать предметы, понимать слова.

В это время темная женщина простилась и вышла из палаты.

– Кто к тебе приходил? – полюбопытствовала я.

– Моя мама.

– Как мама? Ты же говорила, что твоя мама самая красивая...

В палате повисла тяжёлая тишина. Но больше всего меня поразила реакция бабушки. Она вся сжалась, словно от удара, а глаза, наоборот, расширились. Смотрела на меня, как будто не узнавая.

– Господи! Что ты такое говоришь? Для каждого ребёнка своя мама – красавица, которая на всю жизнь останется лучшей. Тебе приятно будет, когда твоей маме обо мне скажут, что я старая?

– Не-е-т.

– Так как же ты можешь?.. Боже, как стыдно! Неужели я воспитала такого жестокого ребёнка?!

И вот тогда я впервые в жизни испытала такое жгучее чувство стыда, которого не знала раньше и не хотела бы пережить ещё раз. Сказалась слабость – я разрыдалась так, что теперь уже все: бабушка, соседки по палате, прибежавшая медсестра – успокаивали меня. А я сквозь слёзы только и могла повторять: «Простите меня». До сих пор, когда я вспоминаю это, мне становится очень стыдно за своё поведение. Уроки человечности не забываются.

Часто бабушка повторяла: нельзя ни к кому относиться свысока, надменно. Воспитанность, благородство как раз и проявляются по отношению к слабому, несчастному. Благородный человек никогда позволит себе унижить кого-либо, как это делают вышедшие «из грязи в князи».

Дореволюционное эстетическое воспитание бабушки было основательным. Она любила читать не только романы – помнила наизусть много стихов, особенно Пушкина и Некрасова. Знала поэтов Серебряного века, произведения которых тогда не публиковали. Нам очень нравилось, когда бабушка пела романсы. Обычно в зимние сиреневые сумерки, не включая света, мы сидели, прижавшись к бабушке, а она пела «Вечерний звон», «Не уходи, побудь со мною», «Вот мчится тройка удалая»... Баллады и романсы были грустными, щемящими. В её репертуаре не было разудалых, весёлых песен. А может быть, когда-то и знала такие, да желания веселиться не было.

Полвека назад это было. Казалось, что и слова забылись. Но на концерте Олега Погудина словно в детство вернулась, к бабушке. И слова вспомнились, и её голос, и таинственный сиреневый свет зимних сибирских сумерек.

Детство я провела в небольшом городе, где не было оперного театра. В ту пору, в 50-е годы XX века, о телевизорах и не мечтали. И всё же я знала наизусть несколько опер («Иоланту», например) и оперетт («Цыганский барон», «Нищий студент»), их грамзаписи покупала бабушка. Вечерами любила слушать вместе с бабушкой музыкальные радиопередачи. Именно бабушка настояла, чтобы я училась в музыкальной школе, и подарила пианино, такое дефицитное в то время. Потом, когда мы уехали от отца, мы жили на деньги от проданного пианино, пока мама не устроилась на работу. Так что музыкальную школу, как, кстати, и балетную, я не закончила. Но навсегда благодарна бабушке за то, что она настояла на моём «эстетическом» воспитании. От пения и танцев я испытываю настоящее удовольствие, пусть и делаю это для себя.

Передавая своим внукам всё, что знала и умела сама, бабушка просто не могла обойти живопись. У Костровых и Верещагиных любовь к живописи была семейной. Хорошо рисовали дедушка и мама. Бабушкин родной брат Александр Костров был художником-самоучкой в Уржуме, а двоюродный брат Николай Костров – известным ленинградским художником-профессионалом. А мой дедушка Р. П. Верещагин был троюродным братом знаменитых художников Виктора и Аполлинария Васнецовых. Интерес к живописи, к художникам, к музеям у меня тоже оттуда, из детства, от бабушки.

Мама с бабушкой делали всё, чтобы праздники в нашей семье были незабываемыми. Особенно Новый год. Когда я читала «Лето Господне» И. Шмелёва, вспоминала предпраздничную суету в нашем доме. Готовились заранее. Мама, прекрасно рисовавшая, оформляла подарочные пакеты в стиле Е. Рачёва и Ю. Васнецова для нас и маленьких гостей. Наряжали всю квартиру китайскими фонариками, снежинками. Посреди гостиной ставилась ёлка (вернее, сибирская красавица – пихта) до самого потолка. К запахам сдобного теста, китайских мандаринов прибавлялся запах хвои, запах морозного леса.

Утром наступившего года мы прямо в пижамах бежали из спальни к ёлке, знали: там ждут подарки.

Школа скорректировала наше детство. Первые школьные месяцы я бы никогда не назвала радостными, даже идти в класс не хотела. Вместо палочек и кружочков выходили закорючки. С кончика стального пера часто капала противная клякса. Но бабушка и не думала меня жалеть – она оказалась жёсткой и требовательной при проверке моих домашних заданий. Сколько раз заставляла переписывать цифру 2, которая совсем не хотела получаться! Сколько раз вырывала листы, не обращая внимания на слёзы! Чтобы я «держала спину», привязывала меня за косы к спинке стула. Как же было неудобно и обидно! Зато научила не горбиться.

Бабушка добила своё: я стала отличницей. Отличницей на всю жизнь. Что бы я ни делала, чем бы ни занималась, я всегда была просто обязана делать всё идеально. (Хотя комплекс отличницы – тяжёлая жизненная ноша.) Школу я любила, закончила её с золотой медалью. Обожала практически всех своих учителей. И не придумала ничего лучшего, чем учиться в пединституте. Учительницей я, кажется, стала хорошей. По крайней мере, работала очень много и напряженно, любила свой предмет (русский язык и литературу), любила своих учеников, и они до сих пор отвечают мне тем же. В 40 лет я уже получила звание заслуженного учителя России. Бабушка радовалась этой награде больше, чем я сама. Это было последнее счастливое известие в её жизни. Хоть этим я успела порадовать бабушку.

Я могу тысячу раз повторять, как я благодарна моей бабушке, как я её люблю...

Почему же эти слова бабушка слышала редко? Я, вся такая деловая и занятая, только в последние месяцы её жизни увидела, как она состарилась, как трудно ей стало подниматься по ступеням, как болят её суставы.

Мне сейчас 65. И только в последние годы я до конца осознала, какими мы были невнимательными. Нам недосуг было спросить, может ли она нянчиться с нашими детьми, не тяжело ли ей это. Нам в голову не приходило сходить с ней на концерт в филармонию, купить новое модное платье. Я ведь люблю всё это до сих пор. И она, конеч-

но, мечтала об этом, только возможности не имела: всю свою скудную пенсию тратила на нас, своих внуков.

Пусть сейчас, пусть поздно, но я должна сказать главное:

– Прости меня, бабушка!

Прости, что больше брала, чем давала тебе.

Прости, что не успела сказать тебе этого при жизни.

И наверное, бесполезно учить этому молодое поколение. Такова жизнь: мы начинаем понимать стариков, оказавшись в их возрасте.

Только пусть это будет не совсем поздно.

Мы с мужем отметили 45-летие нашей свадьбы. И снова вспоминали мою бабушку.

Вспомнили, как Витины родители приехали меня сватать, а моя мама ни в какую: молоды ещё, пусть сначала институт закончат. И тут бабушка выставляет на стол свою любимую наливку: «Ох, Рита, неужели не видно, что они друг без друга жить не могут? Пусть женятся!»

И подарила нам на свадьбу самое ценное: золотые кольца, своё и дедушкино. Кольца с их венчания. Как бы трудно бабушке ни было, она не продала их, не обменяла на продукты.

Эти кольца скрепили любовь на всю жизнь сначала бабушки и дедушки, а потом нашу с мужем. Теперь мы мечтаем, что подарим их на свадьбу нашему внуку. И он тоже встретит настоящую любовь.

Пусть продолжается жизнь...

Список литературы

Баженова Н. А. Без корней дерева не растут... Киров : Киров. обл. тип., 2016. 283 с.

ГЛАВА 3. МЕТОДИЧЕСКИЕ ОТКРЫТИЯ ДЕТСКОЙ ЛИТЕРАТУРЫ

УДК 821.161.1

Е. Н. Семькина,
кандидат филологических наук,
доцент кафедры русского языка и русской литературы
Белгородского государственного национального
исследовательского университета, г. Белгород
e-mail: semykina@bsu.edu.ru

НАРОДНАЯ ПЕДАГОГИКА В КНИГАХ В. Н. КРУПИНА

THE FOLK PEDAGOGY IN BOOKS OF V. N. KRUPIN

Аннотация. В статье рассматриваются основы народной педагогики, выразившиеся в рассказах и повестях вятского писателя В. Н. Крупина. На примере произведений разных лет раскрывается опыт семейного воспитания, важный для формирования нравственного облика ребенка.

Ключевые слова: современная детская литература, семейное чтение, народная педагогика, книги В. Н. Крупина.

Abstract. The article discusses the basics of folk pedagogy, expressed in the stories of the Vyatka writer V. N. Krupin. On the example of works of different years, the experience of family education, wich is important for the formation of the moral character of a child, is revealed.

Keywords: contemporary children's literature, family reading, folk pedagogy, the books of V. N. Krupin.

«Детство больше всей остальной жизни. Детство – главное время нашей жизни. Оно навсегда» – этими словами открывается «книга о детях для детей и взрослых» «Босиком по небу» (2009) вятского писателя В. Н. Крупина. Вектор многих его рассказов и повестей обращен одновременно к ребенку и к взрослому читателю. В основу таких произведений положены традиционные народные представления о нравственности, которые составляют главное содержание русской жизни. Можно сказать, что азы народной педагогики писатель освоил еще в раннем детстве: после появления в родительском доме четвертого, пятого ребенка эстафета того, кто присматривал за младшими, перешла и к нему. И, несмотря на то, что В. Н. Крупин – педагог по образованию, и этот опыт оказался полезным в семейной жизни, в писательском труде.

Мудростью народной педагогики пронизана ранняя повесть В. Н. Крупина «Варвара» (1974). Образ рассказчицы одухотворен силой сыновней любви к матери Варваре Семеновне. Именно она, простая русская женщина, хорошо знала, что воспитывать детей надо с младенчества, ведь «что нальешь – то и выпьешь, как вырастишь, так и ответят». В героине Варваре выговаривается такая любовь, которая в народе всегда соединяла заботу и требовательность, теплоту и строгость. Она не принимает ситуации, при которых чрезмерная ласка сменяется резкостью и грубостью в адрес детей. Варвара будто «слово какое знает» в воспитании, делится секретом с назойливой соседкой: «С детьми надо все время быть. Вот и весь секрет». И добавляет, перефразируя пословицу: «Бабы, чего отросточки ругать – смотрите, от какого дерева» [2, с. 17].

Галерею материнских образов, в которых раскрывается многовековая народная мудрость, продолжают героини рассказов «Кол с подпорой», «Молитва матери», «Женя Касаткин», «Сушеная малина», «Босиком по голубому небу», повестей «Дымка», «Большая жизнь маленького Ванечки». В них – те же теплота и строгость, негромкая забота, которые остаются в сердце ребенка на всю жизнь.

Для самого писателя родители всегда были примером жизненного поведения и трудолюбия: «Держали и огород, и корову – мы все время работали» [3, с. 185], а главной была «та любовь, в которой <...> вырастали. И тот труд, который выращивал» [3, с. 239]. «Мы рвались к работе, – вспоминает В. Н. Крупин, – мы с детства старались ухватиться за взрослые инструменты. И позднее, когда приезжали в отпуск из армии и на студенческие каникулы, конечно, прежде всего мы старались чем-то помочь. Труд был радостью» [3, с. 239]. Именно совместным трудом, убежден писатель, укрепляются семейные узы. Герой повести в рассказах «Большая жизнь маленького Ванечки», как и взрослые, все время в делах: и за хозяйством надо присмотреть, и двор в порядок привести («Дела»), он помогает бабушке и дедушке в огороде («Как Ваня грядки полон», «Раз – картошка, два – картошка!»), родителям – во время сенокоса («Родник», «В лугах»»), дедушке – в плотницком деле («Как бы до лета дожить»), в изготовлении веников для бани («Березовые веники»). Эта деятельность, основанная на примерах трудового воспитания со стороны взрослых, на общих заботах, привносит согласие в отношения между родными людьми, является лучшей профилактикой детского эгоизма, формирует тот опыт человеческих взаимоотношений, который строится на взаимном уважении, доверии, уступках, умении сдерживать негодование и забывать обиды, качествах, которые всегда характеризовали человека цельного.

В то же время в течение трудовой жизни вплетаются элементы игры. Так, у восприимчивого героя повести козленок рождает аналогии с сюжетом о сестрице Аленушке и братце Иванушке, а печка оживляет сказку о Емеле. Интерес к сказке, который сформирован и поддерживается взрослыми («Мальчик Ваня очень любит, чтобы ему читали сказки» – так начинается повесть), связан с развитием детского воображения: ребенок переносит сказочные сюжеты в реальную жизнь, и они ограждают его от скуки. Сам писатель часто вспоминает те теплые зимние вечера, когда, забравшись на печь и на полати, они, ребяташки, слушали книги, которые читала мама. «И всегда мне хо-

чется, чтобы в наших семьях были такие минуты, а может, и часы чтения, когда взрослые читают, а деточки слушают. В этом редчайшее единение душ и сердец», – говорит В. Н. Крупин [1, с. 5].

В рассказе «Очки» автор показывает уважение к старшим, которое передается через поколения: потеря дедушкой очков вовсе не забавляет внуков, в них пробуждается желание помочь. И пусть очки неожиданно оказываются у дедушки на лбу, в их поиске проявляется уважение к старости. Чувством глубокого сожаления проникнуты размышления пожилого рассказчика о том, что в детстве мало интересовался прошлым своих дедушек. Его слова метафоричны: детство – такой период в жизни человека, когда очки еще не нужны, а внутреннее зрение не развито, в то время как душа пожилого человека, утратившего остроту зрения, прозревает. «И нас внуки в свою старость вспомнят», – без обиды говорит и героиня повести «Варвара» [2, с. 9].

Взаимоотношения представителей разных поколений в рассказах В. Н. Крупина о современной жизни не являются конфликтными. И даже когда дедушка не принимает сценарий «талантливых внуков», снявших короткометражный фильм об убийстве для урока английского языка, и борется за их души, конфликт не вызревает. Он присутствует в рассказе как основа сюжета об ответственности взрослых за детей, за тот выбор, который станет определяющим в их жизни. Автор показывает, что здоровое зерно, посаженное в благодатную почву детской души в семье, дает живые всходы именно тогда, когда заболевает бабушка, а внуки приезжают ее навестить («Доставка пиццы»).

Несколько необычным в этом контексте предстает рассказ «Девочка и вампиры». Пусть не удастся дедушке переубедить упрямую внучку в том, что жизнь ее, отданная компьютерным вампирам, незаметно тает, эта мысль, думается, вызовет отклик у юных читателей. А рассказчик, как и в предыдущем произведении, оказывается носителем нравственных ценностей, которые восходят к основам народного воспитания.

Повествование о животных, которые всегда занимали особое место в детской душе и в повседневной жизни человека, также пронизано у В. Н. Крупина мудростью народной педагогики. Дети в семье Державиных имеют свой круг обязанностей в заботах о корове, теленке, козленке, собаке, попугае («Большая жизнь маленького Ванечки»), потому и растут хозяйственными и ответственными. Отношение к животным становится в произведениях В. Н. Крупина катализатором детского сознания, степени самостоятельности («Большая жизнь маленького Ванечки»), общение с ними помогает детям осознавать собственные ошибки («Дымка»).

Истории животных имеют и самостоятельное значение в структуре сюжетов В. Н. Крупина, из которых юный читатель непременно вынесет нравственное содержание, переходящее от одного поколения к другому. Отношение к дому, которым всегда особенно дорожил человек, закладываемое с рождения, раскрывается в сюжете рассказа «Муська», побуждает размышлять о вечных и временных ценностях. Забота о потомстве в животном мире – такая модель поведения, которую в дальнейшем столь важно выстроить в семейной жизни («Папаша Рекс»).

Три поколения, как три столпа, – фундамент, на котором держится храм семейной жизни, скрепленный взаимной любовью, уважением, заботой друг о друге, теплотой в отношениях между близкими людьми. Прочность этих уз выражает символический образ бумажных цепей, которыми семья украшает новогоднюю елку, в рассказе «Бумажные цепи». «Многие другие цепи рвал, – признается рассказчик, – эти не порвать. И не пытаюсь, и счастлив, что они крепче железных» [1, с. 278].

Обозревая отечественную детскую литературу, В. Н. Крупин обращает внимание на важность формирования в ней нового пласта – литературы православной, в которой все описывается «для раскрытия роста души ребенка, затем отрока, на пути к Богу» [3, с. 381]. Писатель убежден, что «прежде всего воцерковление детей спасет Россию» [3, с. 380]. Комментируя детские произведения протоиерея

Артемия Владимировна, В. Н. Крупин приводит ключевую цитату из его книги: «Миром правит любовь. Это хорошо чувствуют дети, нося в своем сердце теплоту любви. Что ожог от огня, что укус змеи, то для них резкое и грубое слово, сказанное в состоянии раздражения взрослым человеком <...> Нет большего нравственного преступления, чем искалечить ребенка сквернословием, разрушить его личность истериками, вспышками ненависти, битьем... Напротив, в спокойной и доброжелательной атмосфере дети расцветают и обнаруживают дивную красоту неиспорченных сердец» [3, с. 381]. Эти мысли перекликаются с идеями самого В. Н. Крупина, составляют основу его произведений, предназначенных для совместного чтения и обсуждения в кругу семьи или на уроках в школе.

Список литературы

1. Крупин В. Н. Босиком по небу: книга о детях для детей и взрослых. М. : Сибирская Благозвонница, 2009. 287 с.
2. Крупин В. Н. Избранное : в 2 т. Т. 1. М. : Мол. гвардия, 1991. 573 с.
3. Крупин В. Н. Книга для своих. М. : Институт русской цивилизации, 2012. 512 с.

Е. О. Галицких,
доктор педагогических наук, профессор,
заведующая кафедрой русской и зарубежной литературы
и методики обучения,
Вятский государственный университет
e-mail: galitskiheo@rambler.ru

**ТРИ МЕТОДИЧЕСКИХ «ОТКРЫТИЯ»
ДЕТСКОЙ ЛИТЕРАТУРЫ: В ТЕАТРЕ, В КНИГЕ,
В ЖИЗНИ**

**THREE METHODOLOGICAL INSIGHTS
OF CHILDREN'S LITERATURE:
IN A THEATER, IN A BOOK, IN A LIFE**

Аннотация. Статья знакомит читателя с тремя произведениями и их авторами (Еленой Наумовой, Натальей Кузницыной и Анастасией Черепановой), которые перекликаются друг с другом «памятью детства».

Ключевые слова: книга для семейного чтения, музыкальный спектакль, размышление, интерпретация.

Abstract. The article introduces the reader to three works and three authors (Elena Naumova, Natalia Kuznetsina and Anastasia Cherepanova), which echo one with another with a "memory of childhood".

Keywords: a book for family reading, a musical performance, reflection, interpretation.

Между литературой и жизнью.

Евгений Водолазкин

Открытие первое – Елена Наумова «Митины открытия»

Книга Елены Наумовой «Митины открытия» [2] стала ярким явлением детской литературы прошедшего года. Её успех был закономерен, потому что «открытие мира» детским сердцем увлекательно и

весело рассказано автором и потому, что удивительные рисунки Максима Наумова, формат книги придали ей подарочный вид, так и просилась книга в руки читателей и больших, и маленьких. Дошкольник Митя приезжает из города в деревню в гости к бабушке, и новые впечатления от леса, соседской девчонки Маришки, сбора грибов, живых кроликов, коз и колоритных соседей вокруг наполняют его счастьем детской жизни.

Явная творческая удача автора вдохновила главного режиссера Кировского областного драматического театра Евгения Ланцова поставить музыкальную сказку по повести Елены Наумовой «Митины открытия». И удивительно, дети и их родители внимательно и бережно смотрят спектакль.

Динамично, весело, ярко разворачивались приключения – «открытия» Мити, приехавшего в гости к своей бабушке Ане в деревню. Вот эта деревня и становится главной «сказкой» в жизни героя. В ней есть всё для детского счастья: подружка, коза Маня, пасечник дядя Тополь, лес, яблоки, путешествия и приключения и даже сказочные герои. Содержание сказки наполнено добрыми чувствами: Митя учится помогать другим, дружить, понимать, преодолевать страх, собирать грибы и петь песни. Стихия музыки завораживает зрителя, вот она и превращает историю в сказку, помогает этому мультимедийное сопровождение спектакля, взрослые услышат голоса настоящего леса, детей удивляют его обитатели – Леший и Баба-яга.

Удача спектакля – работа художника, от костюмов Козы и Лесной полянки глаз не оторвать. Создалось впечатление, что самим артистам нравится жить в пространстве спектакля, там им интересно и весело. А зрители с увлечением подсказывали Мите строчки стихотворений Пушкина, которые становились заклинаниями от страха. И сразу становилось ясно, почему стихи полезно выучить наизусть и иногда ими «аукаться» с Пушкиным. Все помним, что сказка – ложь, да в ней намек, и намёков в спектакле очень много: для родителей – о пользе деревни в жизни детей, о великой силе семьи (звучит стихотворение Е. Наумовой «Девочка и дождь»), о радости живого обще-

ния и встречи гостей; для детей – о счастье мира, дружбы и добрых пожеланий для всех!

Заканчивается сказка, и уплывает волшебная «рыба счастья», по велению которой исполнятся все желания в Новый год! И падает снег, и звучат аплодисменты, и хочется поздравить режиссера Евгения Ланцова, актёров и Елену Наумову с той радостью, которую они подарили зрителям!

Открытие второе – Наталья Кузницына «Приключения маленькой мамы»

Известный в детской литературе Вятского края автор Наталья Кузницына пишет для детей и стихи, и прозу. В 2019 году она порадовала читателей новой книгой рассказов «Приключения маленькой мамы». На обложке книги весёлая девчонка качается на качели и смотрит на мир с высоты своего полета: на крыши домов, деревья, родной город... и на свою маму, которая с высоты детских воспоминаний тоже когда-то была маленькой. В этом названии замечательный намек взрослым: не забывайте о своем детстве, посмотрите на себя глазами своего ребенка. Неслучайно на книге есть надпись «Книга для семейного чтения». Несомненной удачей книги явился союз автора и художника, рисунки Татьяны Коршуновой дарят радость встречи, пробуждают фантазию и дают возможность читателям взять карандаши и попробовать нарисовать самое любимое в жизни – свой дом, свои игрушки, свою маму.

Короткие рассказы о детстве завораживают светлой интонацией счастья, чуть наивным повествованием и чистотой речи автора, такое ощущение, что смотришься в прозрачную воду лесного ручья, у которого на дне камешки, рыбки мелькают, солнечные блики играют. Каждая глава имеет название: «Секретики», «Сказки на качелях», «Танцы, табуретка, стихи», «Старушечка», «Дед Мороз и Новый год», «Певунья и хлопотунья», «Дом», «Деревенские подвиги», «Мамина крапива» и др. Книга отличается «интересным населением» – в ней много героев: маленькая мама Таня, бабушка Уля, дедушка

Витя, старушечка-няня, друзья и подружки, братья и сестренка Алёнка. И есть «деревушка в десять домов. Арапово» [1, с. 17]. Очень она напоминает Чистый Дор Юрия Коваля, может быть, и верно, что в таких деревнях живут люди особого добросердечия и трудолюбия. «И вместе так хорошо было всматриваться в мелькание мошкары, радоваться разгорающимся звёздам, отгонять комаров, слушать в темноте шорохи листвы, трав и камышей. А взрослые начинали петь. Но это были не простые песни. Это пела сама душа» [1, с. 22]. Листаешь книгу и словно проживаешь снова эти мгновения детских игр и радостей, маленьких событий большой детской жизни. Не так часто в современной детской литературе мы видим счастливые семьи, а в этой семье живет мир и согласие, и ребенку в ней тепло и радостно расти и взрослеть.

Особая стилистическая тонкость, прозрачность, хрупкость повествования не нарушается многословием, каждая глава лаконична по сути, но за внешней краткостью кроется точная выразительная деталь, которая свойственна только детскому взгляду на мир и людей вокруг: «осчастливить – из угла выпустить», «отхватить советского счастья – дефицита», «построить дом в крапиве», «земляничное молоко», «красотища и вкуснотища», «айда на улицу», «счастливые зимние холода». Счастье как главный мотив мироощущения детской жизни скрепляет все рассказы в поток впечатлений и воспоминаний и придаёт повествованию энергию развития сюжета книги.

«Пообнимали Танечку все крепко-крепко, папа вручил ей самый красивый букет, и пошли они с мамой Валею первый раз в первый класс. Обе – счастливые!» – и читатель «пошел» за ними в начальную школу, как в сказку [1, с. 37].

Открытие третье – Настя Черепанова о «памяти детства»

С большим энтузиазмом я предложила студентам прочитать книгу Лидии Чуковской «Памяти детства» [4]. С моей точки зрения, она наполнена искренними детскими переживаниями дочери и впечатлениями от общения с отцом К. И. Чуковским, в ней много важ-

ных наблюдений и даже методических вопросов и идей, полезных будущему учителю литературы.

Студентка Анастасия Черепанова выписала следующие строчки из книги Лидии Чуковской и сделала к ним комментарий.

- *Рукам его довериться можно вполне. Вовремя подхватят, никогда не уронят, не сделают больно.*

- *Руки его, никогда не умевшие повязать галстук или пришить пуговицу, прекрасно справлялись с грубой, простой работой – сбросить ли с крыши снег, распилить ли бревно...*

- *Однажды в море, маленькой девочкой, слушая его голос, произносящий стихи, я впервые заметила красоту его рук. Таких особенных рук я потом в жизни ни у кого не видала...*

(Много внимания в книге уделяется рукам отца, мне кажется, что именно через руки автор пыталась передать, насколько сильно любил ее отец. Как будто бы руки отца являются для Лидии символом доброты, любви, самопожертвования, заботы. Такие детали начинаешь замечать в родителях только тогда, когда становишься старше. Сейчас я это понимаю.)

- *Никогда не сетовал он на свой путь – трудный путь самоучки – и утверждал, напротив, что, если человек в самом деле жаждет знания, он своего добьется – были бы книги! – и воля...*

- *Дом наш был для него прежде всего рабочее место, где он терзался трудом: не удастся, не удастся, не удастся – какие уж тут гости? отчаянье! – показалось наконец, что удалось, вот тебе и именины.*

(Прослеживается идея труда, самообразования, постоянного самосовершенствования.)

- *На страницах своих книг он постоянно утверждает, что первое дело учителя литературы – влюбить детей в поэзию.*

- *Думаю, если бы кто-нибудь из нас – я, шестилетняя, или Коля, девятилетний, сами попробовали бы прочесть эти стихи, мы споткнулись бы на первой Фетиде и отложили в сторону книгу. Но читал нам он. И в его чтении, хотя он и не объяснял ничего, мы по-*

нимали не только красоту великого произведения искусства, красоту звуков, ритмических ходов, но и общий смысл, то, что можно условно назвать содержанием. Не смысл отдельных слов или строк, а то, что содержится в причудливом сплетении их, в строках и в строфах, в которые они сплавлены силою ритма.

- Ритм – лучший толкователь содержания
- ...И все-таки чтение поэтов, самое разное, чем-то неуловимо родственно одно другому и противоположно актерскому; поэты не своевольничают со своими стихами, хотя, казалось бы, им, хозяевам, все можно; они читают, повинувшись невидимым нотам, заложенным в каждой строке, движению ритма, которое, совпадая с движением мыслей и чувств, совпадая с дыханием, и создает власть, всемогущество стиха.

(Главная идея: в поэзию нужно уметь ВЛЮБЛЯТЬ.)

- Письма – это те же люди.
- Но как бы ни занимал его всякий труд и всякий человек, самым интересным явлением в мире было для него создание искусства и самым интересным человеком – создатель, творец, человек-художник.

- Всюду в его повествовании пробивалась эта трагическая тема, естественная при его отношении к искусству: расправа с гением и талантом, учиняемая сплоченной и могучей бездарностью. Тут – болевая точка, ощущавшаяся им постоянно. Надругательство над талантом. Преследование таланта. Борьба безоружного таланта с вооруженной бездарностью.

(Идея отношений творца, гения и общества.)

- Я укладывала спать родного отца, как другие девочки укладывают спать свою куклу.
- Что и в каком виде и в какой последовательности надлежит давать растущему человеку в детстве, чтобы защитить его от пошлости, которая всегда, во все времена неизбежно и неистребимо прет изо всех щелей? Чем одаривать, чтобы подрастающий человек свободно и радостно поднимался по лестнице литературной

культуры, без которой нет культуры душевной? Конца эта лестница не имеет, но каково должно быть начало и какова последовательность шагов? Корней Иванович ревновал поэзию, литературу к музыке; ему представлялось, будто в обучении музыке, в науке о музыкальном воспитании такая лестница уже возведена. Путь к Бетховену проложен. В поэзии же, в изучении литературы, полагал он, лестница к вершине ее – к Пушкину – не построена... А ведь русская поэзия – одна из сверхмощных держав в поэзии мира. **Что же будет, если наследники не окажутся в силах принять наследство?**

Я надеялась, что эти воспоминания вызовут у студентов желание порассуждать о прочитанном и создать своё высказывание о «памяти детства». С одной из таких работ я и осмеливаюсь познакомить читателя. Автором является студентка пятого курса факультета филологии и медиакоммуникаций Анастасия Черепанова.

***

День для работы был хороший. Наконец-то перестал идти снег, и ласковое солнце обрадовало своими лучами. Еще утром я случайно увидела первые цветы (мы чуть не наехали на них колесом, когда парковали машину), это были желтенькие цветы мать-и-мачехи. Они на мгновение вернули меня в детство. Все в моей деревне возвращало меня в детство: и чистый прохладный воздух, и невыносимо грязная дорога на нашей улице, по которой сейчас невозможно спокойно проехать и пройти, хотя мы уже давно привыкли к хлюпающей грязи под ногами (если надеть резиновые сапоги, то это даже весело), и звонкий лай Джека, верно охраняющего наш дом и преданно протягивающего лапу встречному.

Однако жизнь здесь казалась мне сейчас какой-то совершенно иной, не как в детстве, в этой новой жизни было скрыто что-то таинственное, что-то едва уловимое и непонятное ребенку, но вдруг неожиданно открывшееся взрослому. Возвращение в свой родной дом, к родителям с каждым разом все больше воспринималось как маленький праздник. Раньше я этого не видела, не понимала, не чувствовала.

Но теперь, увидев родные окна, заботливо украшенные белыми занавесками, пройдя по покрашенному в зеленый цвет мостику у дома, на перилах которого ласково встречает рыжий мурлыка, открыв двери и, наконец, оказавшись в объятьях мамы, я вдруг отчетливо ощущаю неповторимость этих моментов. И каждый раз мне хочется замедлить ход времени и насладиться этими драгоценными минутами жизни чуть дольше. Ведь чем старше мы становимся, тем больше к нам приходит осознание того, что все это не вечно.

Отец уже начал колоть дрова. Рядом с ним лежали аккуратно сложенные бревна и тюльки. Пахло деревом. Мне нравится этот запах, в городе такого не найти. Мы помогали папе складывать поленницу. У меня немного ныл желудок из-за обострившегося гастрита, я присела отдохнуть на бревно неподалеку от папы. Мы начали разговаривать.

И вдруг он вскрикнул. Даже не вскрикнул, а шумно втянул воздух сквозь зубы, и я увидела, как быстро начала капать кровь на белый снег и только что расколотое полено. У меня все внутри сжалось. Отвлекла его своими разговорами, и он попал по пальцу, хорошо, что сбоку и задел слегка.

Я побежала за мамой. Для нее это обычное дело, она же врач, и не такое видела. Но лечить чужих всегда намного проще, чем своих, родных. Это я поняла, когда увидела боль в глазах мамы, быстро перевязывающей палец отца. Словно бы это была ее рана. Я сбегала за водой.

Мы немного посидели, отдохнули, боль утихла, кровь вроде бы перестала бежать. Папа снова принялся за работу, словно рана была для него пустяком. Так, царапина, не достойная внимания. Я всегда восхищалась этим его мужеством. Для меня это было чем-то удивительным.

Я снова села на бревно и вдруг заметила, что уже распустились почки у стоящей рядом ивы. Мне срочно захотелось нарвать пушистых веточек, можно поставить их в вазу у себя дома в городе, пусть напоминают о родных краях. Я залезла на бревно повыше, чтобы дос-

тать до веточек, но получалось у меня плохо. Отец снова отвлекся от работы, молча взобрался на гору тюлек и начал срывать мне пушистые веточки.

– Что ты, пап, я и сама могу, – мне не хотелось его отвлекать.

– Ничего, – просто ответил он.

И я смотрела, как его большие мозолистые руки с обмотанным обычной тряпочкой пальцем, срывают мне ветви ивы. И вроде бы не было в этой картине ничего особенного. Просто руки, просто тряпка и совсем простая ива. Но для меня в тот момент это все приобрело другое значение, более возвышенное. Я видела не просто руки, а *папины* руки. Этими руками он качал меня, когда я была совсем крохой, этими руками учил меня завязывать шнурки, этими руками он гладил меня по голове, этими руками он строил для нас дом, этими руками...

– Осторожней, вдруг тюльки раскатятся.

– Не раскатятся, – он протянул мне веточки.

Папа всегда ничего не боится. А я боюсь. Боюсь, что раскатятся, поэтому говорю ему:

– Ну все, мне хватит этого, – думая, что потом еще сама нарву.

Я унесла веточки в дом, мама поставила их пока в вазу на кухне.

Скоро должно было стемнеть. Я продолжила помогать папе и Илье, который уже давно носил расколотые дрова и складывал их в поленницу. Дрова были мокрые, а от того сильно тяжелые.

Стемнело быстро. Желудок занял сильнее, видимо, из-за того, что носила тяжелое. Я села на лавку у дома. Отсюда мне было хорошо видно кухонное окно. На кухне приветливо горел свет, и мама суежилась, меняя шторы.

И я вдруг замерла, глядя на ее сосредоточенное лицо, на ее ловкие руки, вешающие свежие чистые шторы. Она делала это с любовью. Любовь была заметна в каждом ее движении. Мама меня не замечала, она была поглощена работой. Я хотела ей помахать, но рука не поднялась. Я просто сидела и наблюдала. Мне не хотелось двигаться. Хотелось смотреть, жадно впитывать, забирать это себе, чтобы сохранить, запомнить, ощущать как можно дольше.

И тут ко мне пришло осознание – я повзрослела. Я больше уже не ребенок. Я стала взрослой. Меня захлестнуло волной и унесло в море житейское. Мне больше не выбраться на берег, не поиграть в песке, не построить песочные замки, не послушать сказки у костра. «Однажды ты станешь таким взрослым, что снова начнешь читать сказки», – так сказал Клайв С. Льюис, и я только сейчас поняла, что это значит.

Когда мы уезжали обратно в город, я забыла взять свои пушистые веточки. Вспомнила про них, когда уже сложила вещи в багажник и села в машину. Я сомневалась лишь секунду, возвращаться или нет. А потом я уже бежала к дому по родной грязи в новых сапогах, к родному дому, за такими родными веточками ивы.

Черепанова Настя
28.03.2020

У этого повествования нужно сохранить дату, момент времени как момент истины, возможно, книга включила «память сердца» и помогла увидеть то, что раньше казалось обыденным.

Детская литература открывает каждому читателю двери в воспоминания, ставит эмоциональные вешки, соединяет «память детства» с днем завтрашним, помогает взрослеть. Детская книга может стать источником удовольствия, радости познания, размышлений о жизни, о себе, о мире. «Осталось зачитать эту книгу до полного запоминания и потом разговаривать цитатами из неё всю жизнь», – так написал о детской книге литературный критик Александр Гаврилов [3, с. 1].

Список литературы

1. Кузницына Н. В. Приключения маленькой мамы : рассказы. Киров : О-Краткое, 2019. 64 с.
2. Наумова Е. Митины открытия. Киров : ООО «Кировская областная типография», 2019. 80 с.
3. Полозкова В. Ответственный ребёнок. М. : Махаон, Азбука-Аттикус, 2017. 84 с.
4. Чуковская Л. Памяти детства. М. : АСТ, 2014. 320 с.

С. Ю. Вылегжанина,

кандидат педагогических наук,

доцент кафедры русского языка, культуры речи и методики обучения,

Вятский государственный университет, г. Киров

e-mail: syu_vylegzhanina@vyatsu.ru

**ИЗ СКВЕРНОГО УЧЕНИКА
В ЗАМЕЧАТЕЛЬНЫЕ УЧИТЕЛЯ:
РАЗМЫШЛЕНИЯ О КНИГЕ Д. ПЕННАКА
«ШКОЛЬНЫЕ СТРАДАНИЯ»**

**FROM A BAD SCHOOL STUDENT
TO A GREAT TEACHER:
REFLECTIONS ON THE BOOK OF D. PENNAK
"SCHOOL SUFFERING"**

Аннотация. В статье рассмотрен опыт успешного учителя в книге Д. Пеннака «Школьные страдания», который в школе был последним учеником в классе. Именно эти переживания помогли герою глубоко понять проблемы отстающих учеников и увидеть пути их решения. Автор описывает в эссе свои размышления об эффективных приемах преподавания и общения с такими учениками на собственном примере и опыте коллег, близких ему по духу.

Ключевые слова: Даниэль Пеннак, эссе, школьные страдания, двоечник, учитель, любовь к детям.

Abstract. The article reveals upon experience of a successful teacher described in the book of Daniel Pennak 'School Blues'. The hero was always behind the rest of his class. That was the experience that helped him to understand the problems of students who were behind and to find solutions. The author shares in his esse his thoughts concerning effective training strategies for teaching and communication with such students by personal example and experience of his like-minded colleagues.

Keywords: Daniel Pennak, esse, School Blues, non-achiever, teacher, love for children.

Произведение Даниэля Пеннака «Школьные страдания» в 2007 году было отмечено престижной литературной премией – премией Ренодо. В книге рассказывается о совместных страданиях двоечника, его родителей и учителей, о взаимодействии этих школьных страданий, поэтому данная тема вынесена в название. Книга посвящается спасителям учеников, которые никогда не отчаивались в отношении слабых учеников.

Как признается автор, в школе он был двоечником, и жанр произведения – эссе – позволяет описать личные переживания автора, прошедшего нелегкий и интересный путь от последнего ученика в классе до успешного учителя и писателя, имеющего свою педагогическую систему поддержки отстающих учеников.

Именно опыт ученика, который чаще всего был последним в классе, позволил автору понять те проблемы, которые лежат в корне неуспеваемости детей в школе. Речь идет о детях 70–90 годов XX века, растущих в основном в неблагополучных семьях (без отца, малообеспеченных, с низким социальным статусом и пр.). Неспособность героя понимать материал в школе вызывала опасения у всех членов семьи, и лишь отец своим ироничным отношением поддерживал мальчика («мы выбрали средством общения смех» [1, с. 11]). Трудности в запоминании и понимании, декодировании информации, перевода ее на свой, понятный язык постепенно вызывают убеждение в собственной тупости, в том, что у него всё равно ничего не выйдет. Автор с исповедальной тонкостью описывает муку непонимания в различных деталях, позволяя нам прочувствовать его состояние и задуматься о том, что такие ученики могли и могут быть рядом с нами.

Наш герой старательно повторял слова учителя, но не понимал их, поэтому даже при применении правила в заданиях по образцу допускал огромное количество ошибок. В чем крылись причины непонимания и неуспеваемости? У автора они были связаны с продолжи-

тельной болезнью сепсисом в детстве, которая отняла много физических сил и повлияла на психику: у него сформировался страх уколов, который позднее перерос в страх учителей.

Его спасением от неудачи и тоски была игра, но сверхвеселость и умение заводить себе друзей расценивались учителями как наглость. Желание сбежать с острова двоечников вызывало порой маниакальную жажду мести, и он совершал неблагоприятные поступки в отношении учителей. Автор с потрясающей искренностью рассказывает о детских переживаниях и в них видит следы преступности – когда умственные способности тайно перемещаются в хитрость.

Анализируя свои детские переживания и соединяя их со взрослым опытом педагогической практики, автор называет обязанностью учителей спасение таких учеников из мира непонимающих, а потому одиноких, стыдящихся себя, пускающихся на преступления и отчаянно жаждущих любви. А так как жить без любви трудно, в детях постепенно развивается любовь к неудаче и они укрепляются в этом статусе безнадежных учеников. Автор призывает учителей: «Только мы – неважно, учили нас этому или нет, – можем освободить его от этой тюрьмы. ...И они сказали: пора действовать. Они нырнули за мной на дно. И упустили. Тогда они стали нырять еще и еще, день за днем. И в конце концов вытащили меня...» [1, с. 31]

Подход к неуспевающему герою нашел учитель французского, дав ему индивидуальное задание на всю четверть: написать роман из расчета 1 глава в неделю, сдавая готовые части без орфографических замечаний (для этого пришлось смотреть словарь). Еще три гения педагогики: учителя математики, истории и философии – тоже описаны в произведении с теплотой и благодарностью.

Однако есть упоминания и о таких учителях, которые наслаждаются властью, чувством превосходства, с радостью говорят о низких умственных способностях учащихся. Именно они вызывают страдания школьников. Автор признает и другие просчёты школы, например говорит о том, что школа учит лгать. Если ученик признается, что не сделал домашнее задание, потому что «большую часть

ночи провел в киберпространстве» или «на меня напал ступор, поэтому я слушал музыку», «у меня не получилось», это повлечет штрафные санкции, а ложь типа «мои папа и мама живут отдельно, я живу с мамой, а вчера забыл тетрадку у папы» позволит быть презентабельным с официальной точки зрения и избежать публичного унижения. Причин игнорирования вранья очень много, и социальные последствия этого вранья ужасающи.

Но всё-таки «Школьные страдания» – это книга о спасении, избавлении, принятии, духовном росте учеников. Какие же способы спасения двоечников предлагает автор? Эти способы являются принципами и методами преподавания, они изучаются в педагогических университетах, но почему-то учителя иногда забывают о них. Остановимся на некоторых важных положениях, составляющих основу определенной системы преподавания автора эссе и учителей, близких ему по духу.

1. Чтобы знание получило шанс воплотиться в настоящем времени на уроке, нужно перестать попрекать детей прошлым и пугать будущим.

2. Нужно разобраться в причинах неудач, которые скрываются за собирательным образом «это», помочь школьнику раскрыть их, а это оказывается не так-то просто – облечь их в словесную форму.

3. Следует создавать ситуации успеха. Даже маленькие успехи вызывают стремление получить хорошие результаты и мотивируют учащихся к напряженной работе. Например, автор предлагал заучивать большое количество текстов, а школьники были в итоге довольны тем, что могут цитировать отрывки из различных произведений. Учитель математики начинал урок с элементарных задач и высоко оценивал правильные ответы, стимулируя тем самым включение в активную работу.

4. Обязательно присутствие учителя – физическое, мысленное, интеллектуальное – на протяжении всего урока, ощущение единства с классом. Учитель должен полностью отдаваться работе на занятии,

быть здесь и сейчас с каждым учеником, он обязан быть отдохнувшим, выспавшимся, в хорошем настроении.

5. Любовь к своему предмету, желание поделиться знаниями. Например, так описан учитель математики: «...странная доброта, порожденная самим знанием, естественное желание поделиться с нами предметом, который восхищал его ум и, по его разумению, просто не мог быть нам неприятен или чужд» [1, с. 211]. Учителя истории и философии были настоящими артистами в умении преподать свой предмет, они настолько владели им, что весь процесс можно было принять за спонтанное творчество. Их непринужденность делала каждый урок запоминающимся.

6. Творческий подход, умение перестроиться и ответить на вызов урока здесь и сейчас, решая затруднение. Например, панику перед проверочной работой учитель снимает, проведя экспромтом диктант с последующим разбором пройденного материала и всех трудностей самими учениками. Такие диктовки-экспромты вырабатывали автоматизм в овладении грамматическими категориями, затем ученики сами придумывали тексты, диктовали и руководили проверкой работ. Интересными формами работы являются «словарное соревнование», обращающее учеников к словарю, и проверка работ учащихся другого класса.

7. По мнению автора, большое значение на уроке имеет игра, поэтому мы в ходе чтения произведения часто видим игры с текстами. «Игра – второе дыхание, открывающееся во время тяжелой работы, это дополнительное биение сердца, она никоим образом не умаляет серьезности обучения, она дополняет его, как своеобразный контрапункт» [1, с. 133].

8. Важным приемом в работе автор называет и специальное упражнение на скуку. Оно предлагается потому, что нужно привить детям вкус к одиночеству и тишине, научить распоряжаться собственным временем, т. е. самим одолевать скуку.

9. Итог книги – это признание самого важного метода преодоления незнания, которому не учат в школах и университетах, объяс-

няющего, почему же из двоечников получаются хорошие учителя? Ответ дан «внутренним голосом», голосом двоечника:

– Все вы одинаковые, учительшики! Чего вам не хватает, так это спецкурса по незнанию! Вы сдаете кучу экзаменов по приобретенным знаниям, проходите разные конкурсы, а ведь первое, чему вы должны учиться, – это умению *понимать состояние не знающего того, что знаете вы!* [1, с. 241]

– Подскажи средство – как преподавать, не будучи подготовленным к «этому»?

– В методах недостатка нет. ... Вы только и делаете, что прячетесь за разными методами, хотя в глубине души прекрасно знаете, что никакой метод тут не поможет. Потому что ему кое-чего недостает.

– ...

– Любовь [1, с. 245–246].

По признанию автора, достаточно одного учителя – одного-единственного! – чтобы спасти нас от самих себя и заставить позабыть всех горе-сеятелей разумного, доброго вечного [1, с. 210].

Таким образом, в произведении нам открывается внутренний мир двоечника, страдающего от собственной интеллектуальной неполноценности и не видящего путей преодоления непонимания, и мудрость учителя, готового спасти таких детей, осознающего их переживания благодаря собственному школьному опыту и имеющего в своем педагогическом арсенале инструменты преодоления этих затруднений, которые мы можем взять на вооружение в свою методическую копилку.

Список литературы

1. Пеннак Д. Школьные страдания : эссе. СПб. : Амфора, 2009. 249 с.
2. Подгорная Т. Школьные страдания без границ [Электронный ресурс]. URL: https://ruk.1sept.ru/view_article.php?id=201000711.
3. Старикова Н. А. Школьный опыт ученика как источник стратегии учителя (Д. Пеннак «Школьные страдания») [Электронный ресурс]. URL: <https://journals.susu.ru/lcc/article/view/541/727>.

УДК 821.161.1

Н. П. Терентьева,
доктор педагогических наук,
профессор кафедры литературы и методики обучения литературе,
Южно-Уральский государственный
гуманитарно-педагогический университет,
г. Челябинск
e-mail: terninapavl@yandex.ru

**ПРИГЛАШЕНИЕ К ЧТЕНИЮ: ОТЦЫ VS ДЕТИ
(ЗАМЕТКИ НА ПОЛЯХ ШКОЛЬНЫХ СОЧИНЕНИЙ)**

**INVITATION TO READ: FATHERS VS CHILDREN
(NOTES IN THE MARGINS OF SCHOOL ESSAYS)**

Аннотация. Автор анализирует сочинения подростков, чтобы показать их отношение к руководству чтением со стороны родителей. Выявлены проблемы образовательного, коммуникативного, воспитательного характера.

Ключевые слова: чтение, руководство чтением детей, оценка, аксиология.

Abstract. The author analyzes the writings of teenagers to show their attitude to reading guidance from their parents. Problems of educational, communicative, and educational nature are identified.

Keywords: reading, children's reading guide, assessment, axiology.

Воспитание читающего человека – миссия не только школы, библиотеки, но и родителей. Межпоколенческий мотивирующий диалог о книге и чтении в семье – проблема вечная. Так, Н. М. Свирина, анализируя примеры читательских практик школьников «из другой эпохи, времени, когда чтение было естественным времяпрепровождением», справедливо констатирует, что подчас именно от школы идет

отсутствие у школьников интереса к чтению [5, с. 7]. Родители по-своему, доступными им средствами, пытаются убедить своих чад: «Не бойся книги, школьник!». Читательские практики современных родителей, родительская цензура становятся предметом исследования [2; 6]. Детско-взрослое чтение – один из способов увлечь детей чтением, превратив его в событие. «Событийное образование основано на формировании творческого опыта жизни, на развитии, на развитии душевных сил путем общения с природой, трудом, событиями истории и культуры...» [1, с. 8]

А какова реакция школьников на старания и порою настойчивые ухищрения родителей, побуждающих их к чтению? Какие действия родителей они считают успешными? Чтобы ответить на эти вопросы, мы дали восьмиклассникам, обучающимся в лицее № 11 Челябинска, такое творческое задание:

Вам предложили написать небольшую статью (50–70 слов) в газету «Переменка» о том, какие советы вы бы дали родителям, чтобы приобщить их детей к чтению. Придумайте заголовок статьи.

- Полезные советы родителям: как привить ребенку интерес к литературе
- Лучшее учение, или Как вернуть интерес к книге
- Книга – состояние души
- Книга – лучший друг человека
- За книгу с радостью: как привить ребенку любовь к чтению
- Любовь к чтению или к гаджетам?
- Любовь к вечному
- Советы родителям
- Секреты и хитрости
- Скажи «да» литературе для детей

Как видим, заголовки статей имеют позитивный оценочный характер и обнаруживают понимание подростками сути проблемы, ее конфликтности, неформальности.

Анализ сочинений дает и педагогам, и родителям значимую информацию к размышлению и действию.

Что читать?

– *Уважаемые родители, разрешите читать детям современную литературу, детективы, книги для подростков. Ведь одну классическую литературу читать не очень интересно.*

– *Мне бы хотелось прочитать страшилки и комиксы, но я не могу себе этого позволить, потому что вы не разрешаете мне читать такие жанры. Иногда художественная (т. е. классическая) литература бывает очень скучной.*

– *Узнайте поближе об интересах своего чада. Может, он увлекается фэнтези, экшн, приключениями.*

– *Ребенок хочет читать «Голодные игры», но родители настаивают на «Евгении Онегине».*

– *Не отказывайте детям в самостоятельном выборе книги.*

– *Не надо сразу заставлять читать классическую литературу. Сначала можно побеседовать о пользе чтения, потом предложить произведение современного автора, после прочитать 2–3 интересных эпизода, чтобы увлечь книгой.*

Противостояние классики и современности, действительно, одна из болевых проблем. С одной стороны, это свидетельство важности актуализации классики в школьном изучении, с другой стороны, школьнику не хватает свободы читательского выбора, включения в круг актуального чтения современной литературы с ее жанровым многообразием. Для педагогов же это импульс к поиску продуктивного разрешения конфликта. Подростки, не прошедшие педагогических штудий, предлагают интуитивно путь движения от современной литературы к классике, обоснованный в современной методике.

Что делать?

– *Читайте вместе с ребенком.*

– *Корни увлечений ребенка уходят глубоко в детство. Читайте сами. Малыш переймет эту хорошую привычку. Пускай все будет честно: если ваш ребенок должен читать, то и вы тоже.*

– Если родители сами за всю жизнь прочитали небольшое количество книг, то детей трудно будет приобщить к чтению.

– Должно быть больше книг в семье. Меньше смотреть телевизор.

– Выбрать в квартире большую стену и украсить ее прочитанными книгами. Ребенку захочется заполнить ее полностью.

Реплики детей опровергают известную истину: яйца курицу не учат. Учат! И за этими поучениями – картина чтения в семье, точнее, зачастую его отсутствия. Дети пишут о тех правилах, которые являются азбучными истинами. Увы, только на словах. Ребята же хотят, чтобы желаемое стало действительным. Им важен семейный читательский круг! Обозначены коммуникативные и аксиологические координаты семейного чтения.

Как делать?

– Натолкните ребенка на ту самую книгу, которая может пробудить любовь к чтению.

– Рассказать о сюжете и остановиться на самом интересном месте.

– Надо потратить много времени, но найти жанр, который будет нравиться ребенку. Затем найти автора по душе.

– Дарить книги по интересам, увлечениям ребенка.

– Купить книги про ровесников ваших детей.

– Любовь к чтению может идти периодами.

– Предложите альтернативное занятие – чтение интересной книги, так как когда ребенок сидит за компьютером, он выпадает из реальности.

Советы, которые признаются ребятами продуктивными, хорошо известны родителям и педагогам, библиотекарям. И убеждаемся: дети осознают, что эти «приемы» работают. Они нуждаются в диалоге и чутком сопровождении чтения (*Проводите больше времени с детьми, и все будет в порядке*).

И вновь настойчиво звучит мотив свободы читательского выбора, будто вторя пеннаковскому «глагол читать не терпит повелительного наклонения».

– Не заставляйте читать силой.

– Сначала нужно просто заставить детей читать по 10–15 минут в день, затем постепенно увеличивать время на 5 минут в неделю.

– Помните, что книги – это все-таки больше для души.

– Чтение не должно напрягать мозг. Чтение – это удовольствие.

– Контроль минимальный. Не стойте у него над душой во время чтения. Некоторые дети просто стесняются этого: начинают читать сбивчиво и не понимая смысла. Дети просто не выносят вашего взгляда им в спину.

Реплики обнаруживают вполне определенный жизненный и читательский опыт школьников («школьные страдания» по Пеннаку), когда в ход идут и кнут и пряник, а также их ценностные установки.

– Сделайте мотивацию детям: когда они прочитают, можно поиграть, а если не прочитает, не будет ни во что играть.

– Чтобы вы давали по 500 рублей за каждую прочитанную книгу. Если бы что-то давали – это было бы хорошо.

– Лучше не наказывайте ребят за то, что они не читают. Этим только отобьете желание читать.

– Поощряйте за чтение (подарочек, сюрприз, маленькие сладости).

Вдохновляющие советы

– Во-первых, общайтесь с собственным ребенком о чтении. Узнайте о его отношении к этому занятию, выслушайте его. Возможно, он не нашел еще произведение, которое поможет полюбить книги. Во-вторых, советуйте. Вспомните себя в возрасте своего ребенка. Какие книги перевернули ваше сознание? Не расценивайте Интернет как зло. Это еще один очень полезный ресурс для поиска информации о литературе для вас и сына/дочери. Выбор на рынке книгоиздания в наши дни огромен, что-то запросто может зацепить и

вашего ребенка. Третий совет, пожалуй, самый главный: начните с себя. Если вы будете проводить вечера перед телевизором или компьютером, подросток не полюбит чтение. Ваш пример самый действенный.

– Мы забыли, что лучший кинотеатр – это наше воображение. Мы просто привыкли, что все придумывают за нас в кино, в театре, например. Как вернуть книгу в нашу жизнь?

– Ходите с детьми в книжные магазины, пускай ищут то, что им нравится сами.

– Учите ребенка читать, а вместе с ним учитесь сами.

– Научите его воображение рисовать: попробуйте включить спокойную музыку, закрыть глаза, отпустите проблемы и возьмите в руки карандаш. Рисунок с закрытыми глазами!

Ностальгия по настоящему чтению, общению с родителями-читателями, читательскому единению живет в душе и сознании подростков. Ответом может быть труд души наставников-читателей.

Список литературы

1. Галицких Е. О. Чтение с увлечением: мастерские жизнетворчества. М. : Библиомир, 2016. 272 с.

2. Медведь Н. А. Читательские практики современных родителей (онлайн исследование) // Читатель в городе: город как учебник – город как мастерская – город как место для творчества : коллективная монография / под ред. Е. А. Асоновой, Е. С. Романичевой. М. : Библиомир, 2017. С. 123–134.

3. Пеннак Д. Как роман : эссе. М. : Самокат, 2005. 190 с.

4. Пеннак Д. Школьные страдания. СПб. : Амфора, 2009. 247 с.

5. Свирина Н. М. «Я хотел бы поспорить с Пушкиным...» // Не бойся книги, школьник! Уроки петербургских словесников. СПб. : САГА, Азбука-классика, 2004. С. 5–26.

6. Страхова Е. С. Родительская цензура в круге детского чтения // Читатель в городе: город как учебник – город как мастерская – город как место для творчества : коллективная монография / под ред. Е. А. Асоновой, Е. С. Романичевой. М. : Библиомир, 2017. С. 117–122.

О. Т. Грудина (Кокурина),

почётный работник среднего профессионального образования,
преподаватель кафедры библиотечных дисциплин,
КОГПОАУ «Вятский колледж культуры», г. Киров
e-mail: KKOTzao@yandex.ru.

**ОПЫТ КНИГОВЕДЧЕСКОЙ ПОДГОТОВКИ
БИБЛИОТЕКАРЕЙ ДЕТСКИХ БИБЛИОТЕК
EDUCATIONAL EXPERIENCE OF TRAINING LIBRARIANS
FOR CHILDREN LIBRARIES**

Аннотация. В статье рассмотрены вопросы профессиональной подготовки библиотекарей детских библиотек. Освещается опыт преподавания спецкурса «Особенности издания детской литературы» в Вятском колледже культуры (г. Киров). Обосновывается необходимость книговедческих знаний для успешной деятельности библиотекаря во взаимодействии с читателями-детьми.

Ключевые слова: библиотечное образование, книговедческая подготовка, профессиональные знания детского библиотекаря, детские издания.

Abstract. The paper discusses vocational education of librarians for children libraries. The author highlights the experience of teaching “Aspects of publishing children literature” specialty course at Vyatka Cultural College (Kirov city). The paper also provides justification for the necessity of learning publishing studies for successful work with children library users.

Keywords. library education, publishing studies, vocational studies of children's librarians, children's publishing.

Во всех современных документах, посвящённых деятельности детских библиотек, подчёркивается необходимость специальной профессиональной подготовки библиотекарей, работающих с детьми [1, 2, 3, 4, 5]. В «Руководстве ИФЛА по библиотечному обслуживанию детей в возрасте от 0 до 18 лет» (2018 г.) отмечается: «Для того, чтобы дети читали постоянно и с удовольствием, с ними должны работать грамотные специалисты. Детские библиотекари – это адвокаты детства, защищающие права детей на культурное развитие» [5, с. 19]. Для большинства программ подготовки специалистов детских библиотек характерна филологическая направленность: несомненно, изучение детской классической и современной литературы – важная часть обучения. Но библиотекарь должен знать книгу более глубоко и всесторонне, практика детских библиотек доказывает необходимость книговедческой подготовки. Библиотекари, работающие с детьми и подростками, должны знать:

- особенности изданий для детей;
- историю и современные тенденции книгоиздания для детей;
- характеристику полиграфических, конструктивных и оформительских особенностей детских изданий;
- специфику основных видов изданий для детей.

Библиотекари должны уметь:

- ориентироваться в потоке детской литературы и накопленном массиве;
- анализировать и использовать в работе полиграфические и оформительские особенности изданий;
- различать виды изданий для детей и учитывать их особенности в процессе работы.

В Вятском колледже культуры (г. Киров) для студентов специальности «Библиотечное дело» был разработан спецкурс «Особенности издания детской литературы». Программа курса состоит из трёх разделов:

- 1) общие вопросы издания литературы для детей,
- 2) особенности полиграфического и издательского оформления детских изданий,
- 3) основные виды изданий для детей.

В процессе реализации программы предусматривается проведение теоретических и практических занятий, у студентов вырабатываются навыки самостоятельного анализа особенностей изданий для детей и выделения из них наиболее значимых для работы библиотеки с читателями-детьми.

В первом разделе спецкурса рассматриваются общие вопросы: характерные особенности детских изданий, типология детской книги, возрастная классификация, использование приёма серийности. Тема «История развития книгоиздания для детей в России» предполагает изучение основных этапов книгоиздания для детей, начиная с первых печатных азбук и заканчивая организацией специальных издательств для детей в начале XX века. Семинар по теме посвящён деятельности наиболее выдающихся российских издателей детских книг. Заканчивается первый раздел изучением современных тенденций в издании литературы для детей. Знакомство с современным книжным рынком детских изданий основано на анализе сайтов издательств, выпускающих детскую литературу, и на мониторинге издательского потока по заданным параметрам.

Повышенным интересом студентов неизменно сопровождается изучение второго раздела спецкурса, в котором рассматриваются вопросы использования полиграфических средств, конструктивных и динамических элементов; художественная интерпретация текста, выразительные средства набора, изобразительные средства шрифта, классификация изданий с игровыми элементами. Заметной особенностью современного детского книгоиздания является то, что книга все больше приобретает игровой характер. «Книжка-игрушка» и «Книга-игра» становятся любимыми у детей любого возраста, увлекая их самыми разными конструктивными элементами и формами: в книгу вводятся дополнительные элементы, не-

посредственно сами игрушки, сопровождаемые свето- и звуковыми эффектами. Такая особенность предмета изучения повлияла на методику преподавания рассматриваемого нами спецкурса: студентам предлагается творческое практическое задание – сконструировать макет книжки-игрушки, содержащей русскую народную сказку. Указанная деятельность развивает воображение будущих библиотекарей и впоследствии часто используется уже выпускниками в работе с читателями-детьми. Публичные библиотеки ответственны за поддержку приобщения к чтению, популяризацию книг и других информационных материалов для детей. Детские библиотеки предоставляют детям возможность испытать удовольствие от чтения, способствуют развитию воображения [5, с. 24].

Особое внимание во втором разделе программы уделяется книжной иллюстрации: подчёркивается роль иллюстраций в изданиях для детей, рассматривается природа книжной иллюстрации, классификация иллюстраций. Давно доказано, что иллюстрация для детей важна так же, как сам текст книги, а для младшего возраста она даже важнее текста [9]. Процесс визуализации книги характерен для современного детского книгоиздания. Изображение доминирует не только в изданиях для дошкольников и младших школьников, но и детей среднего школьного возраста, являясь не только иллюстрирующим элементом книги, но и зачастую – главным повествовательным ее звеном.

Иллюстрированию посвящены темы: «История развития художественного оформления детских книг в России» и «Современная детская книжная иллюстрация». В них рассматриваются основные этапы развития художественного оформления изданий для детей от первых иллюстрированных детских книг XVIII века и детской иллюстрированной книги 20–30-х годов XX века до современных художников-иллюстраторов. Студенты с удовольствием готовят индивидуальные сообщения о творчестве художников, к каждому выступлению организуют книжную выставку. Умение работать с книжными иллюстрациями формируется и в процессе практических работ:

«Анализ художественного своеобразия иллюстраций отдельных художников», «Сравнительный анализ иллюстраций различных художников к одному произведению». Познакомившись с творчеством детских художников-иллюстраторов, студенты самостоятельно выбирают темы курсовых работ: «Развитие жанра анималистической иллюстрации в книгах для детей и использование их в работе детской библиотеки», «Ожившие сказки. Иллюстраторы книг династии Васнецовых», «Сказка в творчестве художников-иллюстраторов, особенности восприятия иллюстраций и работа с ними в детской библиотеке».

Актуальный вопрос деятельности современных библиотек – использование традиционных детских изданий в новых форматах. Детские библиотеки должны предоставлять разнообразные материалы, отвечающие требованиям развития и потребностям всех возрастных групп в различных форматах [5, с. 22].

Для специалистов важно умение ориентироваться в содержании библиотечных ресурсов, однако практика их использования нередко зависит от выбора самого читателя-ребёнка: если ему интересна электронная форма – пожалуйста, можно полистать электронную книгу или посмотреть альбом иллюстраций онлайн. Понимая это, студенты колледжа создают путеводители по электронным ресурсам. Например, путеводитель по онлайн-ресурсам «Электронный мир «сказочника из Вятки» может стать навигатором чтения детей в виртуальном мире художника Юрия Васнецова.

Вся деятельность в библиотеках, обслуживающих детей, основана на знании особенностей детских изданий. Потому третий раздел спецкурса рассматривает типологические особенности литературно-художественных, научно-популярных детских изданий, особенности учебных изданий для школьников и справочных изданий для детей. Во всех темах раздела подчёркивается постепенное расширение круга детского чтения, что связано прежде всего с возрастом читателей, и включение в чтение различных видов изданий: от литературно-художественных, содержащих небольшие сказки, прибаутки, песенки, до многотомных собраний сочинений и научных изданий. На

практических занятиях студенты учатся различать особенности изданий разных типов, анализировать издания для детей различного возраста, использовать издания в поиске информации. Знакомство с типологическими особенностями изданий помогает в работе с фондом библиотеки, делает рекомендацию книг читателям определённого возраста более целенаправленной [6].

Сочетание филологического и книговедческого подходов в подготовке библиотекарей детских библиотек помогает воспитать всесторонне грамотного специалиста. По мнению Секции библиотек для детей и юношества ИФЛА, успешный и квалифицированный детский библиотекарь «обладает знаниями и управляет сферой современной детской культуры: литературой, играми, музыкой и фильмами, использованием детьми цифрового контента и медиа, а также другими материалами, которые способствуют формированию разнообразных, всеобъемлющих и наиболее соответствующих интересам детей поступлений;... оценивает свою деятельность, легко адаптируется к изменениям, осуществляет непрерывное профессиональное развитие на постоянной основе» [5, с. 18]. О необходимости постоянного профессионального совершенствования говорится и на научных конференциях, и в принимаемых документах [2, 3, 7, 8].

Однако, к сожалению, специальная подготовка детских библиотекарей сокращается, в настоящее время ликвидирована специализация в вузах и колледжах культуры. Документы последних лет предполагают возобновление детской специализации в учебных заведениях [4, 8]. Вероятно, опыт книговедческой подготовки специалистов детских библиотек будет снова востребован. Очевидно, что полноценно работать с детьми может только хорошо образованный специалист, постоянно повышающий свою квалификацию и умеющий наполнять современные информационные технологии лучшим классическим содержанием.

Список литературы

1. Модельный стандарт деятельности публичной библиотеки: принят Конференцией Российской библиотечной ассоциации; XII Ежегодная сессия, 22 мая 2008 г., г. Ульяновск // Информационный бюллетень РБА. Москва, 2008. № 48. С. 54–56.

2. Руководство для детских библиотек России: принято Конференцией Российской библиотечной ассоциации; XIV Ежегодная сессия, 21 мая 2009 года, г. Вологда / Российская библиотечная ассоциация. Санкт-Петербург : Российская национальная библиотека, 2010. 52 с.

3. Руководство по библиотечному обслуживанию детей в России: рекомендации органам исполнительной власти субъектов Российской Федерации, местного самоуправления, специализированным детским библиотекам, общедоступным библиотекам, обслуживающим детей / Министерство культуры Российской Федерации, Российская государственная детская библиотека. Москва, 2019. 35 с.

4. Концепция программы поддержки детского и юношеского чтения в Российской Федерации: утверждена распоряжением Правительства Российской Федерации от 3 июня 2017 г. № 1155-р. [Электронный ресурс] // Правительство России: официальный сайт. 2017. URL: <http://static.government.ru/media/files/Qx1KuzCtzwmqEuuy70A5XldAz9LMukDyQ.pdf> (дата обращения: 14.02.2020).

5. Руководство ИФЛА по библиотечному обслуживанию детей в возрасте от 0 до 18 лет / подготовлено Секцией библиотек для детей и юношества; под ред. Кэролинн Рэнкин // Информационный бюллетень РБА. Москва, 2019. № 88. С. 16–29.

6. Антонова С. Г. Книга для детей: вопросы типологии изданий. Москва : Мир книги, 1995. 235 с.

7. Варганова Г. В. Библиотечный специалист как лидер в общении к чтению / Г. В. Варганова; сост. А. С. Степанова, В. В. Ялышева // Чтение как система трансляции духовного и культурного опыта: материалы Всероссийской конференции, Санкт-

Петербург, 11–12 ноября 2008 г. Санкт-Петербург : Российская национальная библиотека, 2009. С. 67–72.

8. Веденяпина М. А. Роль публичных библиотек России в реализации Программы поддержки детского и юношеского чтения // Информационный бюллетень РБА. Москва, 2018. № 81. С. 38–41.

9. Голубева Н. Л. Детская библиотека: современные проблемы развития. Москва : Литера, 2009. 160 с.

Е. А. Кожевникова,
главный библиотекарь отдела редких книг
Кировской областной научной библиотеки им. А. И. Герцена
e-mail: kea1990@mail.ru

**ЗАНЯТИЯ ПО ИСТОРИИ КНИГИ
КАК СРЕДСТВО ПРИОБЩЕНИЯ ЮНЫХ ЧИТАТЕЛЕЙ
К КНИЖНОЙ КУЛЬТУРЕ**

**LESSONS ON BOOKHISTORY AS A MEANS
OF INTRODUCING YOUNG READERS
TO BOOK CULTURE**

Аннотация. Статья посвящена описанию библиотечного урока для детей по истории книги и письменности из опыта работы Кировской областной научной библиотеки им. А. И. Герцена. Такое занятие способствует формированию особого отношения к книге не только как к ценному и важному средству получения знаний, но и как к произведению искусства.

Ключевые слова: история книги, история письменности, книжная культура, библиотечный урок, юные читатели.

Abstract. The article describes a library lesson for children on the history of book and writing from the experience of the Kirov regional scientific library named after A. I. Herzen. Such lesson contributes to the formation of a special attitude to the book not only as a valuable and important means of obtaining knowledge, but also as a artwork.

Keywords: book history, history of writing, book culture, library lesson, young readers.

Книги – корабли мысли,
странствующие по волнам времени
и бережно несущие свой драгоценный груз
от поколения к поколению.

Ф. Бэкон

Ум без книг, аки птица опешена.
Якож она взлетети не может,
такоже и ум недомыслится
свершена разума без книг.

«Пчела», 1199

Многочисленные и весьма авторитетные социологические исследования, проведенные в России и за рубежом в последние десятилетия, констатируют сужение сферы чтения, отсутствие интереса к чтению и книге и проч. Конечно, эти проблемы не игнорируются: появляются различные стратегии и мероприятия по поддержке чтения, повышения престижа чтения, престижа библиотеки. Одним из путей решения проблемы «нечтения» можно назвать формирование книжной культуры школьников. Средством приобщения к книге могут служить библиотечные уроки, в частности занятия, посвященные истории и искусству книги.

История книги – одна из дисциплин книговедения. В рамках исторического аспекта науки рассматривается история возникновения книги как культурно-исторического феномена, эволюция её материальной формы и общественных функций, динамика восприятия книги читателем разных эпох. Для детского возраста материал по истории книги адаптируется, привносится игровой момент, добавляются логические и творческие задания. Отметим публикации работ на эту тему В. А. Бесхлебниковой [1], Н. Е. Кузякиной [2], С. Л. Львова [3], С. Н. Прудовской [4].

Занятия по истории книги проводятся во многих современных библиотеках. Отдел редких книг Кировской областной научной библиотеки не остается в стороне. Нами разработаны для детей

(9–14 лет) такие темы, как «Загадки книги» (об истории книги и письменности), «Искусство древнерусской книги», «Эволюция формы книги». Поскольку занятие «Загадки книги» является обобщающим, включает в себя многие аспекты остальных уроков, мы расскажем именно о нем.

Цель занятия – познакомить школьников с возникновением письменности, с историей рукописных и печатных книг, их орнаментикой.

Средства обучения: издания из фондов библиотеки, раздаточный материал и презентация по теме занятия.

Занятие рассчитано на диалог, беседу, в ходе которой дети получают новые знания, а также на творческие упражнения. Урок является комбинированным: это объясняется возрастными особенностями детей, для которых характерна неустойчивость внимания, повышенная эмоциональная и физическая активность.

Занятия проходят в читальном зале отдела редких книг. Дети, окружённые старинными изданиями, фолиантами, красивыми переплётами, сразу попадают в книжную атмосферу и готовы к погружению в историю письменности, с которой начинается и история книги.

Прежде всего, мы акцентируем внимание на двух понятиях: язык и письменность. Первая часть занятия – изучение письменности древних народов, начиная с дописьменных объектов – наскальной живописи и петроглифов, открытых в разных уголках Земли. Если «пещерные рисунки» известны любому школьнику, то слово «петроглиф» нуждается в пояснении – это грубо выдолбленные на камне знаки. В последние десятилетия история письма обогатилась многими открытиями, широко применяется радиоуглеродный метод определения времени возникновения объектов и останков, но по-прежнему много загадок, тёмных мест и разногласий в среде учёных. Особенно это касается терминологии и вопроса о происхождении письма. Древнейшим письмом были изобразительные пиктограммы – «рассказы в картинках» или условные знаки, которые передавали целые сообщения. Мы демонстрируем в презентации сюжет из жизни

древнего человека (процесс охоты) и просим ребят расшифровать пиктограмму.

Живой интерес школьников вызывает рассказ о форме книг (глиняные и восковые таблички, потхи, бамбуковые дощечки, свиток, кодекс, гармоника), писчих материалах и их эволюции (глина, пальмовые листья, папирус, пергамен, береста, бумага). Параллельно происходит знакомство школьников с первыми письменными системами – клинописью (**стела с законами царя Хаммурапи**) и древнеегипетскими иероглифами (**храм Карнак, Книга мёртвых**), с первым алфавитом – финикийским; с орудиями письма – каламом, стилосом, кистью, писалом, гусяными, металлическим перьями.

Мы показываем ребятам оригиналы, например папирусный и пергаменный свитки, причем стараемся использовать более молодые издания, потому что остро стоит проблема сохранности. В работе с детьми следует использовать и факсимильные копии (хотя они не могут передать все особенности книги «живой»), книги-игрушки по теме, поскольку ребятам хочется брать книги в руки.

Особое внимание уделяется рассказу о бумаге, ведь она сыграла важную роль в истории культуры, сделав книгу массовой. Рассказываем об эволюции бумажного производства, известных легендах, бумаге ручной работы, филигранях или водяных знаках разных бумажных фабрик (например, бумага голландской фабрики PROPATRIA), которые дают возможность датировать книги в случае отсутствия титульного листа или выходных данных. Дети отмечают, что сегодня мы можем встретить водяные знаки на купюрах.

Перед тем, как перейти к разговору о древнерусской книге, останавливаемся на азбуке. Ребята открывают для себя глаголицу – загадочную славянскую азбуку, существовавшую наряду с кириллицей. Мы показываем факсимильное издание (1843) легендарного **Реймского евангелия**, опубликованного Ж. Б. Сильвестром. Первая его часть содержит чтения праздничных Евангелий по обряду православной церкви и писана кириллицей, а вторая, содержащая Евангелия,

апостольские послания, паремии на праздники по римско-католическому календарю, написана глаголицей.

Школьники сравнивают обе азбуки, анализируют, сопоставляют с современным русским алфавитом. Затем они выполняют творческое задание – на состаренной или крафтовой бумаге пишут глаголицей своё имя.

Как известно, на Руси до преобразований Петра I цифры обозначались буквами (см. «Число церковное и арифметическое» в издании **«Юности честное зерцало»**). Это отразилось в кириллической книге, где в пагинации и нумерации глав традиционно используется цифирь. Для многих ребят это становится открытием, сравниваются арабские цифры и буквенная цифирь. Предлагаем следующее задание – с помощью таблицы «расшифровать» год печатания кириллической книги из наших фондов. Для этого нужно не только перевести буквы в числа, но и вычесть число 5508 (было принято указывать дату от сотворения мира), тогда мы получим год от Рождества Христова.

Конечно, нельзя охватить всё, но обычно хочется показать ребятам образцы типов письма, которые используются в кириллической книге, – устав (**Остромирово Евангелие**), полуустав (**Лицевой летописный свод**), скоропись и вязь. На занятиях с ребятами постарше мы предлагаем к прочтению образцы скорописи из книги **«Практический курс изучения древней русской скорописи для чтения рукописей XV–XVIII столетий» И. С. Беляева** (М., 1911) и текст «Десять правил для жизни», написанный вязью, из книги **«Русская литографированная хрестоматия»** (М., 1902).

В кириллических изданиях немало записей XVII–XX веков, позволяющих проследить судьбу книг и определить их владельцев. В записях указываются сведения о времени переплёта и фамилии переплётчиков, названия населённых пунктов, монастырей, имена владельцев, а также комментарии читателей. Порой в книгах встречаются загадочные записи, зашифрованные тайнописью – простой литореей. С увлечением ребята разгадывают эти ребусы.

Одной из важнейших составляющих кириллических книг является их внешнее оформление. Мы знакомим ребят с традиционными переплётными – досками, обтянутыми кожей или тканью, а также другими элементами переплётки – обрезом, застёжками, наугольниками. Показываем «Граматику» Мелетия Смотрицкого (М., 1648), сохранившую оригинальный переплет Московского печатного двора.

Особый интерес школьников вызывают орнаменты, украшающие страницы старопечатных книг, – заставки, концовки, буквицы, миниатюры и т. д. Познакомившись с некоторыми образцами буквиц и страницами альбома «История русского орнамента X–XVI веков» (М., 1997), ребята приступают к новому заданию – нарисовать буквицу. Нередко у них получаются шедевры.

На протяжении всего занятия ученики знакомятся с редкими изданиями, значимыми для мировой и, в частности, русской истории и культуры (издания перечислены выше). Иногда, чтобы впечатлить наших юных читателей, для сравнения мы показываем самую большую и самую маленькую книги из фонда.

Занятие завершается разгадыванием кроссворда по теме занятия. Здесь выявляется степень усвоения материала. Замечено: при самостоятельном разгадывании кроссворда ребята хотя и могут использовать Интернет и знания взрослых, часто ошибаются, отвечая на ряд вопросов. Например, пишут, что одна из двух славянских азбук – кириллица (ответ: глаголица). Оба слова подходят по количеству букв. Кроме того, ребятам сложно подобрать писчий материал из 8 букв (ответ: пергамен). На занятии мы рассказываем, почему правильнее говорить «пергамен» без *т* на конце слова. Также наблюдается сложность в выборе ответа на вопрос: украшенная орнаментом первая буква рукописного текста (существуют синонимы – буквица и инициал). А если заполнить кроссворд неверно, не получится главное слово – «Герценка».

Занятие увлекает не только ребят, но и взрослых. И порой разговор уносит нас в далекое прошлое, мифологию или реформы русской орфографии, часто – к рассказу о древнейших библиотеках мира.

В ходе занятия ребята получают представление об уникальности фондов библиотеки. Мы рассказываем, что такое книжные памятники, какого отношения они к себе требуют. Безусловно, на таких занятиях самое главное – возможность увидеть оригиналы ценных изданий. Это восхищает читателей. Ведь даже если и встретишь подобную информацию в Интернете, то впечатление не сравнится с тем, которое испытываешь *de visu*.

Прежде мы не работали со столь юной аудиторией, но сегодня понимаем, что эти дети – наши будущие читатели, и хочется, чтобы у них было желание вернуться в библиотеку. В наших силах способствовать формированию особого отношения к книге не только как к ценному и важному средству получения знаний, но и как к произведению искусства.

Список литературы

1. Бесхлебникова В. А. Основы книжной культуры : методическое пособие. М. : Литера, 2010. 186 с.
2. Кузякина Н. Е. Любите книгу и цените библиотеку : методическое пособие для школьных библиотекарей // Библиотека в школе. 2004. № 13. С. 3–62; № 14. С. 3–61.
3. Львов С. Л. Книга о книге : для учащихся ст. классов. М. : Просвещение, 1980. 208 с.
4. Прудовская С. Н. История книги своими руками. М. : Изд. дом «КомпасГид», 2011. 56 с.

К. С. Лицарева,

кандидат филологических наук, доцент,
декан факультета филологии и медиакоммуникаций,
Вятский государственный университет, г. Киров
e-mail: usr11262@vyatsu.ru

**ИСПЫТАНИЕ ЖАНРОМ: НЕКОТОРЫЕ ТЕНДЕНЦИИ
ОТЕЧЕСТВЕННОЙ ДЕТСКОЙ ЛИТЕРАТУРЫ
XXI ВЕКА**

**TESTING BY GENRE: SOME TRENDS
IN RUSSIAN CHILDREN'S LITERATURE
OF THE XXI CENTURY**

Аннотация: статья рассматривает современные тенденции отечественной детской литературы XXI века. Особое внимание уделено жанрам и их влиянию на состояние современного литературного процесса.

Ключевые слова: современная детская литература, жанр.

Abstract. The article considers the current trends of domestic children's literature of the XXI century. Particular attention is paid to genres and their influence on the state of the modern literary process.

Keywords: modern children's literature, genre.

Однажды вы станете
такими взрослыми,
что снова начнете читать сказки.

Льюис Кэрролл

Детская литература XXI века коренным образом отличается не только от советской, но и постсоветской детской литературы (от начала перестройки до начала XXI века). Изменилась технология, прежде всего, писательского бытия. Раньше автор сначала издавал книгу, и если она оказывалась хорошей, то он становился известным, посте-

пенно завоевывая авторитет у читателей. К сожалению, нынешняя ситуация куда сложнее и циничнее.

Некоторых сочинителей качество собственных творений заботит мало. Главное, чтобы скучно не было, главное – быть медийным. Теперь можно любому разместить рекламу Вконтакте и Инстаграм, помещать в сети сентиментальные цитаты и рассказывать душераздирающие истории из биографии автора. Можно обойтись и без корректора, и без редактора, можно и вовсе не печатать, а воспользоваться всеми возможностями сетературы.

Вот она магия и торжество компьютерных коммуникационных технологий! Александр Полярный обратился за финансовой помощью к интернет-сообществу и появилась на свет в бумажном варианте повесть «Мятная сказка». Терпеливые читатели, ожидавшие от издания этой книги художественных открытий и сердечных потрясений, получили крайне наивный сюжет, расхожий и поразительно искусственный.

Последние десятилетия свидетельствуют о жанровом разнообразии детской литературы. То, что в 90-е годы XX века казалось невероятным, сегодня стало привычным: теперь автор расширяет свою сферу влияния на читателей не только изданием книги, но и за счет выпуска одновременно с ней телевизионных, видео-, аудио- и интернет-версий текста.

Большинство сочинителей сознательно смешивают возрастные границы читательской аудитории, апеллируя к более широкому кругу читателей: и детей, и «взрослых детей». Именно это тайное желание большинства авторов – быть прочитанными читателем любого возраста – способствует появлению невозможных ранее тем: магия (черная и белая); наркотики, мафия, плотско-эротические увлечения, преступный мир и т. п. Особенно печально выглядит желание некоторых писателей – бездумно и губительно подражать современным зарубежным образцам литературы для детей в области жанра. Вторжение «взрослых» жанров, следование европейско-американскому мейнстриму наводнило детскую литературу фэнтези, страшилками, хорро-

рами, детективами, «романами для девочек». В погоне за популярностью и прибылью некоторые авторы забывают о критериях художественности, об этической составляющей, не учитывают психолого-возрастные особенности предполагаемых читателей. Причины такой ситуации объясняются не только законами книжного рынка, но и сложившимися социокультурными условиями. Массовая детская литература скопировала все главные признаки массовой литературы для взрослых: жанрово-тематические каноны, схематизм, отсутствие характеров, ориентированность на читателя, не приобщенного к художественной культуре, имеющего примитивные стереотипы, ищущего развлечений. Коммерциализация писательской деятельности, вовлечение ее в рыночные отношения лишили детскую книгу редактора и привели к печальным последствиям в области книжной графики. С одной стороны, детская книга потеряла связь с ребенком, с другой – в большинстве случаев превратилась в массовую литературу. Дети, погруженные в гаджеты, читают неохотно или вообще не читают. Качественная литература требует от юного читателя проникнуть в метафизику произведения, решать важные бытийные вопросы, ощущать историческую атмосферу времени, сложную систему образов и мотивов, семантическую многослойность и т. п. Поэтому и нужны незатейливые сюжеты, привлекательные жанры – «ужастиков» и «детективчиков», написанные на разговорно-жаргонном языке. Такой текст читается легко и потакает самым примитивным желаниям ребенка, не развивая его ни интеллектуально, ни нравственно, ни художественно.

Тем не менее в современной детской литературе есть оригинальные интересные произведения и на примере некоторых из них можно проследить тенденции развития нынешнего литературного процесса.

Известная «взрослой» прозой писательница, переводчица и романистка Екатерина Вильмонт очень продуктивно освоила жанр «детского детектива». В общей сложности она написала сорок книг данного жанра, по времени – в месяц по одной. Они разделены на три

цикла «Даша и Ко», «Гошка, Никита и Ко», «Сыскное бюро “Квартет”». В цикле «Даша и Ко» 19 книг. Первая книга цикла «В поисках сокровищ» повествует о том, как складывался необычный коллектив детей – любителей сыска, приключений и опасностей. Незатейливый, но невероятно насыщенный всякой небывальщиной сюжет, гипнотический дар Муськи, недооцененные способности главной героини, ровный стиль, «сериальность» заставляют юных читателей с нетерпением ожидать продолжения истории в следующей книге.

Известная детективщица Дарья Донцова решила выразить свою страсть к собакам и излюбленному жанру в серии «Сказки Прекрасной Долины», куда вошли на сегодняшний день «Амулет добра», «Волшебный эликсир», «Башня желаний». Основное достоинство этих изданий – прекрасные иллюстрации Юлии Семитко. Автор определяет жанр как сказочную повесть, но использует черты и сентиментальной истории, и моралите, и детектива. Все действующие персонажи – животные, а самые разумные, конечно, мопсы. Главная героиня – бездомный щенок Пошлавон помогла почтовому жабу Густаву перенести тяжелую посылку в чудесную страну – Прекрасную Долину. Она принята в семью высокородных мопсов. Сюжет захватывает и учит быть смелым, стойким, добрым. А в остальном – это яркий пример массовой литературы.

Испытанный принцип сериальности использует Дмитрий Емец в популярной и затянувшейся саге (19 книг) о Мефодии Буслаеве. Первый из девятнадцати – приключенческо-фэнтезийный роман «Маг полуночи». Главный герой, на первый взгляд, – обычный мальчик двенадцати с половиной лет, живущий не в очень благополучной семье. Мефодий с детства замечает за собой странности – он не стрижет свои длинные русые волосы потому, что они начинают кровоточить. Он видит вокруг людей свечение, читает их мысли, взглядом может поджечь, что угодно. Дмитрий Емец создает целый мир, в котором сражаются светлые и темные силы, где главная ценность – бессмертие и то, что нельзя уничтожить, человеческий дух. И снова запутанный сюжет, мистическая символика, виртуальный мир и игра с доб-

ром и злом, но все это в рамках жанра массовой литературы – приключенческо-фэнтезийного романа.

Другой известный российский писатель, автор более четырех десятков книг, среди которых и остросюжетные детективы, и психологические романы, и мистика, и фэнтези, Олег Рой пишет не только для взрослых, но и для детей. У писателя и издательства «Эксмо» есть интересный фэнтези-проект «Мечтатели». «Приключения Квантика» – одна из книг этого проекта – начинается с находки ученых-исследователей, во Вселенной обнаруживших галактику Кванториум. Именно она стала одним из самых больших научно-технических центров, где обучались с самого рождения дети, обладающие выдающимися способностями к науке. Главный герой – двенадцатилетний сирота Мишель. Когда-то транспортный космический корабль подобрал в космосе медицинскую капсулу с младенцем внутри и файлом в бортовом компьютере. Разумеется, у мальчика нечеловеческие способности к телепортации и еще много других чудесных качеств. Ему и его друзьям предстоит сразиться с мировым злом. Популярность этого проекта огромна, а приемы все те же – клише и виртуальность.

Любовью к кошкам и собакам пронизана вся литература – и отечественная, но особенно зарубежная. Кошки и собаки становятся детективами, переносятся в различные исторически эпохи, очеловечиваются.

Например, Анна Никольская выпустила три книги про Бабаку Степановну. Костя Косточкин находит бездомную собаку на канализационном люке, приводит домой, и она поражает домочадцев своей нетипичной для собаки внешностью, но потом удивляет еще больше – она рассказывает семейству Косточкиных картавым басом о своей тяжелой судьбе, о жизни у логопеда и о работе в разведке. Вот такая веселая трескотня о разной ничего не значащей ерунде становится содержанием всей книги. И теперь уже не мистическое, загадочное и ужасное привлекает читателя, а беззаботный и бессмысленный смех.

Разумеется, есть среди значительного корпуса книг для детей произведения об обычных детях, но в большинстве своем основным приемом привлечения читательского внимания становятся юмор и комические ситуации.

Многодетный отец Дмитрий Емец написал книгу о веселых случаях из жизни своей семьи, точно передав повадки, характеры, речевые особенности своих семерых детей. Именно поэтому каждый герой-ребенок получился полнокровным и реалистичным.

Ольга Колпакова свои «Нестрашные сказки про страшную Буку» и «Бука + Бяка» адресует и детям, и взрослым. Книги рассчитаны на семейное прочтение и чудесно проиллюстрированы Светланой Прокопенко. Повествование ведется от имени маленькой девочки Буки, поэтому язык такой незатейливо-детский и в то же время психологически точно выверенный, что создает иллюзию непосредственного и наивного нарратора. Ольга Колпакова проявляет настоящее писательское мастерство и создает реальный, неподражаемый, правдивый и очаровательный образ озорной проказницы Буки.

Журналист, радиоведущий и писатель Марина Москвина в «Голове профессора Шишкина» постаралась рассказать детям многое о взрослых, а взрослым – о детях. Книга состоит из небольших, но интригующих, веселых и небанальных десяти рассказов и душевной, полной юмора и добра повести «Загогулина». И рассказы, и повесть отличаются мягкой иронией, пристальным вниманием к мелочам, неординарным поступкам и характерам персонажей. Это напоминает комедию положений, основанную на комических ситуациях.

Имя Нины Дашевской приобрело известность после того, как повесть «Скрипка неизвестного мастера» стала одним из лауреатов Всероссийского конкурса произведений для детей и подростков «Книгуру» в 2013 году. Нина Дашевская – чуткий, внимательный и деликатный автор. Она умеет воссоздать, понять внутренний мир подростка, описывая удивительную историю превращений и обретений десятилетнего Кешки, которому музыка помогает наполнить жизнь дружбой, красотой, смыслом и гармонией. Книга ярко объяс-

няет читателю, что от своего дара, от своего предназначения никуда не уйти.

Помимо перечисленных авторов в отечественном литературном процессе есть много других писателей, расширяющих рамки сложившихся в русской литературе XIX и XX веков традиций, открывающих новые неканонические жанры, пытающихся говорить с читателем на его языке. Но потакание непритязательным вкусам юных читателей, отсутствие этической ясности, коммерческая заинтересованность, следование жанровым клише увеличивают количество слабых текстов, к сожалению пользующихся успехом у юных читателей.

Как не вспомнить В. Г. Белинского, убежденного в том, что детскому писателю нужна «душа благодатная, любящая, кроткая, спокойная, младенчески-простодушная, ум возвышенный, образованный, взгляд на предметы просветленный и не только живое воображение, но и живая поэтическая фантазия, способная представлять все в одушевленных, радужных образах» [2].

Список литературы

1. Сивоконь С. И. Уроки детских классиков. М., 1990. С. 189.
2. Белинский В. Г. URL: <http://www.vgbelinsky.ru/texts/books/13-2/articles-and-reviews/68/>

Научное издание

**Детская литература в контексте XXI века:
сохранение традиций и тенденции развития**

Научные редакторы Е. О. Галицких, В. В. Двоеглазов
Корректор Т. Н. Котельникова
Компьютерная верстка А. А. Харунжева

Подписано в печать 22.05.2020 г.

Формат 60×84 / 16

Бумага тип.

Усл. печ. л. 12,0

Тираж 100 экз.

Заказ № 32.

ООО «Издательство «Радуга-ПРЕСС»
610044, г. Киров, ул. Лепсе, 69-48, т. (8332) 262-390
www.raduga-press.ru
E-mail: raduga-press@list.ru

Отпечатано в полиграфическом цехе
ООО «Издательство «Радуга-ПРЕСС»
т. (8332)262-390